633.3(253)
95
C34

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
1789.
28 6/43

28 6/43

1749

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1887 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

Въ конторахъ редакцій „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Изслѣдованія о наблюденіи надъ жизнью тюремныхъ, ссыльныхъ и бродяжескихъ общинъ. Историческій очеркъ сибирской ссылки. Сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ Западной Европѣ. Основы новой раціональной системы, исправленіе согласно выводамъ пенитенціарной науки и дѣятели русской тюремной общины. Н. М. Ядринцева. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к.

Сибирь, какъ колонія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Его же. Спб. 1882. Ц. 3 р.

П. П. Ершовъ, авторъ сказки «Конекъ-Горбунокъ». Ярославцева. Ц. 1 р. Прод. въ пользу Томск. народн. безплатн. библіотеки.

Въ забытомъ краѣ. Очерки и разсказы изъ жизни сибирскихъ крестьянъ. Н. И. Наумова. Ц. 1 р. 50 к., для подписч. «Восточн. Обозр.» 60% уступки, съ безплатной пересылкой.

Спутникъ по Сибири. Изд. типографіи газеты «Сибирь». Иркутскъ. 1887. Ц. 50 к.

Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ съ атласомъ. Изд. И. Кузнецова. 1886. Ц.

Историческій очеркъ Сибири, В. Андріевича, т. II. Періодъ отъ 1700 г. до 25-го ноября 1741 г. Иркутскъ. 1886. Ц. 1 р. 75 к. Продается въ пользу Общества содѣйствія учащимся сибирякамъ въ С.-Петербургѣ.

„СИБИРСКІЕ МОТИВЫ“.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе.—Въ Сибири, Омулевскаго.—Я снамъ не вѣрю, но порой,—его-же.—Если ты странствуешь, путникъ,—его-же.—Сибирь (на открытіе Сибирскаго университета въ Томскѣ). С. Фруга.—Счастливый сонъ, Омулевскаго.—Къ родинѣ, П. Кожевникова.—Родина, Семилужинскаго.—Къ родинѣ, А. Эпова.—Вѣчно томимый завѣтной кручиною, Стрѣтенскаго.—Барабинская степь, Омулевскаго.—При разливѣ Оби, его-же.—На берегахъ Енисея, его-же.—Бирюсинскій лѣсъ, его-же.—Между Томскомъ и Иркутскомъ, его-же.—Ангарская греза, его-же.—Близь границъ Монголіи, его-же.—Байкальская осень, С Москвина.—Алтай, Д. Садовникова.—Сибирскія святки, Омулевскаго.—Сибирякъ, его-же.—Зимній путь, Н. Огарева.—Пустыня, Н. Д.—Въ лѣсу, его-же.—Переселенцы, С. Москвина.—Залетныя птицы, Омулевскаго.—Колодники, А. Толстаго.—Посланіе въ Сибирь, А. Пушкина.—Жена каторжника (изъ Барри Корнэля).—На дальней родинѣ моей, Омулевскаго.—Изъ поэмы ‹Дѣдушка›, Н. Некрасова.—Балаганъ, Семилужинскаго.—Ермакъ Тимоѳеевичъ.—Ермакъ взялъ Сибирь (изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ).—Стрѣла, Д. Садовникова.—Три брата, его-же.—Саатырь, А. Марлинскаго.—Отрывки изъ поэмы: Войнаровскій, К. Рылѣева.—Далекій край, М. Розенгейма.—Камчадалъ, Омулевскаго.—Къ буряткѣ, Ѳ. Баульдауфа.—Вѣтрянка, Семилужинскаго.—Черемуха, В. Михѣева.—Красная лилія, его-же.—Какъ бы жизнь ни шла сурово, Омулевскаго.—Сибирская колыбельная пѣснь, его-же.—Дума сибиряка, С. Бердяева.—Посвященіе дочери, Омулевскаго.—Къ молодому поколѣнію, его-же.—Подростающимъ землячкамъ, его-же.—На новый годъ, его-же.—Оборванныя струны, его-же.—Пройдутъ года и ты, страна родная, его-же.

С.-Петербургъ, 1886 г. Ц. 20 коп., съ перес. 25, заказн. 33 коп.

Всѣ деньги, полученныя за продажу этой книги, предназначены въ пользу семьи покойнаго поэта И. В. Омулевскаго (Федорова). Книга выпущена въ количествѣ 5,000 экземпляровъ. Изданіе И. М. Сибирякова.

2р
9(57)
С-34

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1887 г.

01
84
Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 22534
02
08

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го Декабря 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	Полярныя страны Сибири. (Замѣтки и наблюденія въ Колымскомъ округѣ). **П. Рябкова.**	1
II.	Купля-продажа крестьянскихъ земель въ Тобольской губерніи. **С. Марусина.**	43
III.	На зарѣ жизни человѣчества. **Н. Я.**	55
IV.	Сибирскіе инородцы. Изъ книги Оскара Пешеля: „Völkerkunde“ 6-te Auflage v. A. Kirchhoff. Leipzieg. Dunker und Humblot. 1885.	71
	Біографическая замѣтка объ Оскарѣ Пешелѣ, профессора **Э. Ю. Петри**	98
V.	Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка. **И. И. Тыжнова**	101
VI.	О Европейскихъ колоніяхъ. (Изъ сочиненія Рошера: Kolonien und Kolonial-politik)	148
VII.	Воспоминанія о Сибирской золотопромышленности. **А. Б—ой.**	168
VIII.	Природа и жизнь на южныхъ берегахъ озера Балхаша. **А. Н. Краснова.**	187
IX.	Передвиженія и судьбы тюркскаго народа. (Глава VI изъ послѣдняго сочиненія Вамбери: Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885).	206
X.	Сказанія и легенды минусинскихъ татаръ. **Н. Ѳ. Катанова**	218
XI.	Таежный карнавалъ. Сочиненіе **Бусъ-Хараха (Александрова)**	239
XII.	Библіографія. Свѣдѣнія о тюркахъ Енисейской губерніи **Н. Ѳ. Катанова**	278

ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ СИБИРИ.

Замѣтки и наблюденія въ Колымскомъ округѣ) *).

I.

Природа Сѣвера.

Вся южная и юго-восточная часть Колымскаго округа Якутской области сильно гориста. Становой (Яблоновый) хребетъ, отдѣляющій этотъ округъ съ юго-востока отъ Приморской области (Гижигинскаго округа), даетъ множество отроговъ, врѣзывающихся далеко внутрь округа. Всѣ эти отроги, часто переходящіе за черту лѣсной растительности, идутъ по направленію къ сѣверу или къ сѣверо-востоку и служатъ главными водораздѣлами рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ непосредственно въ Ледовитый океанъ, или впадающихъ въ Колыму. Нѣкоторые изъ отроговъ, довольно далеко врѣзываясь въ глубь округа, постепенно понижаются, переходятъ въ холмы и потомъ, уже почти у самаго моря, окончательно сглаживаются. Средняя часть округа по лѣвую сторону рѣки Колымы до Колымскаго, или Алазейскаго, хребта (границы двухъ округовъ: Колымскаго и Верхоянскаго), носящая мѣстное названіе *«земельной стороны»*, въ противоположность правой, гористой, *«каменной»*, вся, за самыми малыми исключеніями, состоитъ изъ низинъ со множествомъ озеръ, рѣчекъ и болотъ (‹‹бадрановъ››). Эти низины, постепенно переходя въ тундру, тянутся до

*) Колымскій округъ, одинъ изъ округовъ обширной Якутской области, находится въ самомъ сѣверо-восточномъ углу ея, между 71—61 градусами сѣверной широты и 114 и 142 долготы; онъ занимаетъ всю водную систему рѣкъ Колымы и Алазеи, впадающихъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Площадь округа равняется 670,306 квадратнымъ верстамъ и въ два раза слишкомъ больше Пруссіи. *Авт.*

самаго океана. Только одинъ Алазейскій хребетъ кой-гдѣ посылаетъ отъ себя внутрь округа небольшіе отроги, всхолмливающіе эти низины.

По большей части всѣ горы и долины покрыты однообразнымъ лиственнымъ лѣсомъ, тянущимся безъ конца во всѣ стороны. Въ долинахъ множество болотъ, нерѣдко простирающихся на десятки, сотни верстъ; болота эти кочковаты, поросли осокой, ерникомъ и. мѣстами, жалкой древесной растительностію, никогда не высыхаютъ и вмѣстѣ съ миріадами комаровъ и мошки составляютъ сущее мученіе для всего тамъ живущаго. Округъ также богатъ озерами, преимущественно сосредоточенными у верховьевъ рѣки Алазеи, между этой рѣчкой и Алазейскимъ (Колымскимъ тоже) хребтомъ. а также по лѣвому берегу самой Колымы. Нѣкоторыя озера достигаютъ до 10 и 15 верстъ въ ширину и бываютъ замѣчательно богаты рыбою. Безлѣсная тундра также не лишена озеръ и маленькихъ рѣчекъ, обильныхъ рыбою и дичью.

Васъ окружаетъ угрюмая, мрачная, безжизненная природа, нелишенная иногда своеобразныхъ красотъ; чѣмъ дальше къ сѣверу. тѣмъ становится она еще печальнѣе и мертвеннѣе. Лѣсъ постепенно мельчаетъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ подъ ужаснымъ дыханіемъ суровыхъ вѣтровъ со льдовъ океана. Здѣсь уже начинается однообразная безъ конца пустыня—тундра съ ея снѣжной «пургой», полярными почами, съ ложными солнцами и лунами и съ ея замерзшимъ туманомъ—«морокомъ». Вотъ тотъ предѣлъ, предъ которымъ русскій человѣкъ остановился и дальше котораго рѣдко шелъ, но за которымъ чукча-дикарь со своими стадами оленей чувствуетъ себя очень хорошо. Еще дальше разстилается одно изъ негостепріимнѣйшихъ морей, поглотившее столько людскихъ жизней, —жизней героевъ, отважившихся извѣдать его тайны. Въ этотъ-то океанъ, большую часть года закованный льдомъ, вливаются всѣ рѣки, питающія скудное населеніе ихъ береговъ.

Суровые тоны природы нѣсколько смягчаются только вдоль большихъ рѣкъ. Здѣсь и растительность богаче, и мѣста разнообразнѣе, и жизни больше. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ—съ половины или конца мая до половины сентября,—когда рѣки и озера свободны отъ ледянаго покрова, жизнь здѣсь бьетъ ключемъ: все очнулось отъ долгой зимней спячки. Нигдѣ, кажется. природа такъ скоро не пробуждается, какъ на крайнемъ сѣверѣ: еще за недѣлю все было въ полномъ оцѣпенѣніи и вдругъ, какъ-бы по волшебству, проснулось подъ живительными лучами солнца, которое съ конца мая въ продолженіе 20 и болѣе дней (на высотѣ

полярнаго круга) не сходитъ вовсе съ неба. Жизнь растетъ все интенсивнѣе. Едва сошелъ снѣгъ, чуть только оттаяла земля, какъ уже показалась зелень, запестрѣли цвѣты, лиственница одѣлась въ свѣтлозеленую хвою, зазеленѣли тальники, потянуло запахомъ отъ ольхи, богульника, шиповника выбросилъ бутоны блѣднорозовыхъ цвѣтовъ; еще дальше—начинаютъ наливаться ягоды красной и черной смородины, морошки; каждая почка лѣсныхъ болотъ синѣетъ отъ «голубели» (голубики); каждый пригорокъ въ лѣсу къ солнцу покрытъ краснымъ ковромъ брусники. Окраины безчисленныхъ озеръ одѣты высокой травой и темно-зеленымъ хвощемъ, которые составляютъ прелестную рамку для зеркальной поверхности озера, отражающей и свѣтло-голубое небо съ перистыми облачками, и ясное солнце, и якута, что ѣдетъ въ своей «вѣточкѣ» смотрѣть сѣти, и комаровъ, темной тучею вьющихся надъ рыбакомъ.

Весною и осенью всѣ озера кишатъ гусями, лебедями, разныхъ породъ утками, гагарами и прочей дичью, которая здѣсь весною лишь на роздыхѣ по пути къ болѣе сѣвернымъ широтамъ, къ берегамъ и островамъ океана или къ озерамъ тундры, гдѣ она плодится и линяетъ. На мѣстѣ, около Среднеколымска, перелетной птицы остается очень мало: всего двѣ-три породы утокъ, нѣсколько видовъ куликовъ, немного гусей, орелъ, соколъ, бѣлая и сѣрая чайка и еще нѣсколько другихъ птицъ. Весною сюда прилетаютъ стрижи, но нѣтъ ласточекъ и воробья—этого спутника сохи и нивы; есть воронъ, рябчикъ, глухарь, тетеревъ, куропатка, сычъ, мышеловъ, но все это въ небольшомъ количествѣ. Съ окончаніемъ перелета настаетъ опять такая тишина, что можно подумать, будто всѣ эти обширные лѣса, эти пустынныя рѣки лишены всякой живой твари, что въ нихъ все вымерло или спитъ. Болота не оглашаются крикомъ лягушекъ, которыхъ здѣсь, какъ и змѣй, ящерицъ и ужей, вовсе нѣтъ. Изрѣдка въ лѣсу раздастся рѣзкій крикъ орла либо ворона, да пронесется надъ сонной поверхностью рѣки или озера тоскливый вопль чайки. Въ такое время всякій звѣрь старается убраться изъ лѣсу, куда-нибудь подальше отъ болотъ, гдѣ нѣтъ этихъ ужасныхъ комаровъ, мошки, паутовъ (оводовъ) и т. п. пакости, заставляющей медвѣдя ревѣть, сохатаго забираться въ воду по самое горло или бѣжать въ горы. Таковы лѣса Якутской области и особенно ея сѣверной половины лѣтомъ; зимою они еще угрюмѣе и молчаливѣе. Совершенно оголившій лѣсъ не разнообразится темной зеленью сосны или ели: только изрѣдка въ горахъ попадаются куртины по землѣ стелящагося кедра да можжевельника.

*

Рѣки, озера, бадраны скованы льдомъ и покрыты слоемъ снѣга, на которомъ изрѣдка оттиснуты слѣды волка, чаще заіца («упкана»), песца, горностая, куропатки и едва примѣтные слѣды полярной мыши, составляющей лакомое блюдо для лисицы, песца и другихъ хищныхъ звѣрковъ и птицъ. Все живое какъ-бы гдѣ-то попряталось и боится показаться на страшный морозъ, отъ котораго трещатъ деревья, и лопается земля, издавая пушечные выстрѣлы; въ воздухѣ стоитъ какая-то мгла, искрятся ледяныя иглы; солнце едва поднимается надъ лѣсомъ, вовсе не грѣетъ, даетъ едва замѣтныя тѣни и окружено радужнымъ кольцомъ съ ложными солнцами. Съ половины ноября въ теченіе двухъ или болѣе недѣль его вовсе не видно: царствуютъ сумерки съ блѣдной луной и сѣвернымъ сіяніемъ. «сполохи» котораго не восхищаютъ здѣшняго шпородца, а наводятъ на него суевѣрный страхъ. Можно проѣхать сотни верстъ и не встрѣтить живой души, не увидѣть выходящаго изъ трубы дыма, не замѣтить ни одной птицы или звѣря. Если вы читали полный трагизма дневникъ американца Делонга, погибшаго голодною смертью со всѣми своими товарищами въ при-ленскихъ пустыняхъ, то вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ здѣсь можно пройти громадныя пространства и, въ продолженіе слишкомъ мѣсяца, не только не встрѣтиться съ человѣкомъ, но даже за все время не застрѣлить болѣе двухъ-трехъ десятковъ куропатокъ. Правда, это въ устьяхъ Лены, въ тундрѣ; но и въ лѣсной полосѣ того же Верхоянскаго или Колымскаго округа господствуетъ тотъ-же пустынный характеръ мѣстности. Среди этихъ лѣсовъ, среди безчисленныхъ развѣтвленій горъ, отроговъ, переваловъ, долинъ и ущелій, покрытыхъ лѣсомъ или совершенно оголенныхъ, въ сѣти множества лѣсныхъ рѣчекъ, ручьевъ, озеръ, чувствуешь себя совершенно подавленнымъ, безпомощнымъ, какъ ребенокъ: вы сознаете, что вполнѣ находитесь во власти природы, подавляющей васъ страшной грандіозностью пустыни. Не разъ является мысль: что бы съ вами сталось, если бы вы лишились своего ямщика, якута или тунгуса, которымъ одинъ только извѣстны эта таіга, эти горы и тѣ, чуть не звѣриныя, тропы, по которымъ онъ васъ везетъ. Бродяга, исходившій на своемъ вѣку чуть не всю Сибирь, попадая въ Колымскій или Верхоянскій округъ, сразу перестаетъ бродяжить: онъ пасуетъ предъ природою. Кажется, не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь изъ нихъ ушелъ изъ Колымскаго округа. Каждый знаетъ, что уйти зимою—значитъ погибнуть съ голоду и холоду, уйти лѣтомъ—навѣрное утонуть въ какомъ-нибудь бадранѣ

(болотѣ), котораго миновать, пройти пѣшкомъ безъ проводника, нельзя. Громадныя быстрыя рѣки, озера, горы—вездѣ преграда и смерть. Бродяга долженъ избѣгать людей, а въ нихъ здѣсь только и спасеніе отъ смерти. Поселенцы здѣшніе не разъ совершали какую-нибудь уголовщину, лишь бы только выбраться, хотя бы на каторгу, изъ опостылѣвшаго имъ края. Такова эта сторонка!

II.

Русская колонія на берегахъ Колымы.

Небольшая горсть русскихъ протянулась узкой полосой по рѣкѣ Колымѣ, группируясь главнымъ образомъ въ двухъ центрахъ: Среднеколымскѣ и Нижнеколымскѣ *). Верхнеколымскъ есть крайній предѣлъ Колымскаго округа на югѣ, дальше котораго русскій человѣкъ не пошелъ. Эти три пункта можно уподобить тремъ нервнымъ узламъ, изъ которыхъ только два первые посылаютъ во всѣ стороны нервные отростки, тогда какъ послѣдній остается едва замѣтнымъ утолщеніемъ на главной нити нерва. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ эти узлы все болѣе и болѣе развѣтвляются, отростки ихъ становятся длиннѣе и охватываютъ большій кругъ дѣятельности. Въ то время, когда русское населеніе средняго теченія Колымы, въ количествѣ 500 душъ, почти все находится въ городѣ и живетъ преимущественно городской жизнью, населеніе низовій Колымы какъ бы бѣжитъ своего центра и старается вести, по возможности, хуторскую жизнь. Для послѣдняго центръ—Нижнеколымскъ—служитъ лишь мѣстомъ собранія въ извѣстное время года, на время наѣзда купцовъ, мѣсяца на 2, на 3; затѣмъ всѣ, за самыми малыми исключеніями, разъѣзжаются по своимъ заимкамъ, тонямъ,

*) Если взять цифры изъ отчета якутскаго губернатора за 1881 г., то окажется, что въ Колымскомъ округѣ было инородцевъ обоего пола 5,408 душъ (вошли-ли сюда чукчи, изъ отчета не видно); неинородцевъ, собственно русскихъ, 940 человѣкъ обоего пола. Слѣдовательно, на одного русскаго придется около 5.8 инородцевъ. Отношеніе получится еще болѣе неблагопріятное, если въ отчетѣ не показаны чукчи. Тогда, принимая цифру Неймана 3,000 душъ, на одного русскаго (вообще представителя славяно-русской народности) прійдется 8,9 инородцевъ. Однако, такое отношеніе (даже послѣднее) русскихъ къ инородцамъ еще не изъ худшихъ: въ остальныхъ округахъ якутской области, за исключеніемъ Олекминскаго, на одного неинородца приходится отъ 18 до 64 инородцевъ.

деревнямъ, гдѣ и проводятъ большую часть года, въ противоположность среднеколымчанамъ, для которыхъ городъ служитъ постояннымъ мѣстомъ жительства, за исключеніемъ 3—4 мѣсяцевъ, когда большинство ихъ (²/₃) также разъѣзжается по займкамъ для промысла рыбы. И понятно, почему это такъ бываетъ. Среднеколымскъ—это центръ искусственный, созданный администраціей; онъ ею, главнымъ образомъ, и поддерживается: не будь этой поддержки—всѣ его жители, состоящіе преимущественно изъ казаковъ, чиновниковъ, духовенства и горсти мѣщанъ, разбѣгутся, такъ какъ дѣлать имъ здѣсь будетъ нечего,—они всѣ живутъ жалованьемъ. Это очевидно изъ исторіи города Зашиверска на рѣкѣ Индигиркѣ. «Городъ» этотъ давно исчезъ съ лица земли, хотя не съ географическихъ картъ. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, теперь стоитъ одна развалившаяся церковь, съ колокольни которой не раздается болѣе звонъ, созывавшій когда-то зашиверцевъ, и не нарушаетъ сна тѣхъ, которые покоятся подъ покачнувшимися крестами давно заброшеннаго кладбища; все живое убралось изъ этого мертваго пункта въ другія мѣста. Между тѣмъ, этотъ когда-то большой городокъ, съ городничимъ, солдатами, казаками и другимъ подобнымъ людомъ, жилъ и по-своему процвѣталъ, но до тѣхъ только поръ, пока административный центръ округа не былъ изъ него перенесенъ въ теперешній Верхоянскъ, бывшій тогда (1826 г.) (?) незначительнымъ якутскимъ поселкомъ въ нѣсколько юртъ, да и теперь насчитывающій около 300 человѣкъ жителей.

До сихъ поръ русскій человѣкъ на Колымѣ не закрѣпился, не усѣлся прочно на извѣстныхъ мѣстахъ. Еще не разъ ему придется ихъ бросать и искать другихъ. Въ Колымскомъ округѣ можно много найти такихъ мѣстъ *), гдѣ сравнительно недавно еще существовали цѣлые поселки. Поселки эти уничтожились, народъ разбрелся. Обыкновенно, покинутыми оказываются болѣе южныя широты въ пользу болѣе сѣверныхъ, у устьевъ рѣкъ, у Ледовитаго океана. Тоже самое замѣчается и по отношенію къ Верхоянскому округу. Почти шесть седьмыхъ русскаго населенія его находится на сѣверѣ, у устьевъ рѣкъ. Жиганскъ наЛенѣ и Верхоянскъ на Янѣ мало привлекаютъ русскихъ.

Колымскій казакъ, вышедши въ отставку, переставъ получать «хлѣбное довольствіе», не прикрѣпленный болѣе къ городу службою:

---

*) На р. Алазеѣ также когда-то было значительное русское поселеніе, Алазейскъ, отъ котораго теперь и слѣдовъ не осталось.

мѣщанинъ, почему-либо покинувшій городъ,—всѣ стремятся къ сѣверу, въ низовья Колымы. Здѣсь такой переселенецъ ставитъ юргу или домъ, сколоченный на скорую руку, безъ крыши, при немъ амбарчикъ, рѣдко копаетъ погребъ, а чаще роетъ въ мерзлой землѣ неглубокую яму для храненія рыбы. Всѣ матеріалы для построекъ подъ рукою: лѣсъ на корню, а гдѣ его нѣтъ, или онъ очень тонокъ, тамъ рѣка нанесетъ ему «плавника». Все необходимое для лова рыбы: сѣти, неводъ, лодка,—обыкновенно имѣется налицо, такъ какъ еще до своего переселенія онъ по большей части уже занимался рыболовствомъ, а если нѣтъ, то покупаетъ коноплю, волосъ, зимою плететъ неводъ, сѣти и съ первымъ весеннимъ ломъ неводитъ; добытой рыбою питается самъ и кормитъ своихъ собакъ, съ которыми нигдѣ не разстается. Такимъ образомъ, почти всѣ остальные казаки, которыхъ, вмѣстѣ съ ихъ домочадцами, насчитывается около 300 душъ, поселились около Нижнеколымска. Это же самое, въ общемъ, остается вѣрнымъ и по отношенію къ другимъ сословіямъ *).

Для такого рода поселеній избираются мѣста вниз по рѣкѣ Колымѣ до самого почти моря, по ея низовымъ протокамъ и притокамъ и безчисленнымъ вискамъ (рѣчушкамъ), вытекающимъ изъ озеръ: селятся небольшими группами, по двѣ—по три семьи, а часто и по одной, рѣдко деревнями въ пять, десять дворовъ. Поселки эти обыкновенно расположены другъ отъ друга на довольно большомъ разстояніи. Русскіе въ этихъ поселкахъ почти всегда перемѣшаны съ якутами (по Колымѣ до Нижнеколымска) и съ юкагирами (по рѣкамъ Омолону, Тимкиной и др.).

III.

Типъ колымчанина и его образованіе.

Въ настоящее время около Нижнеколымска обитаетъ небольшое племя обрусѣвшихъ юкагиръ. Было время, когда это племя было многочисленно и сильно. Съ приходомъ русскихъ въ Колымскій край народецъ этотъ скоро подчинился русскимъ, найдя въ нихъ союз-

*) Въ 1870 г. въ городѣ Среднеколымскѣ числилось отставныхъ казаковъ съ семьями 28 душъ, внѣ его 27ъ; мѣщанъ въ городѣ 149 душъ, въ округѣ 168; крестьянъ въ городѣ нѣтъ, около же Нижнеколымска 119 душъ. (Пам. кн. Якут. обл. на 1870 г.).

никовъ и защитниковъ противъ своихъ давнихъ враговъ-чукчей и коряковъ, съ которыми ему приходилось вести постоянныя войны. Благодаря послѣднему обстоятельству, небольшая горсть русскихъ казаковъ и промышленниковъ, подъ прикрытіемъ и при содѣйствіи юкагировъ, могла выдерживать нападенія враждебныхъ инородцевъ, а также и сама предпринимать противъ послѣднихъ походы, облагать ясакомъ, совершать экспедиціи по Ледовитому океану и вести торговлю. Все это было бы немыслимо, если бы русскіе не завязали и не поддерживали бы добрыхъ отношеній къ этому сильному народцу *).

Вотъ эти-то юкагиры, какъ нужно полагать, главнымъ образомъ и играли роль въ измѣненіи русскаго національнаго типа. Это, по крайней мѣрѣ, будетъ вѣрно по отношенію къ русскимъ, занявшимъ низовья Колымы, такъ какъ въ то время, когда такое занятіе происходило, якутовъ тамъ еще не было: они въ Колымскомъ округѣ и, особенно, въ его сѣверной части являются сравнительно позже, и потому на ихъ долю тогда выпадало самое незначительное участіе въ измѣненіи расовыхъ чертъ нижнеколымца. Нужно еще замѣтить, что казакъ или промышленникъ, прежде чѣмъ прійти сюда, уже не были чистыми представителями русско-славянскаго типа, а были до нѣкоторой степени помѣсью, народившеюся уже въ Сибири или въ сѣверныхъ частяхъ Европейской Россіи. Но при всемъ томъ, кто хотя мелькомъ видѣлъ русскаго уроженца низовій Колымы, тотъ могъ замѣтить, что между нимъ и среднеколымчаниномъ, верхоянцемъ или жителемъ Якутскаго округа, гдѣ русскій человѣкъ съ давнихъ поръ подвергается объякучиванію, существуетъ нѣкоторая разница, какъ въ обликѣ лица, такъ и въ языкѣ. Такое различіе признаютъ сами жители Средне- и Нижнеколымска. Послѣдніе, напримѣръ, называютъ себя въ отличіе отъ русскихъ вообще «нижнеколымскимъ народомъ». Отъ нихъ часто можно слышать: «какіе мы юсскіе, мы нижнеколымскій наёдъ». Среднеколымчанинъ, который такъ же мало имѣетъ права зваться русскимъ, съ гордостью называетъ себя таковымъ и зло подсмѣивается надъ низовикомъ.

Если взять два преобладающіе средніе типа, свойственные одинъ—уроженцу низовій Колымы, другой—среднеколымчанину, и сравнить ихъ между собою, то окажется, что низовикъ, хотя по росту мало чѣмъ разнится отъ среднеколымца, но зато онъ болѣе строенъ, лучше, пропорціональнѣе сложенъ, живѣе въ движеніяхъ,

*) «Памятная кн. Якут. обл.» на 1871 г., стр. 158.

менѣе угловатъ; лице у него болѣе продолговатое, менѣе скуластое, болѣе смуглое: носъ меньше сплюснутъ въ переносьѣ; глаза и волосы одни и тѣ же у обоихъ; бороды жидки или почти отсутствуютъ.

Отъ этого средняго типа, конечно, есть уклоненія въ обѣ стороны и довольно значительныя.

Трудно разобраться въ такой мѣшаниѣ; одно только съ увѣренностью можно сказать, что въ жилахъ русскихъ, обитающихъ въ низовьяхъ Колымы, преобладаетъ скорѣе юкагирская кровь, чѣмъ кровь другихъ инородцевъ.

Средній типъ, преобладающій между жителями средней Колымы, болѣе приближается къ типу якута, чѣмъ къ типу великоросса или малоросса. Всѣ колымчане этого типа круглоголовы, мелкорослы, худощавы, смуглолицы: мускулатура ногъ и рукъ слабо развита, отчего эти члены кажутся тонкими, хотя и не столько, какъ у природныхъ якутовъ: кисти рукъ и ступни ногъ меньше, чѣмъ у русскихъ: волосы черные, прямые, рѣдко темно-каштановые и еще рѣже бѣлокурые: чрезвычайно рѣдко, преимущественно между женщинами, попадаются субъекты этого типа съ свѣтло-каштановыми волосами, съ нѣжной бѣлой кожей и сѣрыми глазами, чего между чистыми якутами я никогда не встрѣчалъ. У описываемаго типа имѣются на головѣ волосы и борода, которая, замѣтимъ, никогда не бываетъ такъ велика и роскошна, какъ у чистаго великоросса, а у многихъ едва замѣтна,—всегда тоньше и нѣжнѣе якутскихъ: у женщинъ косы гуще и длиннѣе якутскихъ, но меньше и жиже, чѣмъ у чистыхъ русскихъ, которые, мимоходомъ сказать, и подкожнымъ жиромъ богаче. Если ко всему этому прибавить, что у средняго типа носъ болѣе широкъ, чѣмъ у русскаго, но меньше, чѣмъ у якута: что его глаза, всегда темные, шире открываются, менѣе склеены у переносья и глубже лежатъ, чѣмъ у того же якута: что скулы вмѣстѣ съ низкимъ, нѣсколько покатымъ лбомъ, плосковатымъ лицомъ, съ большимъ ртомъ, еще сильно даютъ себя знать и указываютъ на родство съ тюркско-монгольской расой.—то вотъ вамъ этотъ средній типъ во всѣхъ его особенностяхъ. Отъ него также есть отклоненія въ обѣ стороны и чаще въ сторону якутскаго, чѣмъ русско-славянскаго типа. Кромѣ того, здѣсь надо упомянуть, что вообще красоты у колымцевъ искать нельзя, хотя и здѣсь попадаются въ своемъ родѣ миловидныя личики съ богатыми, глубокими, черными глазами: послѣдніе, собственно, и придаютъ лицу эту миловидность.

Въ Среднеколымскѣ есть, впрочемъ, цѣлое поколѣніе мѣщанъ

и купцовъ, происшедшее отъ одного, какъ говорятъ, бѣжавшаго отъ солдатчины великоросса, Михаила Б—ва, среди котораго сохранились лица съ великорусскимъ обликомъ. Сынъ этого бѣглаго въ 1-й разъ былъ женатъ на якуткѣ, отъ которой имѣлъ 6 сыновей и 6 дочерей; отъ второй жены, русской, онъ прижилъ также шесть сыновей и шесть дочерей. Какъ первая серія—отъ якутки, такъ и вторая—отъ русской имѣютъ въ настоящее время своихъ представителей, приходящихся правнуками и праправнуками Михаилу Б—ву. Члены второй серіи довольно хорошо удержали великорусскій обликъ, хотя и не вполнѣ, такъ какъ брачились съ колымчанками. Большинство изъ нихъ рослы, бѣлолицы, съ каштановыми волосами, голубыми или сѣрыми глазами, съ густой свѣтлой бородой и довольно правильной русской рѣчью, хотя и по-якутски они говорятъ превосходно.

Есть также отрасль, происходящая отъ первой серіи, гдѣ мужчины и женщины одинаково утратили великорусскій типъ, мало чѣмъ отличаются отъ природныхъ колымчанъ и носятъ явные слѣды якутской крови. Отецъ этой семьи, происшедшій отъ русскаго и якутки, женатъ на русской. Дочери отъ этого брака похожи на мать, но уже приближаются къ среднему типу колымчанъ, хотя еще не настолько, чтобы можно было ихъ прямо къ нему отнести. Всѣ характерныя черты этого типа въ нихъ или совершенно отсутствуютъ, какъ скуластость, относительная узкость глазъ и ширина носа, или воспроизведены, но въ болѣе слабой степени. Всѣ эти женщины темноволосы, съ черными или карими глазами и смуглой кожей; въ общемъ онѣ красивѣе колымчанокъ. Братъ ихъ уже болѣе приближается къ среднему типу, но опять-таки не вполнѣ воспроизводя всѣ его черты и признаки: лобъ, глаза лучше развиты, хотя скулы и жидковолосье усовъ и бороды порядочно даютъ себя чувствовать; женатъ онъ на колымчанкѣ средняго типа и имѣетъ двухъ маленькихъ дѣтей, которыя уже нисколько не разнятся отъ таковыхъ же, происшедшихъ отъ паръ средняго типа.

Прямыя скрещиванія русскихъ съ тунгусами и ламутами хотя теперь довольно рѣдки, но встарину, вѣроятно, дѣло было иначе: русскіе не брезгали женщинами этихъ бродячихъ инородцевъ, которыя мало чѣмъ уступаютъ якуткамъ и бурятками или даже превосходятъ ихъ по красотѣ. Наше предположеніе сдѣлается еще болѣе вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что во всей Сибири и особенно на ея окраинахъ до начала нынѣшняго столѣтія существовало рабство,—купля и продажа инородческихъ дѣтей и женщинъ, спросъ на ко-

торыхъ предъявлялся исключительно русскими. Отъ этого зла не была избавлена и Якутская область. Вотъ что мы находимъ по этому предмету въ «Памятной книжкѣ Якут. обл. на 1871 г.».

«Въ XVII и XVIII ст. считалось обыкновеннымъ дѣломъ при покореніи немирныхъ или при усмиреніи бунтовавшихъ инородцевъ брать ихъ женщинъ и обращать въ свою собственность. Эти захваты инородческихъ женщинъ совершались не въ одно только военное время, но и въ мирное. Всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, при разъѣздахъ по наслегамъ, не только пользовались женщинами временно, но завладѣвали ими и обращали въ собственность. Такимъ образомъ развился обычай многоженства: у простаго казака было по нѣскольку наложницъ, которыхъ онъ могъ продавать и закладывать или просто прогнать обратно въ улусъ, если онѣ ему наскучивали. Продажа женщинъ прекратилась лишь въ концѣ прошлаго столѣтія... Инородцы, находясь въ крайности и бѣдности, закабаляли себя русскимъ и даже торговали своими дѣтьми... Якутскъ былъ рынкомъ для продажи рабовъ, вывозимыхъ изъ Охотска, Камчатки, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и Колымскихъ зимовій. Эта торговля долго не прекращалась, не смотря на запрещенія; даже одно время само правительство склонно было допустить это зло, какъ неизбѣжное. Наконецъ, главный ударъ невольничеству нанесенъ былъ указомъ 1808 г., а прекратилось рабство въ дѣйствительности послѣ указовъ 1825 и 1826 годовъ».

Кромѣ средняго типа, образовавшагося какъ средняя пропорціональная всѣхъ сталкивавшихся въ совмѣстной жизни, народностей колымщины, должны бы быть еще два крайніе полюса чистой помѣси—русско-якутской и русско-юкагирской. Существуетъ-ли въ настоящее время въ чистомъ видѣ русско-юкагирская помѣсь, я не знаю. Полагаю, что ея, по крайней мѣрѣ въ Колымскомъ округѣ, нѣтъ, такъ какъ здѣсь едва-ли сохранился чистокровный юкагиръ: онъ или обрусѣлъ, или обламутился. Вторая же помѣсь (русско-якутская) встрѣчается сплошь и рядомъ. Мнѣ приходилось замѣчать, что въ большинствѣ случаевъ поколѣніе, получившееся отъ прямаго скрещиванія представителей двухъ чистыхъ расъ, русско-славянской и якутской, носитъ черты и видовые признаки, свойственные больше второй, чѣмъ первой расѣ. Но мнѣ не случалось видѣть втораго поколѣнія отъ подобныхъ браковъ. Не будетъ ли такое поколѣніе еще болѣе приближаться къ якуту, удаляясь отъ русскаго?

IV.

Физіологическое и культурное пониженіе и вырожденіе русско-славянской расы.

Нигдѣ, кажется, малорослость русскихъ такъ рѣзко не бросается въ глаза, какъ въ Якутской области и, особенно, въ двухъ сѣверныхъ ея округахъ. Если все мужское русское мѣстное населеніе Колымы подвести подъ мѣрку, то едва-ли двѣ трети перешло за два аршина три вершка. Низшая норма роста для пріема въ казаки два аршина два вершка, а между тѣмъ казачьи дѣти 17—18 лѣтъ, когда они зачисляются на службу, часто не подходятъ подъ эту мѣру. Такимъ даютъ отсрочку нерѣдко по три года подъ рядъ, но такъ какъ далеко не всѣ изъ нихъ за льготное время выростаютъ, то ихъ и такъ принимаютъ,—иначе пришлось бы чуть не треть забраковывать.

Когда въ Колымскъ начали привозить государственныхъ ссыльныхъ, то нѣкоторые изъ нихъ поражали колымчанъ своимъ якобы колоссальнымъ ростомъ, а женщины очень долго сворачивали съ дороги и обходили далеко стороною, чтобы не встрѣтиться съ такимъ великаномъ, да къ тому же еще и бородачомъ, что въ глазахъ прекрасныхъ колымчанокъ составляетъ атрибутъ человѣка «страшнаго» и старика. Между тѣмъ, самый высокій изъ этихъ колоссовъ имѣлъ два аршина восемь вершковъ, другіе же пять человѣкъ—шесть, семь вершковъ, но и эти послѣдніе казались чрезвычайно рослыми среди колымской мелюзги.

Вмѣстѣ съ ростомъ какъ-бы уменьшалась и сила. Меня всегда поражало замѣчательное физическое безсиліе колымчанъ. Рѣдкій изъ нихъ легко поднимаетъ трехъ, четырехъ пудовый ящикъ или суму; только что убитый олень, вѣсящій пудовъ шесть—семь, съ большими усиліями поднимается двумя колымчанами. Я думаю, что пять пудовъ для половины представителей мѣстнаго населенія совершенно не подъ силу. Они бы рты разинули, если бы увидѣли нашихъ крючниковъ, ломовиковъ, чернорабочихъ, таскающихъ кули въ пять—семь пудовъ, нерѣдко наверхъ, во второй этажъ, и что все это продѣлывается въ продолженіе цѣлаго дня, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. При насыпаніи землею потолковъ приходится видѣть, съ какимъ трудомъ поднимается колымецъ съ ношею въ

2—3 пуда земли. Эта работа считается самой тяжелой, и ея избѣгаютъ даже самые бѣдные люди, стараясь всегда нанять для того якутовъ, которые тоже не могутъ похвалиться особенной силой, но, по крайней мѣрѣ, они болѣе привычны къ труду. Конечно, и въ дѣлѣ слабосилія колымчанъ не безъ исключеній, но они не нарушаютъ общаго правила.

Безъ всякаго сомнѣнія, на уменьшеніе роста и пониженіе мускульной силы здѣшняго русскаго главнымъ образомъ вліяла его метисація съ инородцами, которые, какъ всѣмъ извѣстно, не отличаются ни большимъ ростомъ, ни замѣтной силой мускулатуры. Между всѣми этими тунгусами, ламутами, юкагирами, якуты—самый крупный, видный народъ; а между тѣмъ якутъ рѣдко достигаетъ того роста, какой мы обыкновенно называемъ среднимъ, и лишь въ видѣ крайняго исключенія—выше средняго. Недостатокъ солнечнаго тепла и свѣта, однообразная рыбная пища, дурно сохраненная, недостатокъ въ растительной пищѣ, хлѣбѣ, частыя голодовки, чередующіяся съ обжорствомъ, дурныя гигіеническія условія, плохой уходъ за дѣтьми и не менѣе плохое питаніе ихъ въ младенческомъ возрастѣ, малоподвижный образъ жизни, отсутствіе правильнаго физическаго труда въ зрѣломъ возрастѣ—все это такіе факторы, которые не могутъ не отразиться гибельно на населеніи и не понизить роста, силы мускуловъ и энергіи въ трудѣ. Присматриваясь къ общему ходу обыденной жизни на средней Колымѣ, вы тотчасъ замѣтите общую черту слабосилія, малоподвижности, проникающую всю эту жизнь. Тамошніе русскіе, въ большинствѣ, плохіе пѣшеходы: они очень скоро устаютъ въ ходьбѣ. Да рѣдко ихъ даже и увидишь ходящими: цѣлую зиму, въ продолженіе почти семи, восьми мѣсяцевъ, колымчане сидятъ дома, а въ остальную часть года, сидя въ лодкѣ, упражняютъ больше руки, но не ноги. Зимою русскій разъ въ день съѣздитъ на собакахъ въ лѣсъ за дровами да пройдется сюда-туда — вотъ и весь его моціонъ. Большею частью всѣ свои передвиженія совершаетъ онъ на нартѣ (на саняхъ), въ сѣдлѣ или въ лодкѣ. Всѣ его несложныя работы—и въ городѣ, и на рыбныхъ промыслахъ, такъ сложились, что не требуютъ значительныхъ затратъ физическихъ силъ. При дальнѣйшихъ наблюденіяхъ за общимъ складомъ жизни, васъ поразитъ еще одна черта: бревенъ-ли надо нарубить и приплавить, домъ-ли построить—все это дѣлаетъ *якутъ* или *поселенецъ*, рѣдко самъ русскій; кирпичи дѣлаетъ, печи кладетъ, доски пилитъ, столярничаетъ, кузнечитъ—тотъ же поселенецъ или якутъ. Однимъ сло-

вомъ, всѣ тяжелыя работы лежатъ на другихъ, но мало на здѣшнемъ русскомъ, который къ нимъ, вдобавокъ, не только мало способенъ, но еще избѣгаетъ ихъ, даже стыдится. Этотъ ложный стыдъ особенно замѣчается между казачьимъ сословіемъ, обезпеченнымъ паіковымъ довольствіемъ.

Въ самую горячую рабочую пору, въ продолженіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, во время рыбныхъ промысловъ, колымчанинъ все-таки, по преимуществу, сидитъ сложа руки, такъ какъ собственно на ловъ рыбы приходится, въ общей сложности, не болѣе двухъ или двухъ съ половиною мѣсяцевъ и то съ частыми перерывами, въ которые нельзя бываетъ неводить, потому что вода велика, затопляетъ тони. Въ эти перерывы, на которые такъ много уходитъ времени, они буквально ничего не дѣлаютъ, если не считать дѣломъ непомѣрное спанье, чередующееся съ непомѣрной ѣдой и частитіемъ по четыре, пяти разъ въ сутки. Эта пора лова рыбы для населенія самая счастливая, желанная, которой оно ждетъ-не дождется послѣ зимнихъ и весеннихъ хроническихъ голодовокъ. Здѣсь о непосильномъ, чрезмѣрномъ трудѣ не можетъ быть и рѣчи. Колымчанинъ, вообще, не затрачиваетъ и пятой доли того труда, какой выпадаетъ на долю русскаго крестьянина или фабричнаго рабочаго. Но и этого труда жителю Колымы, по ихъ разсказамъ, лѣтъ 20—25 назадъ совершенно было достаточно, чтобы за одно лѣто обезпечить себя и собакъ пищей на весь годъ. Теперь, допустимъ, онъ не меньше работаетъ, но добываетъ гораздо меньше и поэтому часто живетъ впроголодь, а часто и голодаетъ, болѣетъ и нарождаетъ хилое поколѣніе, которому станетъ еще труднѣе жить, если только оно не изыщетъ новыхъ способовъ добыванія средствъ къ существованію; пока же оно живетъ по завѣту своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Все, сказанное здѣсь, относится до средняго теченія Колымы; населеніе низовій этой рѣки, по доставленной намъ характеристикѣ г. Р—го, нѣсколько отличается отъ среднеколымцевъ.

«Нижнеколымчане, говоритъ Р—ій, довольно стройны, сильны и проворны, въ единоборствѣ нерѣдко роняютъ чукчей, которые, вообще, гораздо сильнѣе ихъ; на бѣгу они легки и выносливы. Однажды П. К—въ, парень лѣтъ 25, везъ меня изъ К. до Нижнеколымска на разстояніи сорока верстъ: собаки или хорошей рысью, и К—въ все это пространство бѣжалъ около нарты, не отставая и изрѣдка только присаживаясь на нарту. Здѣшніе жители хорошо владѣютъ ножемъ при деревянныхъ подѣлкахъ, многіе—искусные

плотники, кузнецы и слесаря-самоучки, но къ работѣ, вообще, лѣнивы, болѣе времени проводятъ въ спальѣ и способны проспать зимою нѣсколько сутокъ безъ просыпа (?). Лѣтомъ во время неводьбы неутомимы: страшные охотники до картъ, иногда проигрываютъ все до послѣдней рыбы; охотно занимаются рыболовствомъ (рыба, вѣдь, единственная ихъ пища) и ѣздою на собакахъ, причемъ безъ особеннаго вреда для здоровья переносятъ сырость и сильные морозы, во время которыхъ въ дорогѣ нерѣдко ночуютъ, зарывшись въ снѣгъ; очень любятъ вино (водку), но, къ ихъ счастью, оно здѣсь бываетъ весьма рѣдко, и бутылка продается корчемнымъ способомъ по 5 р. и дороже; въ домахъ же спятъ всегда нагіе, многіе вовсе не носятъ рубахъ; сонъ ихъ бываетъ безпокоенъ, во снѣ разговариваютъ громко и внятно и поютъ отчетливо, какъ наяву; въ обыкновенной работѣ—греблѣ веслами—очень выносливы: могутъ грести безъ отдыха часовъ 5 и болѣе: голодъ переносятъ по нѣскольку дней и къ холоду мало чувствительны. Зимою главное ихъ занятіе—ѣзда на собакахъ, за промысломъ на пушнаго звѣря и по торговымъ дѣламъ».

Что сказать о духовномъ развитіи закинутаго судьбою сюда русскаго человѣка? Бѣдность этого развитія и отсталость культурная сказывается во всемъ. Укажемъ на языкъ, который потерялъ свою чистоту.

Жители низовій Колымы и отчасти сѣверной половины Верхоянскаго округа, заброшенные преимущественно въ среду юкагиръ и чуванцевъ, и притомъ поставленные въ самыя неблагопріятныя климатическія и экономическія условія, не утратили своего роднаго языка, а, напротивъ, еще навязали его этимъ инородцамъ. Г. Нейманъ насчиталъ юкагиръ, говорящихъ на своемъ природномъ языкѣ, не болѣе десяти, а *обрусѣвшихъ* до 1,500 человѣкъ. Изъ здѣшнихъ русскихъ немногіе только знаютъ по-якутски.

Русскіе же Средне-колымска и его окрестностей, явившіеся сюда одновременно съ якутами, хотя также всѣ говорятъ по-русски, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ знаютъ якутскій языкъ и, нужно сказать, лучше чѣмъ родной. Громадное большинство здѣшняго населенія, особенно его женская половина, думаетъ на якутскомъ языкѣ и сплошь и рядомъ предпочитаетъ говорить между собою на немъ. Здѣсь уже, какъ и въ остальной области, общимъ объединяющимъ языкомъ служитъ якутскій, на которомъ говорятъ и тунгусы, и ламуты, и юкагиры верховьевъ Колымы. Очень и очень

рѣдко встрѣтишь якута, говорящаго ломанымъ русскимъ языкомъ, и почти никогда тунгуса или ламута.

Русскій языкъ въ низовьяхъ Колымы хотя и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ инородческимъ, но борьба эта не прошла для него даромъ, такъ какъ и самому пришлось претерпѣть нѣкоторыя измѣненія. Языкъ этотъ сильно напоминаетъ какой-то не то дѣтскій лепетъ, не то какое-то сюсюканье, дикое и непривычное для россіянина-великоросса, за что нижнеколымчанъ и называютъ «сладкоязыкими» (сьядко-языкій по - нижнеколымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вмѣсто «пришла» непремѣнно скажутъ «пышшья» или «пыпсья», не «рыба», а «іиба». Звуки *ч*, *ш*, *щ* и *ж*, большею частью, также замѣняются звуками *ц*, *с*, *з* и наоборотъ. То же самое свойственно и среднеколымчанамъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Между рѣчью послѣдняго и рѣчью низовика существуетъ такая же разница, какъ и между ихъ средними физическими типами. Разница эта образовалась, главнымъ образомъ, также подъ вліяніемъ двухъ народностей—юкагирской и якутской. По конструкціи языкъ среднеколымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно. Якутъ вовсе не говоритъ по-русски и поэтому мало коснулся формъ русскаго языка; здѣсь не было компромисса между двумя языками, и не выработался говоръ. Русскіе цѣликомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтно только то, что русскій, говорящій по-якутски и неутратившій своего роднаго языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе.

Вотъ маленькій образчикъ того, какъ говоритъ коренной житель низовій Колымы: «Мать пьесвятая Богоёдица, спаси и поміюй пасъ, гьѣсныхъ юдей!» Или: «И сто за пьёкьятый наёдъ».

Если ко всему этому прибавить, что житель Среднеколымска, а низовикъ особенно, меньше говоритъ нараспѣвъ, менѣе монотонно, то вы получите нѣкоторое понятіе о языкѣ, на которомъ говоритъ здѣшнее населеніе.

О бѣдности этого языка нечего уже и говорить. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ много ниже языка крестьянъ Россіи.

Параллельно съ обѣдпѣніемъ и искаженіемъ языка шло уменьшеніе, вырожденіе поэтической фантазіи, народнаго творчества въ области сказки, пѣсни и проч. Если колымчанинъ еще не сталъ полнымъ индифферентистомъ во всемъ этомъ, то весьма и недалекъ отъ того. Если онъ еще поетъ, то поетъ пѣсню не свою,

меньше всего народную, а какую-то заносную, привитую, далеко не подходящую къ его жизни, къ его понятіямъ, и поетъ-то онъ тогда, когда выпьетъ, иначе колымчане не поютъ. Они долго не могли привыкнуть къ тому, что государственные ссыльные поютъ безъ водки, и всегда подозрѣвали, что они, таясь, пили ее. Колымчанинъ поетъ пѣсни:

«Вечеръ поздно изъ лѣсочка
Я домой коровъ гнала»... и проч.

Эта пѣсня переведена даже на якутскій языкъ.

Есть отрывки разныхъ романсовъ, какихъ въ Россіи уже не услышишь: но пѣтъ плясовыхъ, веселыхъ пѣсенъ, въ которыхъ выражалась бы удаль, ширь, — такихъ пѣсенъ колымчанинъ не знаетъ. Всѣ его пѣсни по напѣву довольно однообразны, монотонны. Пѣсень, рисующихъ мѣстные нравы, обычаи, идеалы или страсти, почти не встрѣчается. Правда, время отъ времени появляется изрѣдка нѣчто похожее на это, въ родѣ слѣдующей пѣсни недавняго происхожденія, воспѣвающей похожденія одного поселенца и его любовницы-казачки.

Какъ образецъ пѣсни и выговора, приведемъ пѣсню, очевидно, заносную, но уже нѣсколько примѣненную къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Она поется въ низовьяхъ Колымы.

Ей, ей! изъ пьяваго (праваго) воёта (ворота),
Выходія кьясота душа.
Ой, ой, ой! Дунай мой:
Дунай—ду, наддающка!

Ея юсая коса
Ниже пояса быя (была).
Ой, ой, ой! и проч.

Язбогатые (разбогатые) кущы—
Донскіе казаки...
Ой, ой, ой! и проч.

Намъ на свадьбу ту суіи (сулили)
Пойтоясто (полторасто) (л)ебедей.
Ой, ой, ой! и проч.

Пойт ясто (л)ебедей,
Пойтысяци сейдей (сельдей)...
Ой, ой...

Библиотека Тобольского
Гос. Музея нив. № 22534

Свѣтей мѣсяцъ на пойну (полну)
Я гостинецъ пьивезу (привезу)...
Ой, ой...

Я подъ гою (гору) покатіясь,
Восемь язъ (разъ) навзничъ ёжіясь (ложилась)...
Ой. ой...

Кромѣ сейчасъ приведенной пѣсни, въ Нижнеколымскѣ сохранилось, сравнительно, въ малоизмѣненномъ видѣ нѣсколько свадебныхъ, обрядовыхъ пѣсенъ, прямо указывающихъ на свое происхожденіе въ средѣ великорусскаго населенія.

Вообще, если колымчанинъ иногда и является творцомъ пѣсни или сказки, то все это въ незначительномъ масштабѣ и такъ безотрадно-грустно и бѣдно и по содержанію, и по мысли, вложенныхъ въ нихъ. Пожалуй, въ этомъ отношеніи, особенно въ области сказки, якутъ опередилъ русскаго. Колымчанинъ очень охотно слушаетъ якута-сказочника, переносящаго его въ міръ фантазіи, хотя и неособенно богатой, но тѣмъ не менѣе отрывающей его хотя на время отъ грубой, непригляднои дѣйствительности. Между якутами попадаются замѣчательные сказочники: они часто сами импровизируютъ свои сказки и могутъ говорить цѣлую длинную полярную ночь, держа на одинаковой высотѣ вниманіе всѣхъ своихъ слушателей. Водка, карты и сказка—вотъ три удовольствія, которымъ здѣшній русскій и якутъ цѣликомъ отдаются, и которыя одинаково сильно дѣйствуютъ на ихъ, жаждущую острыхъ ощущеній, первую систему. Кромѣ сказокъ, у якутовъ сохранилось много преданій изъ прошлаго въ видѣ историческихъ и бытовыхъ былинъ, которыя также имѣютъ своихъ пересказчиковъ и пѣвцовъ. Ихъ также охотно слушаютъ.

Одна только якутская пѣсня, слишкомъ еще чуждая русскому уху, не успѣла вполнѣ вытѣснить русской, хотя уже и оказала большое вліяніе на послѣднюю. Есть мѣста въ Якутской области (въ Якутскомъ, Вилюйскомъ округахъ), гдѣ многіе коренные русскіе вполнѣ усвоили якутскую пѣсню.

Якутъ-пѣвецъ поетъ большею частью собственную импровизацію, но есть нѣкоторыя пѣсни и съ постояннымъ, неизмѣняющимся текстомъ. Вдохновляется якутъ всѣмъ, на что только палъ его взоръ: поетъ онъ речитативомъ, не соблюдая риѳмовки, дикимъ горловымъ голосомъ, совершенно незнакомымъ, неслыханнымъ вамъ, читатель! Мотивъ его пѣсни рѣжетъ ваше ухо, и вы никогда не сможете привыкнуть къ нему.

Приводимъ для образца импровизаціи пѣсню старухи, пѣтую на праздникѣ и не лишенную, какъ увидитъ читатель, своеобразной, дикой прелести.

«Славно грѣетъ солнце мои старыя кости,—пѣла она.—Весело мнѣ плясать съ вами, дѣтушки!

«Можетъ (быть), послѣдній разъ пою я свою пѣсню. Земля скоро закроетъ мои слѣпые глаза.

«На будущій годъ вы опять придете сюда порѣзвиться. А на моей могилѣ будетъ зеленѣть свѣжая трава.

«Холодно будетъ мнѣ тамъ, и огонь камелька не согрѣетъ мое старое тѣло.

«Пляши же и пой, молодость.—съ дикой энергіей звучалъ ея голосъ.—И я попляшу съ вами въ послѣдній разъ.

«И въ послѣдній разъ кумысу напьюсь. А будущей весной вы опять сойдетесь тутъ при солнечномъ свѣтѣ.

«И вспомните тогда о старухѣ, и будетъ ей весело въ своей холодной могилѣ.

«И услышитъ она ваши пѣсни, а ея темные глаза изъ могилы увидятъ, какъ вы пьете весенній кумысъ.

«И запляшутъ ея веселыя кости подъ вашу веселую пѣсню». («Сибирь», № 14. 1877 г.).

Теперешній колымчанинъ, въ жилахъ котораго болѣе чѣмъ наполовину течетъ инородческая кровь, почти забылъ все свое былое, онъ живетъ только настоящимъ днемъ, рѣдко смотритъ впередъ и еще меньше назадъ. Всѣ его воспоминанія, преданія не идутъ далѣе сотни лѣтъ. Онъ рѣшительно не знаетъ или очень смутно понимаетъ, что его дѣды, прадѣды пришли изъ какой-то Россіи, съ Дону. Объ этой Россіи, объ этомъ Донѣ онъ, конечно, имѣетъ самое туманное представленіе или вовсе никакого. Его міровоззрѣніе очень скудно, узко; оно тѣсно связано съ его Колымою, тайгой, безконечными болотами, озерами, съ унылой, однообразной равниной тундры и съ такимъ же утомительно-малосодержательнымъ складомъ его и окружающихъ его инородцевъ жизни: рѣдко его міросозерцаніе идетъ дальше этой повседневности, дальше Якутска, который представляетъ изъ себя то же самое, домашнее, но только нѣсколько въ большихъ размѣрахъ. Что дѣлается тамъ, за этимъ славнымъ Якутскомъ, для многихъ трудно уловимымъ, какъ мечта, онъ такъ же мало знаетъ, какъ мы о лунѣ.

*

V.

Соціально-экономическій складъ жизни колымчанина.

На первыхъ же порахъ по пріѣздѣ въ Среднеколымскъ, поражаешься тѣмъ своеобразнымъ, дикимъ складомъ жизни и понятій, какихъ до того времени я никогда лично не встрѣчалъ или не имѣлъ возможности прослѣдить. Якутскъ, Верхоянскъ, имѣющіе много общаго съ Колымскомъ, промелькнули только мимо меня, возбуждая мое любопытство и затрогивая массу вопросовъ, но не давая на нихъ отвѣтовъ. Въ Колымскѣ вполнѣ я сталъ понимать то, что за дорогу было только намѣчено. Присмотрѣвшись ближе къ колымчанину, вы найдете, что онъ, не выдѣляясь слишкомъ рѣзко изъ среды русскихъ другихъ округовъ Якутской области, все-таки составляетъ нѣкоторую съ ними разновидность, но такую, которую если сопоставить съ русскимъ человѣкомъ Европейской Россіи, то она окажется чуть не самостоятельнымъ видомъ. Начиная его жилищемъ и кончая имъ самимъ все носитъ печать крайней своеобразности, незнакомой и чуждой коренному русскому.

Посмотрите на его домъ. Развѣ это русская изба съ крышей, съ трубой надъ ней, съ украшеніями на окнахъ, дверяхъ, кровлѣ, со ставнями и стеклами въ окнахъ? Ничего этого нѣтъ у колымчанина. Его изба всегда безъ крыши, съ прямою безъ боровковъ трубою отъ камелька, рѣдко отъ печи; трубу эту затыкаетъ онъ оленьей шкурой, для чего, съ опасностію сломать себѣ шею, взбирается къ ней на потолокъ по бревну съ кой-какъ наруб.ленными для ногъ ступенями. Потолокъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и крышей, не имѣетъ даже ската для воды, отчего эта послѣдняя во время дождей свободно проникаетъ въ жилище, портитъ вещи и производитъ сырость; самый домъ сколоченъ на скорую руку изъ плохаго мелкаго лѣса: стѣны дома скверно проконопачены мхомъ; потолки дурно настланы и насыпаны землею: полы, оконныя и дверныя колоды худо пригнаны; камелекъ уродливыхъ формъ, по большей части, сдѣланъ изъ дерева и глины, сплошь и рядомъ дымитъ и часто загорается, не будучи своевременно смазанъ глиною. Украшеній снаружи и внутри дома не ищите. Коньковъ, пѣтушковъ, колоночекъ, разныхъ вырѣзокъ и узоровъ по дереву, филенокъ и т. п. вещей, скрашивающихъ бревенчатую избу, нигдѣ не встрѣтите. Колымча-

нинъ меньше всего эстетикъ и слишкомъ лѣнивъ для этого: многое ему чуждо изъ того, безъ чего другой не обходится. Въ этомъ случаѣ онъ близко подходитъ къ якуту, такъ близко, что во многихъ мѣстахъ уродливую, темную юрту предпочитаетъ дому, находя ее теплѣе и уютнѣе. Если намъ замѣтятъ, что у здѣшняго русскаго мало времени и нѣтъ средствъ устроиться иначе, то это будетъ отчасти только вѣрно, какъ исключеніе, а не какъ правило. Много есть такихъ хозяевъ, которые легко могли бы устроиться иначе, но если этого не дѣлаютъ, то потому, что не сознаютъ въ этомъ необходимости,—они говорятъ, что и такъ хорошо. Дворы ихъ рѣдко бываютъ огорожены, службы безпорядочно разбросаны и дурно содержатся. Колымчанинъ берется за исправленіе дома или погреба въ крайнемъ только случаѣ, когда въ погребъ льется вода или начинаютъ лазить собаки и таскать оттуда рыбу, мясо, когда въ его домѣ начинаютъ вываливаться цѣлыя бревна, а черезъ потолокъ, какъ сквозь рѣшето, бѣжитъ вода.

Понятно, что дома, такъ мало приспособленные къ суровому климату, да еще съ камельками вмѣсто печей, бываютъ, большей частью, холодны и угарны, не смотря на то, что на зиму въ окна, вмѣсто бумаги и рыбьей кожи, вставляютъ цѣльныя льдины въ четверть толщиною, а стѣны обмораживаютъ. Послѣдняя процедура производится такъ: сначала стѣну поливаютъ водою и сейчасъ съ лопаты забрасываютъ снѣгомъ, который, примерзая къ дереву, заливаетъ собою всѣ щели. Температура такого жилья чрезвычайно неравномѣрно распредѣлена: въ то время, когда у камелька невозможно стоять отъ жары, на полу нерѣдко вода замерзаетъ, а въ углахъ снѣгъ по стѣнамъ.

Внутренняя обстановка русскаго дома мало чѣмъ разнится отъ якутской. Топорной работы съ выгнутыми ножками якутскій столъ, неуклюжія скамьи, плохо сколоченная кровать, а чаще нары съ кучею грязныхъ оленьихъ шкуръ, замѣняющихъ тюфяки, съ неменѣе грязными подушками и одѣялами изъ заячьихъ шкурокъ. Въ рѣдкихъ домахъ найдется постельное бѣлье, что отчасти объясняется дороговизною полотенъ и холста, отчасти отсутствіемъ потребности въ чистоплотности и полнымъ невѣжествомъ въ элементарнѣйшихъ началахъ гигіены. Баня, безъ которой русскій человѣкъ не можетъ жить, здѣсь совершенно забыта, и въ ней не ощущается надобности. Мы знаемъ два города, гдѣ нѣтъ бань,—это Колымскъ и Верхоянскъ. Даже лѣтомъ женщины совсѣмъ не купаются въ рѣкахъ, мужчины же очень рѣдко и то не всѣ, хотя бы рѣка была подъ

бокомъ. Во время лова рыбы мужчины да и женщины часто бродятъ по поясъ въ водѣ, но чтобы искупаться всему, Боже сохрани! Въ числѣ отговорокъ этому выставляютъ недосугъ, комаровъ, но все это далеко не основательно, такъ какъ поселенцы и, вообще, приплый людъ купаются и очень часто. Только передъ Пасхой и Рождествомъ колымчане моются дома передъ камелькомъ и то далеко не всѣ. Не говоря уже объ якутахъ, нечистоплотность которыхъ всѣмъ извѣстна, русскіе здѣшніе, какъ видите, не могутъ ею также похвалиться. Бѣлье у нихъ мѣняется рѣдко, чрезвычайно запашивается, сплошь и рядомъ незнакомо съ мыломъ. Одежда изъ ровдуги (родъ замши, приготовляемой изъ оленьихъ кожъ) почти никогда не моется. Отъ рѣдкаго колымчанина не несетъ такимъ запахомъ, отъ котораго человѣка съ слабыми нервами можетъ съ ногъ сшибить. Особенно это замѣчается тамъ, гдѣ главной пищей населенія служитъ рыба, большею частію провонявшая. Къ рыбному запаху часто присоединяется еще болѣе убійственная вонь отъ собачьяго корма, состоящаго изъ разлагающихся остатковъ рыбы, оленьихъ кишекъ и крови. Часто эта отвратительная смѣсь находится тутъ же въ избѣ во флягѣ, дабы не замерзала. Варятъ собачій кормъ также въ избѣ и рѣдко на дворѣ. Можете себѣ представить, что происходитъ въ это время въ такомъ жилищѣ! Но колымчанинъ и это стоически выноситъ, и не удивительно: ему самому часто приходится ѣсть чуть не собачій кормъ, не говоря уже о томъ, что онъ совершенно не обращаетъ вниманія на запахъ прокисшей *соленой* или *свѣжей* рыбы. Многими такая рыба предпочитается совершенно свѣжей.

При всемъ томъ, здѣшнему русскому нельзя отказать въ томъ, чтобы онъ вовсе ужъ не заботился о чистотѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше якута. Все то, что, по крайней мѣрѣ, на виду, содержится относительно въ чистотѣ. Полы, стѣны, хотя моются только разъ, два въ годъ, передъ большими праздниками, но за то посуда, столы скоблятся и моются довольно часто. Правда, иной разъ чашку вытираютъ подоломъ или тряпицею, которую гадко взять въ руки: нерѣдко также изъ-подъ праздничнаго парядаго платья городской щеголихи выглядываетъ юбка самыхъ компрометирующихъ свойствъ.

Низовики въ этомъ отношеніи стоятъ еще ниже. О нихъ говорятъ, что они всегда спятъ нагіе, многіе изъ нихъ вовсе не носятъ рубахъ, нѣкоторые хотя и носятъ ихъ, но до износа не стираютъ,

а расплодившихся насѣкомыхъ выкусываютъ зубами *): грязнаго тѣла не обмываютъ и не купаются въ рѣкѣ! Впрочемъ, прибавляетъ разсказчикъ, это бываетъ и невозможно по причинѣ милліардовъ комаровъ и паутовъ (оводовъ).

Но какъ бы то ни было, жилище колымчанина и даже нѣкоторыхъ природныхъ якутовъ по чистотѣ можетъ поспорить съ нашей классической избой и далеко не въ пользу послѣдней. Благодаря камелькамъ—это ихъ хорошая сторона—въ жилищѣ поддерживается относительно чистый воздухъ и сухость. У русскихъ камелекъ топится три-четыре раза, а у якутовъ—весь день. Кромѣ того, камелекъ—вещь ничѣмъ незамѣнимая тамъ, гдѣ, какъ у якутовъ, подъ одною кровлею съ жилищемъ находится и скотникъ (хотонъ): безъ него можно было бы задохнуться: здѣсь даже зимою на ночь не только не закрываютъ его вовсе, но и не топятъ, такъ что въ юртѣ бываетъ страшно холодно.

У здѣшнихъ русскихъ вся одежда и обувь, *хорошо приспособленныя* къ суровому климату, цѣликомъ, какъ и многое другое, позаимствованы отъ якутовъ, юкагиръ, чукчей, тунгусовъ. Русская національная одежда вездѣ вытѣснена иногородческой. Среди пришлаго люда, да и у нѣкоторыхъ городскихъ жителей, можно видѣть платье и обувь и европейскаго покроя: сюртуки, пальто, пиджаки, жилеты, женскія платья, ботинки, сапоги—все это привозное. Вообще, русскій ничего здѣсь своего не выдумалъ, а бралъ все готовымъ, начиная отъ матеріала, изъ котораго приготовлена его одежда и обувь, до ихъ покроя. Оленьи шкуры въ различной обработкѣ, главнымъ образомъ, затѣмъ, недорогіе мѣха—зайца, песца, красной лисицы, да изъ привозныхъ матерій: даба, ситецъ, плисъ, фабричное грубое сукно—вотъ матеріалъ, изъ котораго приготовляется платье. Въ послѣдніе годы съ упадкомъ пушнаго промысла, а также съ усиленіемъ вывоза недорогихъ мѣховъ, колымчанинъ сталъ одѣваться замѣтно хуже прежняго: доброкачественные мѣха замѣнились дешевыми—бракомъ или плохимъ, мало грѣющимъ сукномъ.

Обитатель здѣшнихъ, заполярныхъ странъ исключительно питается животной пищею: рыбою, мясомъ оленя, изрѣдка коровьимъ, дичью (гуси, утки, дикіе олени, сохатые) съ примѣсью, и то въ самомъ ограниченномъ количествѣ и не вездѣ, растительныхъ продуктовъ скудной природы: дикимъ лукомъ, ягодами да привознымъ хлѣбомъ. Послѣдній доступенъ самому незначительному количеству

*) Способъ, позаимствованный у коряковъ и чукчей.

населенія, и потребляется онъ скорѣе, какъ лакомство. Пища эта сама по себѣ хорошая, питательная, вполнѣ удовлетворяющая климатическимъ условіямъ, но распредѣляется она далеко неравномѣрно по временамъ года. Такъ, напримѣръ, житель средняго теченія Колымы, въ теченіе пяти мѣсяцевъ (іюнь—октябрь) исключительно питается рыбою въ разныхъ ея видахъ: свѣжей, соленой, превращенной въ юкалу: начиная же съ ноября—пища смѣшанная, и для большинства, покупная: оленина отъ чукчей, озерная рыба отъ якутовъ. Это время и особенно мартъ, апрѣль и май, когда запасы пищевыхъ продуктовъ болѣе чѣмъ у двухъ третей населенія истощены, пища потребляется въ самыхъ малыхъ размѣрахъ и плохаго качества.—это время и есть время недоѣданій и голодовокъ, безъ которыхъ почти ни одинъ годъ не обходится. Обыкновенно въ эти три весенніе мѣсяца якуты начинаютъ усиленно поглощать заболонь лиственицы, подмѣшивая ее въ пищу, а русскіе пробавляются всякой всячиной, какую еще можно достать отъ кулаковъ, пускающихъ въ продажу все съѣдобное до собачьяго корма включительно по двойнымъ и тройнымъ цѣнамъ. Больше двухъ третей казаковъ, состоящихъ на хлѣбныхъ пайкахъ, также голодуютъ. Они еще зимою, во время наѣзда купцовъ, запродали имъ всѣ свои пайки впередъ за цѣлый годъ, получивши за нихъ не деньги, а товары, чай, табакъ *). Случается часто, что ни за какія деньги нельзя достать пуда рыбы, пуда оленины. Больше всѣхъ терпятъ нужду мѣщане и поселенцы, которымъ ждать помощи не откуда, а хлѣба купить не на что, да онъ имъ и мало доступенъ, какъ по цѣнѣ, такъ и потому, что казна въ случаѣ голодовокъ отпускаетъ его въ весьма ограниченномъ количествѣ по нѣскольку фунтовъ въ мѣсяцъ на человѣка.

Пища обитателей низовій Колымы та же, что и у среднеколымчанъ, но съ тою только разницею, что хлѣба тамъ почти не употребляютъ. Временами и тамъ, хотя и не каждый годъ, бы-

*) Скупаютъ пайки—доставщикъ казеннаго хлѣба и его довѣренные. Скупленный хлѣбъ опять сдается въ казенный магазинъ. Случается, что одна и та же мука подъ рядъ по нѣскольку лѣтъ переходитъ изъ магазина къ скупщику и обратно. Это, конечно, противозаконно, но очень выгодно доставщику и еще кой-кому въ Среднеколымскѣ. Подрядчикъ, получивши отъ казны полную провозную плату за все количество муки, предназначенной для Колымскаго округа, никогда не везетъ изъ Якутска полнаго ея подряда: онъ надѣется недостающее количество ея пополнить заранѣе скупленными по дешевой цѣнѣ пайками.

ваютъ весенніе недоѣданія и голодовки, главнымъ образомъ вслѣдствіе плохаго лова рыбы. Въ виду этого, здѣсь съ давнихъ поръ устроены правительствомъ запасные рыбные магазины, изъ которыхъ во время голодовокъ выдаютъ заимообразно рыбу. Какъ на одну изъ причинъ голодовокъ, указываютъ еще на собакъ. По разсчету Неймана, собаки съѣдаютъ весь годовой уловъ сельди и прихватываютъ еще и другой рыбы. Нейманъ отчасти только правъ: безъ собакъ пришлось бы совсѣмъ плохо здѣшнему заполярному русскому, безъ нихъ онъ не имѣлъ бы и того, что имѣетъ теперь. Ѣздовая и вмѣстѣ съ тѣмъ промысловая собака—единственное животное, вполнѣ пригодное къ передвиженію при всѣхъ мѣстныхъ условіяхъ края. Ни олень, который могъ бы отчасти замѣнить собаку, но который требуетъ отъ человѣка иного образа жизни, совершенно отличнаго отъ того, какой ведутъ русскіе, ни лошадь, плохо здѣсь прививающаяся—не могутъ замѣнить ея. У среднеколымчанъ собаки, дѣйствительно, зло, но такое, которое въ настоящее время можетъ быть нѣсколько оправдано: рогатый скотъ и лошади почти ежегодно гибнутъ отъ чумы и сибирской язвы, собаки же нѣтъ.

Сравнительно еще недавно колымчанину жилось гораздо лучше теперешняго. Лѣтъ 15—20 не было такихъ хроническихъ голодовокъ, повторяющихся теперь изъ года въ годъ, но изрѣдка, очевидно, и тогда уже бывали недоѣданія, что и доказывается запасными магазинами хлѣба и *сельдей*, существующими издавна. Лучше жилось не потому, какъ думаютъ нѣкоторые колымчане, чтобы одной только рыбою могло удовлетворяться все населеніе, а потому, что тогда въ округѣ процвѣтало скотоводство, которымъ занимались не одни только якуты, какъ нынѣ, но и русскіе казаки и мѣщане. Но, начиная, если не ошибаюсь, съ 1865 года, сибирская язва и чума, дотолѣ почти неизвѣстныя здѣсь, низвели скотоводство на ту степень, на какой мы находимъ его теперь.

	Въ 1866 г.	Въ 1881 г.
Лошадей было	4,413 гол.	734 гол.
Рогатаго скота.	1,946 »	345 »
Оленей	2,059 »	2,850 »
Собакъ (ѣздовыхъ) . . .	2,265 »	790 »
Всего . .	10,683 гол. *)	4,719 гол. **)

*) Памятная кн. Якутской обл. на 1867 г.

**) Отчетъ якутскаго губернатора за 1881 г.

Если не считать собакъ, то за 15 лѣтъ скотоводство уменьшилось на 46,6%, т. е. съ этой стороны средствъ къ существованію стало меньше почти на половину. Прежде на каждую душу населенія приходилось около 1.3 шт. скота (безъ собакъ), что съ прибавкою рыбы, дичи и хлѣба давало безбѣдное существованіе.

Съ упадкомъ скотоводства послѣдовало всеобщее обѣдпѣніе населенія, поведшее, въ свою очередь, къ упадку хозяйствъ, къ уменьшенію средствъ и орудій производства. Рыболовные снаряды значительно уменьшились въ количествѣ и понизились въ качествѣ. Рыбы въ Колыму и другія рѣки заходитъ, пожалуй, столько же, сколько и прежде, но способовъ достать ее оттуда стало меньше. Многіе хозяева вовсе бросили заниматься рыболовствомъ, запустили свои тони и сдѣлали ихъ негодными къ неводьбѣ.

Недостающее количество пищевыхъ средствъ, вотъ уже въ теченіи 15 лѣтъ, исключительно пополняется покупкою оленей, стада которыхъ каждую зиму пригоняютъ чукчи въ Среднеколымскъ. Не будь этого источника, колымчане давно разбѣжались бы или, что еще вѣрнѣе, вымерли бы отъ частыхъ голодовокъ, такъ какъ самый богатый ловъ рыбы, при настоящихъ способахъ ея добыванія, все-таки не въ состояніи прокормить все населеніе въ продолженіе всего года. Въ 1883 году, вслѣдствіе скуднаго промысла рыбы, а главнымъ образомъ и потому еще, что чукчи, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, не пригнали и трети потребнаго количества оленей, русскимъ, да отчасти и якутамъ, пришлось испытать страшную нужду, а многіе буквально голодали. Все, что можно было ѣсть, было съѣдено,—все до собачьяго корма включительно, отчего собаки на половину подохли.

Но такъ какъ приходъ чукчей съ оленями связанъ съ разными случайностями, иногда почти неустранимыми *), то поэтому и этотъ источникъ весьма ненадеженъ.

Главный предметъ, привлекающій чукчей въ Среднеколымскъ, водка въ настоящее время все больше и больше проникаетъ къ нимъ въ тундру, конечно, корчемнымъ способомъ, и дѣлается доступной на мѣстѣ. Чай, табакъ, котлы и другіе предметы потребленія среди этихъ дикарей также привозятся къ нимъ въ тундру. Кромѣ того, нужно указать еще и на то, что каждый разъ, какъ чукчи гостятъ въ городѣ, ихъ стараются споить, надуть, отнять у нихъ

*) Глубокіе снѣга, разныя болѣзни оленей, плохой урожай мха по пути слѣдованія къ городу и проч.,—вотъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ.

деньги. Ни одинъ чукча не уѣзжаетъ безъ того, чтобы его не избили самымъ варварскимъ образомъ или не обокрали. Такое милое гостепріимство здѣшнихъ русскихъ отталкиваетъ свободолюбивыхъ и чрезвычайно чувствительныхъ ко всякаго рода оскорбленіямъ чукчей, этихъ рыцарей тундры. Вслѣдствіе этого, съ каждымъ годомъ они все неохотнѣе и неохотнѣе являются на берегахъ Колымы. Нѣкоторые изъ нихъ даже дали зарокъ, который и держатъ твердо,—никогда не пригонять оленей и не продавать ихъ русскимъ.

А, вѣдь, было время, когда эти же чукчи не разъ спасали населеніе отъ голодной смерти.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ бывшій колымскій исправникъ, Анатовскій:

«Чаунскій чукча Лука Ваалергинъ, услыхавъ, что жители Нижнеколымской части (округа) весьма мало добыли рыбы и должны будутъ голодать, тотчасъ двинулся съ табуномъ 400 оленей къ Нижнеколымску, остановивъ его въ 30 верстахъ для того, чтобы бѣдные люди не затруднялись отдаленностью его стоянища, но могли приходить къ нему даже пѣшкомъ, самъ поѣхалъ извѣстить жителей, чтобы они являлись къ нему за полученіемъ оленей. Народъ тотчасъ отправился въ его лагерь, кто пѣшкомъ, кто на собакахъ. Живя тамъ по нѣскольку дней, получая даромъ пищу для себя и для собакъ, увозя и унося съ собою оленьяго мяса домой, сколько кто могъ, жители Нижнеколымска, какъ скоро мясо выходило, вновь приходили къ Ваалергину за тѣмъ же, неся кто пачку табаку, кто сковороду, кто топоръ, кто ножъ, стоющій копѣекъ 30, кто копье, почти ничего не стоющее, а кто и не несъ ничего, и всѣ получали по 1, по 2 и по 3 оленя; наконецъ, когда табунъ Ваалергина почти уже уничтожился, а нуждающіеся между тѣмъ являлись каждый день, что же придумалъ Ваалергинъ для удовлетворенія ихъ? Всякій другой,—отвѣчаетъ г. Анатовскій,—не нашелъ бы, что въ этомъ случаѣ предпринять, но этотъ добрый дикарь поступилъ вотъ какъ: зная, что каждый посѣтитель привлеченъ къ нему нуждою, а не прихотью, онъ же не въ состояніи сдѣлать ему поддержку оленями, однако же, не желая отпустить ихъ ни съ чѣмъ, началъ раздавать бѣднякамъ отъ нихъ же полученные табакъ, сковороды, ножи и проч., и отсылать ихъ, снабженныхъ на дорогу пищею, къ другимъ чукчамъ, кочующимъ въ отдаленіи, отъ которыхъ они снова получали за помянутыя вещи оленей и тѣмъ удовлетворяли свою нужду; наконецъ, дѣло благотворенія Ваалергина

кончилось тѣмъ, что онъ, пробывъ на этомъ мѣстѣ до того времени, пока не роздалъ всѣхъ вещей, полученныхъ за оленей, добавилъ ко всему этому нѣкоторыя вещи отъ себя и потомъ уже укочевалъ безъ табуна и безъ всякихъ выгодъ». (Пам. кн. Якут. обл. на 1867 г.).

Это было въ 1863 году, но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и тѣ же нижнеколымчане въ настоящее время, какъ увидимъ ниже, своеобразно выражаютъ свою признательность къ чукчамъ.

Здѣсь я приведу выписку изъ моей статьи, помѣщенной въ газетѣ «Сибирь» за 1884—85 г., характеризующую якутскаго купца и его отношеніе къ населенію.

«Вся торговля Верхоянскаго и Колымскаго округовъ находится въ рукахъ небольшой кучки патентованныхъ, платящихъ гильдію, купцовъ. Здѣшній купецъ—совсѣмъ особый типъ купца: онъ рѣзко отличается отъ купечества Европейской Россіи. Это вѣчно странствующее, вѣчно находящееся въ дорогѣ существо: онъ чуть не на другой день свадьбы уже въ дорогѣ, гдѣ и справляетъ свой медовый мѣсяцъ. Его жена, какъ и онъ самъ, очень неприхотлива. Она ѣдетъ съ нимъ зимою въ нартѣ, лѣтомъ—верхомъ на лошади въ мужскомъ сѣдлѣ, въ которомъ она нерѣдко проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ, изо дня въ день по десяти и болѣе часовъ; живетъ она въ дорогѣ—или въ палаткѣ, наскоро разбитой гдѣ-нибудь въ лѣсу, на берегу ручья, или въ яварѣ: здѣсь она часто родитъ безъ акушерки, при свѣтѣ камелька или подъ нѣсню комаровъ, а такъ какъ ей некогда «нѣжиться», то много-много дней черезъ пять она опять въ дорогѣ, или, въ случаѣ болѣзни, довезутъ ее до первой якутской юрты и оставятъ на присмотръ хозяевъ или служанки, ѣдущей съ нею. Нерѣдко случается, что здѣсь она и умираетъ, Нѣкоторые изъ купцовъ оставляютъ своихъ женъ въ Якутскѣ или Колымскѣ, но это тогда, когда онѣ имъ надоѣли, или они обзавелись больной семьей; молодыхъ же, бездѣтныхъ, таскаютъ за собою. Вмѣсто женъ, часто берутъ въ Колымскѣ молодыхъ дѣвушекъ, подъ видомъ служанокъ или пассажирокъ, съ которыми и живутъ въ дорогѣ; по пріѣздѣ же въ Якутскъ, поскорѣе отдѣлываются отъ нихъ. Ежегодно изъ Средне- и Нижнеколымска вывозятъ по нѣскольку такихъ дѣвушекъ отъ 13 до 20 лѣтъ, матерямъ которыхъ за этотъ товаръ прощаютъ старые долги, даютъ товары, а больше разныхъ обѣщаній пристроить ихъ дочку и вывести въ люди. Какъ сами купцы, такъ и ихъ жены.—люди очень малоразвитые, едва грамотны, грубы, вкусы ихъ неприхотливы, карты и водка глав-

ное ихъ времяпрепровожденіе какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ городъ; никто почти изъ нихъ ничего не читаетъ, рѣдко кто выписываетъ газету. Большинство купцовъ уроженцы Якутской области, за предѣлы которой рѣдко кто выѣзжалъ. Обладая небольшими капиталами, ведутъ свою торговлю на векселя: товары забираютъ у иркутскихъ купцовъ, ежегодно наѣзжающихъ въ Якутскъ на ярмарку. Сюда-то къ августу мѣсяцу съѣзжаются всѣ якутскіе купцы, платятъ старые долги пушниною, мамонтовой костью, частью деньгами; получаютъ красные мануфактурные товары, чаи кирпичный, черкасскій табакъ (махорку), желѣзныя и мѣдныя издѣлія: выдаютъ векселя и опять спѣшатъ въ дорогу... Здѣсь, въ дорогѣ, купецъ останавливается въ извѣстныхъ инородцамъ пунктахъ и ведетъ съ ними торговлю: принимаетъ отъ нихъ въ обмѣнъ пушнину, кость, сѣно для прокорма вьючныхъ лошадей, мясо и масло для людей: отпускаетъ въ долгъ товары, чай, табакъ и спиртъ. Послѣдній самый ходкій товаръ, хотя и запрещенный въ торговлѣ съ инородцами. Съ окончаніемъ ярмарокъ, купцы возвращаются обратно сначала по зимнику, потомъ лѣтнимъ трактомъ, захватываютъ по дорогѣ уже прежде купленную пушнину, ровдугу, кость, которой особенно много идетъ съ побережья моря и съ его острововъ. Дорогая пушнина и лучшая *ровдуга*, *нижьи корни*, получаются съ Чукотскаго носа отъ чукчей, каргаулей и другихъ инородцевъ, а также отъ русскихъ изъ Анадырска, пріѣзжающихъ на анюйскую ярмарку, собственно, за табакомъ и чаемъ (кирпичнымъ). Съ каждымъ годомъ эта ярмарка падаетъ и падаетъ, такъ какъ главная ея статья, пушное, съ каждымъ годомъ уменьшается. Кромѣ того, наши сосѣди-американцы начинаютъ не на шутку конкурировать съ нами на всемъ восточномъ побережьи океана, начиная отъ Курильскихъ острововъ до Берингова пролива и дальше, до Колючинской бухты. Американскій ромъ и виски берутъ верхъ надъ русской плохой водкой, которая, не смотря на запрещеніе, туда ввозится торгующимъ людомъ, что, кромѣ начальства, ни для кого не секретъ. Нерѣдко татупированный чукча щеголяетъ въ драповомъ пальто, въ рукахъ у него магазинное ружье или винтовка *), американскій топоръ, ножъ, посуда, и все это прекраснаго качества сравнительно съ разной купеческой дрянью, бракомъ. Если еще

*) Въ то же время колымскій и верхоянскій казакъ вооруженъ кремневымъ ружьемъ временъ Екатерины II. Да и тѣхъ ружей далеко не хватаетъ на всю команду.

чукчи являются на Анюй, то благодаря только черкаскому табаку, къ которому они сильно пристрастились, и котораго американцы не могутъ имъ дать. На Чукотскомъ носу въ настоящее время, какъ намъ передавали, есть торговый агентъ-чукча, обучавшійся въ С.-Франциско: онъ служитъ посредникомъ между чукчами и американской торговой фирмой по закупкѣ пушнины.

Что съ этой стороны сдѣлало русское купечество, объ этомъ не стоитъ и говорить. Попадаются чукчи, кой-какъ говорящіе по-англійски, но нѣтъ говорящихъ по-русски, а вѣдь, кажется, съ ними мы давно знакомы, давнѣе, чѣмъ американскіе китоловы и купцы. Какъ и вездѣ и во всемъ, насъ предупредили, обогнали и ничего въ этомъ нѣтъ мудренаго. Нужно только видѣть колымскаго купца, чтобы впередъ сказать, на что онъ способенъ, и можетъ ли онъ тягаться съ самымъ зауряднымъ янки. Съ одной стороны инородецъ видитъ привѣтъ, человѣческое обращеніе и доброкачественность предлагаемыхъ ему вещей, честную безъ всякихъ надувательствъ сдѣлку: съ другой же стороны —надувательство, безцастѣнчивость въ обращеніи и полное непониманіе дикаря. Русскій купецъ дальше Анюя не заглядываетъ, ничего не предпринимаетъ, чтобы закрѣпиться среди чукчей, а вѣдь прошло болѣе 150 лѣтъ, какъ онъ съ ними ведетъ торговлю. У насъ здѣсь сидятъ или Филипеусы, или колымскіе купцы, въ конецъ развращенные народъ. Отсутствіе всякой предпріимчивости, руководительство одной только рутиною, — вотъ что поражаетъ въ здѣшнемъ купцѣ. При новыхъ, нарождающихся обстоятельствахъ, требованіяхъ, онъ ненаходчивъ, теряется или ломитъ напропалую: развращая народъ, онъ въ концѣ концовъ губитъ и свое дѣло. Онъ непремѣнно гонится за большимъ процентомъ: рубль на рубль и больше; на меньшемъ онъ не помирится. Братья Б—вы, устроивши въ Колымскѣ торговый домъ, ясно доказали возможность вести дѣло иначе: они сразу понизили цѣны на товары и при этомъ все-таки получаютъ громадные барыши. Одновременно съ этимъ, они значительно подняли цѣны на пушное. Правда, все это, конечно, дѣлается для того, чтобы убить своихъ конкурентовъ и потомъ самимъ захватить всю торговлю въ краѣ и сдѣлаться монополистомъ, какъ Филипеусъ въ Камчаткѣ, въ Гижигѣ и другихъ мѣста Приморской области. Но и безъ такой погони за наживой, торговецъ здѣшній могъ бы вести свое дѣло блестяще.

Здѣшніе купцы десятки лѣтъ ѣздятъ по здѣшнимъ дорогамъ, а что они сдѣлали для ихъ улучшенія? Ровно ничего. Ни одного мостка, ни одной вѣшки они не поставили: все дѣлали инородцы

да казна. Они даже избѣгаютъ строить поварни, такъ необходимыя въ этомъ краѣ: они не сдѣлали ничего такого, чтобы устранить, избѣжать опасности при переправахъ черезъ рѣки, болота: они ничего до сихъ поръ не придумали, какъ облегчить перевалъ черезъ Верхоянскій хребетъ, который ежегодно подрываетъ силы ихъ лошадей и дѣлаетъ ихъ скоро негодными. Между тѣмъ, многое изъ этого легко устранимо и стоило бы небольшихъ затратъ, только для этого нужно общее ихъ согласіе, а у нихъ этого-то и нѣтъ. Товары ихъ подмокаютъ, разбиваются, лошади калѣчатся, а за все это отдувается потребитель, находящійся въ невѣжественныхъ рукахъ. Мы уже не говоримъ о пагубномъ вліяніи подобной торговли и торговцевъ на населеніе, подрывающемъ въ конецъ духовныя и экономическія его силы.

За кучкою патентованныхъ купцовъ стоитъ громадиѣйшая свора разнаго торгующаго люда. Зараза барышей такъ велика, что каждый, имѣющій лишній рубль, пускается въ торговлю, часто оставляя въ пренебреженіи свое хозяйство, дотолѣ его кормившее, суется въ разныя предпріятія и прогораетъ. Отдача товаровъ въ кредитъ подъ пушное также губительно вліяетъ на скотоводство и рыбные промыслы и направляетъ всѣ силы на рискованные звѣриные промыслы. Для добычи пушнины пускаются въ ходъ всѣ средства: обманъ, спаиваніе, вымогательства. Служащіе въ администраціи, служители церкви, миссіонеры, казаки, мѣщане—всѣ пускаются въ торговлю, торгуютъ всѣмъ, чѣмъ только можно. Народъ бѣднѣетъ, потребности же его растутъ: и вотъ каждый продаетъ послѣднюю кухлянку, зайчину, тащитъ единственную ровдугу, чтобы взять у купца кирпичъ чаю, временами доходящій отъ 3—5 р. за штуку, или водки. На одинъ Среднеколымскъ съ его 500 жителей приходится три кабака. Но хуже всего то, что табакъ, чаи и спиртъ привозятся всегда въ недостаточномъ количествѣ годоваго потребленія. Иногда съ половины года или къ его концу все это выходитъ или придерживается разными спекуляторами: цѣны значительно повышаются: нерѣдко въ два—три раза. Приказчики и довѣренные купцовъ, находящіеся на отчетѣ, самовольно набавляютъ на все цѣны, и все это какъ разъ подгоняется къ тому времени, когда инородцу приходится дѣлать взносы въ казну, когда идетъ внесеніе долговъ купечеству.

Для образца, въ какихъ кабальныхъ отношеніяхъ находятся жители сѣверныхъ окраинъ, приведу одно мѣсто изъ письма, полученнаго мною изъ Нижнеколымска: «Вся масса здѣшняго насе-

ленія, состоящая изъ русскихъ и обрусѣвшихъ юкагиръ, якутовъ, находится всецѣло въ рукахъ Чарткова (мѣстный житель). Онъ много лѣтъ уже торгуетъ въ Нижнеколымскѣ отъ разныхъ купцовъ, а въ послѣднее время отъ Н. Ѳ. Соловьева. Нѣтъ ни одного жителя, который не былъ бы долженъ Чарткову; ему должны свыше 15 тыс. руб., но изъ должниковъ никто не знаетъ, сколько онъ долженъ этому приказчику. Если кому что нужно, онъ идетъ къ Петру Алексѣевичу и проситъ въ долгъ: тотъ ему отпускаетъ товаръ, не объявляя цѣны, о чемъ покупатель и не спрашиваетъ: доволенъ тѣмъ, что получилъ требуемое, а такъ какъ всякая сдѣлка здѣсь ведется на взаимномъ обманѣ, то покупатель не слишкомъ-то заботится, сколько на немъ долга. Но вотъ пришла осень, пастники (ловушки на звѣря) осмотрѣны, чаю, табаку опять нужно, и вотъ покупатель несетъ песцовъ и лисицъ и отдаетъ ихъ Петру Алексѣевичу за долгъ и набираетъ опять въ долгъ. За какую цѣну ушла его пушнина, онъ также не знаетъ. Если кто попроситъ посчитаться, то получитъ въ отвѣтъ: «послѣ когда-нибудь». Но этого никогда не бываетъ: долги растутъ съ каждымъ годомъ и переходятъ даже по наслѣдству. Покупатель доволенъ, а Петръ Алексѣевичъ еще больше, такъ какъ онъ взялъ свое, набавилъ цѣны на товары, а пушнину принялъ очень дешево. Чарткова нижнеколымцы называютъ «батя», т. е. старый семьянинъ, отецъ. Здѣшніе жители, въ свою очередь, также торгуютъ съ чукчами чаемъ, табакомъ, а иногда и водкою, взамѣнъ чего получаютъ оленей для пищи, песцовыя, лисьи, оленьи шкуры и мамонтовую кость, всегда ихъ (чукчей) обманываютъ, такъ что чукчи потеряли къ нимъ довѣріе. Обмануть или обокрасть чукчу считается здѣсь доблестью и служитъ похвальбою «между товарищами». И такъ, здѣсь вездѣ вкруговую: одинъ отъ другаго рветъ, а пріѣхалъ «чумазый» и всѣхъ слопалъ» *).

VI.

Господствующія болѣзни среди населенія округа. Сифилисъ. Нервно-мозговыя болѣзни—эмирячество.

Эту главу мы исключительно удѣляемъ описанію тѣхъ болѣзней, которыя, являясь слѣдствіемъ дурныхъ физическихъ и соціально-

*) «Отъ Колымска до Якутска». П. Р—въ. Извлеченіе изъ газеты «Сибирь». 1884—85 гг. Иркутскъ.

экономическихъ условіи среди мѣстнаго населенія округа, гибельно вліяютъ на тѣлесное и душевное его здоровье.

Главный и самый ужасный бичъ, какъ для инородцевъ, такъ и для русскихъ—это, конечно, сифилисъ, который, будучи осложненъ другими еще болѣзнями, прямо ведетъ къ вырожденію или даже къ вымиранію здѣшняго русскаго.

Сифилисъ, во всѣхъ своихъ стадіяхъ и формахъ, такъ въѣлся въ организмъ колымчанина, что едва-ли возможно полное его искорененіе. Болѣзнь эта передается теперь, главнымъ образомъ, наслѣдственно или чрезъ посредство общеній больныхъ съ здоровыми, помимо прямыхъ половыхъ сношеній.

Во всемъ Среднеколымскѣ навряд ли найдется болѣе десятка домовъ, гдѣ кто-нибудь да не страдалъ бы этой болѣзнью. Есть цѣлыя семьи, члены которыхъ поголовно ею заражены.

Вотъ семья мѣщанина Я—го. Отецъ, жена, дочь, работникъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми—всѣ въ сифилисѣ.

Другая семья У. Одна дочь недавно умерла отъ сифилиса; остаются больные имъ: сынъ, дочь и зять.

Третья семья Б., состоящая изъ пяти членовъ, имѣетъ троихъ въ сифилисѣ, и т. д. *).

Колымчанинъ такъ сжился съ этой болѣзнью, такъ къ ней привыкъ, что считаетъ ее какъ-бы неизбѣжной, которую рано или поздно да заполучишь. Поэтому онъ никакихъ предосторожностей не принимаетъ въ сношеніяхъ съ явными даже сифилитиками: онъ съ ними ѣстъ одной ложкой, пьетъ изъ одной рюмки, спитъ въ одной постели. Заболѣвши, начинаетъ лечиться тогда уже, когда болѣзнь приняла слишкомъ угрожающіе размѣры и когда игнорировать ее нельзя. Лечится онъ исключительно домашними средствами. Идти въ больницу русскій и инородецъ считаютъ величайшимъ позоромъ, стыдомъ, это значитъ—явно обнаружить «*худую*

*) Въ 1841 г. въ Среднеколымскѣ одержимыхъ сифилисомъ одновременно найдено было 43 человѣка, въ Нижнеколымскѣ 54 человѣка.

Въ 1849 г. изъ всѣхъ больныхъ 54³/₄% больны были сифилисомъ;
» 1853 » » « » 25% » » »
» 1854 » » « » 33% » » »
» 1856 » » « » 33% » » »

(Памятная книжка Якутской области на 1867 г.).

Всѣ эти цифры слѣдуетъ удвоить, утроить, такъ какъ число страдающихъ сифилисомъ, пользующихся медицинской помощью и записываемыхъ въ отчетныя вѣдомости, самое незначительное.

боль» (сифилисъ) и прослыть на всю жизнь «худымъ». «Худой» здѣсь слово ругательное. Каждый таится съ этой болѣзнію и поэтому крайне неохотно обращается за помощію къ врачу или фельдшеру.

Самая больница, единственная на весь округъ и находящаяся въ центрѣ города, служитъ разсадникомъ сифилиса. Всѣ больные, исключительно сифилитики и прокаженные, содержимые въ ней въ самомъ отвратительномъ, ужасномъ видѣ, постоянно находятся въ сношеніяхъ съ горожанами. Между послѣдними и больными постоянно циркулируютъ разныя вещи: посуда, платье, обувь, пища и проч. Больные шьютъ по заказу перчатки, одежду, плетутъ сѣти, приготовляютъ ровдугу (замшу), выдѣлываютъ мѣха и проч.

Слѣдствіемъ сифилиса, золотухи, запущенныхъ простудныхъ болѣзней, являются чахотка, худосочіе, дающія значительный процентъ смертности среди русскихъ. Есть цѣлыя больныя семьи, члены которыхъ или совершенно уже вымерли, или еще и теперь постепенно вымираютъ отъ чахотки.

Болѣе половины населенія страдаетъ ревматизмами и ломотой, заполученными осенью во время лова рыбы, когда приходится бродить въ ледяной водѣ и жить въ сырыхъ, холодныхъ помѣщеніяхъ, выстроенныхъ на болотистыхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ и озеръ.

Отъ дурнаго питанія и частыхъ недоѣданій, отъ употребленія въ пищу испорченныхъ продуктовъ, почти каждую весну эпидемически господствуютъ разныя болѣзни: голодный тифъ, желчные и слизистые поносы и т. п. болѣзни. Мы уже не говоримъ о такихъ болѣзняхъ, какъ оспа, корь, крупъ, гриппъ, которыя также время отъ времени свирѣпствуютъ повально и уносятъ цѣлыми сотнями свои жертвы.

Среди инородцевъ есть не мало страдающихъ ужасною, отвратительною болѣзнью—проказою.

Въ 1852—53 г., въ теченіе шести мѣсяцевъ, переболѣло корью инородцевъ и русскихъ 3,620 человѣкъ, т. е. $^1/_3$ всего населенія округа. Правда, если вѣрить оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, смертность была незначительна: всего умерло 6 человѣкъ. Въ 1856 г.—повальный гриппъ. Сколько было заболѣвшихъ и умершихъ, объ этомъ нѣтъ данныхъ въ «Памятной книжкѣ Якутской области» на 1867 г., откуда мы узнали объ этихъ эпидеміяхъ. Весною 1880 г. въ Среднеколымскѣ брюшной тифъ унесъ не мало жертвъ.

Нужно ли говорить, что здѣсь каждая болѣзнь предоставлена собственному своему теченію, такъ какъ что могутъ подѣлать одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ на весь громадный округъ?! Мало того,

подрядъ по нѣскольку лѣтъ, какъ это и было въ послѣднее время до 1883 г., округъ оставался вовсе безъ врача и акушерки при двухъ въ высшей степени невѣжественныхъ фельдшерахъ пьяницахъ.

Если временами среднеколымчанинъ можетъ еще разсчитывать на какую ни-на-есть медицинскую помощь, то обитатель низовій Колымы и этого лишенъ.

«Здѣсь,—пишетъ мнѣ Р—ій.—сифилисъ, золотуха, солитеры, воспаленія легкихъ, чахотка, сильно развиты».

Сифилисъ, по-мѣстному «худая боль», сильно распространенъ. Каждогодно еще онъ заносится пріѣзжающими изъ Якутска приказчиками, изъ которыхъ рѣдкій бываетъ здоровъ. Отъ сифилиса лечатся здѣсь декоктомъ изъ сассапарели, находящейся въ продажѣ подъ названіемъ «дорогой травы». Отъ золотухи пьютъ ольху, въ которую во время варки кладутъ золотую вещь.

Въ случаѣ перелома костей, переломанный членъ вставляютъ въ лубки и больнаго поятъ водою, въ которой кипятятъ красную мѣдь. Отъ употребленія въ пищу сырой мерзлой рыбы, «стругонины», почти всѣ жители страдаютъ ленточной глистой (солитеромъ). Глисты эти, по-колымски «болетокъ», причиняютъ такія страданія, что отъ нихъ впадаютъ въ истерику: для временнаго облегченія, подступившую подъ грудь «твердину» разминаютъ руками: болѣе радикальныхъ средствъ къ избавленію отъ нихъ у жителей нѣтъ. Воспаленіе глазъ (какъ слѣдствіе многихъ причинъ: сильные морозы (?), влажные туманы съ моря (?), рѣзкая бѣлизна снѣжной равнины въ противоположность темнымъ, дымнымъ жилищамъ и дымокуры отъ комаровъ) лечится довольно оригинально. Въ больные глаза вливается растворъ нашатыря въ водѣ, отъ чего многіе окончательно слѣпнутъ, и такихъ слѣпыхъ здѣсь много. Въ случаѣ формированія въ глазу бѣльма, впускаютъ подъ вѣко нѣсколько живыхъ вшей, думая, что онѣ, ползая по глазу, сдерутъ ногами бѣльмо. Воспаленіе легкихъ да и много другихъ болѣзней вовсе не лечатъ—сами проходятъ, такъ какъ въ Нижнеколымскѣ нѣтъ никакой правильной медицинской помощи, кромѣ невѣжественныхъ знахарокъ и шамановъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1882 г. появилась какая-то брюшная повальная болѣзнь, вѣроятно тифъ, отъ которой въ теченіе одного мѣсяца, при такомъ маломъ населеніи, умерло 73 человѣка.

Чуть не 20% родильницъ умираетъ отъ своеобразныхъ варварскихъ пріемовъ здѣшнихъ повитухъ. Здѣсь всякая, имѣющая дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ и повитуха. Родильницу заставляютъ хо-

*

дить до тѣхъ поръ, пока не лопнетъ пузырь съ водою, а затѣмъ уже кладутъ ее на постель; съ наступленіемъ же болей (родовыхъ потугъ) ей изо всей силы давятъ животъ до тѣхъ поръ, пока не выдавятъ ребенка.—«По ихъ понятіямъ»,—замѣчаетъ разсказчикъ,—«дѣлая это, они облегчаютъ роды». Часто такая операція кончается рожденіемъ мертваго или въ скорости умирающаго ребенка, а не рѣдко и смертію матери. «Я самъ видѣлъ, говоритъ Р—ій, какъ, при рожденіи женою казака М—ва, давили ей животъ: мать родильницы, постороняя женщина и самъ мужъ несчастной, который, по приказанію тещи, напрягалъ всѣ силы и, какъ послѣ самъ выражался: «могъ-бы раздавить быка». Послѣдствіемъ такой акушеріи было то, что ребенокъ явился на свѣтъ мертвымъ, съ раздавленной и сплюснутой головою».

Всѣ болѣзни, о которыхъ мы упомянули, такъ очевидны и сразу бросаются въ глаза каждому, что не надо быть врачемъ, чтобы свидѣтельствовать о нихъ; но есть еще масса другихъ болѣзней, болѣе или менѣе скрытыхъ отъ профана въ этой профессіи, но которыя тѣмъ не менѣе сильно подтачиваютъ физическія и душевныя силы колымчанина. Къ этой области болѣзней нужно, между прочимъ, отнести всѣ страданія нервно-мозговыя и всѣ отсюда вытекающіе психозы, значительно развитые между здѣшними русскими и инородцами.

Колымчанинъ на подобнаго рода болѣзни меньше всего обращаетъ вниманія, такъ какъ послѣдствія ихъ для него мало замѣтны, а причины и вовсе непонятны. Впрочемъ онъ, какъ и якуты, приписываетъ ихъ нечистой силѣ, дьяволу.

То, что принято въ наукѣ называть *эмирячествомъ*, здѣсь сильно развито. Эмирячествомъ страдаютъ какъ русскіе, такъ и инородцы, но съ тою только разницею, что между послѣдними болѣзнь эта больше развита и проявляется въ болѣе рѣзкихъ, острыхъ видахъ и преимущественно среди женщинъ. Бываютъ, говорятъ, годы, когда эмирячество принимаетъ особенно сильные размѣры, чуть не дѣлается эпидемическимъ явленіемъ среди прекрасныхъ колымчанокъ, но потомъ надолго ослабѣваетъ. Намъ передавали, что въ Среднеколымскѣ, сравнительно еще недавно, бывало, какъ только затопятъ вечерніе камельки, такъ дѣвушки и женщины и начнутъ эмирячить, или, какъ здѣсь говорятъ, *шаманить*. Если есть въ домѣ нѣсколько сестеръ, то стоитъ только одной начать эмирячить, чтобы и всѣ начали нести разную чепуху да выкрикивать по-

жеребьиному и проч. Еще и теперь есть нѣсколько домовъ, въ которыхъ по временамъ женская половина эмирячитъ.

Сколько я ни разспрашивалъ, есть-ли какая разница и какая именно между шаманичаньемъ и эмиряченьемъ, такъ и не могъ положительно этого узнать. Самому же мнѣ не приходилось близко наблюдать этихъ явленій, такъ какъ русскіе тщательно скрываютъ своихъ больныхъ отъ посторонняго глаза и даже крайне неохотно объ этомъ говорятъ. Шаманичаньемъ колымчане подобные припадки называютъ потому, что они очень сходны съ манипуляціями и выкрикиваніями *шамановъ*, по-якутски *ойюновъ*, во время ихъ священнаго экстаза. Нужно полагать, что между шаманичаньемъ и эмирячествомъ есть нѣкоторая разница, что отчасти будетъ видно ниже, но не настолько большая, чтобы нельзя было ихъ не смѣшивать и не принимать за одно, что и дѣлается здѣсь постоянно. Очевидно, что эти явленія между собою родственны и переходятъ одно въ другое. Впрочемъ, предоставляя объ этомъ судить людямъ, болѣе меня компетентнымъ въ этой области душевныхъ и нервныхъ болѣзней, перехожу прямо къ описанію нѣсколькихъ случаевъ, которыхъ я самъ былъ очевидцемъ.

Два раза я наблюдалъ припадки шаманичанья и оба раза у якутокъ. — «Она шаманитъ»,—говорили мнѣ, когда я спрашивалъ, что дѣлается съ больною. Въ обоихъ случаяхъ припадки были такъ тождественны во всемъ, что, сказавши объ одномъ, значитъ сказать все и о другомъ. Обѣ—женщины уже немолодыя и имѣютъ по нѣскольку дѣтей.

Той, которую я хочу описать, было за 50 лѣтъ, но она казалась далеко не дряхлой. Живетъ она въ большой семьѣ, состоящей изъ ея женатаго сына и его дѣтей, приходящихся ей внуками. Юрта, въ которой помѣщается эта семья, находится на большой проѣзжей дорогѣ, на полянѣ, окаймленной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ.

Часть хозяйственныхъ работъ лежитъ на описываемой старухѣ. Страдаетъ она припадками очень давно, чуть не съ замужества. Страдаютъ-ли этой же болѣзнію ея дочери и сыновья, живущіе отъ нея отдѣльно, мнѣ не удалось узнать, что же касается тѣхъ дѣтей, которыя находятся въ одной съ нею юртѣ, то никто изъ нихъ, какъ мнѣ передавали, не шаманитъ. Припадки у старухи бываютъ почти каждый день и обыкновенно по утрамъ.

Описываемый припадокъ также былъ утромъ. До припадка старуха мыла посуду, и ничего ненормальнаго нельзя было въ ней замѣтить. Только тогда, когда она, окончивши свою работу, сѣла

на скамью. мое вниманіе было обращено на нее. Она какъ-то странно начала вздрагивать и ежиться, какъ это бываетъ съ прозябшимъ человѣкомъ; затѣмъ явилась зѣвота, слѣдовавшая черезъ каждыя полминуты. При этомъ замѣчалось, что больная какъ бы задыхалась, ей не доставало воздуха, глаза ея дико блуждали по сторонамъ, руками она хваталась за грудь и время отъ времени издавала какіе-то глухіе звуки, прерываемые зѣвотой, потягиваньемъ всего тѣла и ногъ. Съ каждою минутою всѣ эти явленія принимали все большіе и большіе размѣры. Вздрагиванія, задышка усиливались и учащались, слова и звуки переходили въ крикъ: старуха, все еще сидя, начала всѣмъ корпусомъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, все учащая и учащая размахи. Такъ продолжалось минутъ 15, затѣмъ старуха начала на своемъ мѣстѣ подпрыгивать, грузно опускаясь на нару: глаза ея приняли мертвенно-свинцовый блескъ и какъ-бы ничего не видѣли. Невѣстка ея поспѣшила снять съ ея головы платокъ: волоса пали прядями на лобъ, а маленькая косичка повисла сзади; воротъ у рубахи разстегнули, сняли съ нея родъ жилетки, и старуха осталась въ одной рубахѣ до колѣнъ. Подпрыгиванія становились такъ часты и сильны, старуха такъ грузно падала на сидѣнье, что можно было опасаться, что она расшибется: руки еще судорожнѣе хватались за грудь, изъ которой теперь безпрерывно вырывались цѣлымъ потокомъ слова, вскрикиванья и всхлипыванья; временами казалось, она совсѣмъ задыхается; но вотъ она изо всей силы хватила кулакомъ объ стѣну и съ какимъ-то не то плачемъ, не то съ дикимъ хохотомъ пустилась въ пляскъ по юртѣ, продолжая хохотать и стремительно произносить какую-то рѣчь. Слова слѣдовали съ страшной быстротой, такъ что трудно было слѣдить за мыслью. Но временамъ она ржала, кукукала или клекотала: «клё-клё-кле», но ни на минуту не переставала, то понижая, то повышая голосъ, произносить слова, фразы: она захлебывалась слюной, задыхалась, прижимала руки къ груди, въ азартѣ пляски подскакивала къ столу и съ размаху била по немъ кулакомъ. Пляска эта продолжалась не менѣе получаса, и во все это время больная ни разу не упала, не задѣла за окружающіе предметы, хотя въ юртѣ было тѣсно и людно. Послѣ такого адскаго, бѣшенаго танца, послѣ этихъ усиленныхъ прыжковъ, старуха, страшно обезсиленная, съ вспотѣвшимъ лбомъ, опустилась на скамью, схватилась за голову и какъ-бы замерла въ этой позѣ. Но это продолжалось одну-двѣ минуты, и припадокъ снова возобновился, но уже въ значительно меньшей степени: все продѣлывалось не такъ

долго и не съ такимъ напряженіемъ, какъ прежде. Видно было, что всѣ силы, вся энергія были затрачены на первую половину припадка, достигшаго высшей своей точки интенсивности во время пляски. Теперь старуха не прыгала, не плясала, нѣтъ или слова ея не достигали до прежнихъ высокихъ нотъ, она только ходила по юртѣ, стараясь дѣлать какъ можно большіе шаги, но не бѣгала: руки ея болтались, какъ плети, иногда же она ими размахивала или подносила ко лбу: рѣчь становилась ровнѣе, тише и затѣмъ совершенно стихла. Старуха скорѣе упала, нежели сѣла на нару, подперла голову руками, локти которыхъ покоились на колѣняхъ. Такимъ образомъ она просидѣла около четверти часа, мало-по-малу приходя въ себя: она начала узнавать окружавшихъ ее: прежде всѣхъ она узнала своего внука, еще ребенка, подошедшаго къ ней послѣ припадка.

Во все время шаманичанья, или, какъ другіе это же называли, эмиряченья, продолжавшагося въ общей сложности не менѣе часа, всѣ мысли и рѣчи больной вертѣлись около наслежнаго якутскаго старосты, ихъ сосѣда, незадолго передъ тѣмъ заболѣвшаго и находившагося при смерти.

Во время припадка пробовали заговаривать съ старухой, но она совершенно никакого вниманія не обращала на говорившаго и, очевидно, не узнавала его и не понимала, что ей говорили. Не было также замѣтно какой-либо подражательности въ дѣйствіяхъ или движеніяхъ присутствовавшимъ. О такихъ субъектахъ якуты говорятъ, что они *бьснуются* (абасыллылларъ). Для преднамѣреннаго шаманичанья, когда человѣкъ искусственно приводитъ себя въ состояніе экстаза, переходящаго зачастую у шамановъ-ойюновъ въ состояніе гипноза, у якутовъ есть особое названіе *ойюннуръ*, что въ переводѣ будетъ: «онъ намѣренно шаманитъ», или «намѣренно шаманящій». Вообще же о такихъ субъектахъ, какъ вышеописанный, якуты говорятъ, что они *менирилляръ—эмирячатъ*, и, какъ о причинѣ эмиряченья, говорятъ: *абасылылларъ—бьснуются*, потому что въ нихъ, эмиряковъ, «абасы-кирьдя»—чортъ вошелъ.

До сихъ поръ еще въ Среднеколымскѣ можно видѣть маленькаго, сгорбленнаго старика—кожа да кости, съ безсмысленно устремленнымъ впередъ взоромъ. Его прозвали *шидьйкой*, что значитъ сумасшедшій. Онъ полуякутъ, полурусскій, когда-то былъ въ казакахъ, но недолго, такъ какъ началъ шаманить-эмирячить, и эмиряченье его не было такъ безвредно, какъ у другихъ. Припадки его часто переходили въ бѣшенство, и онъ становился опаснымъ для

всѣхъ, окружавшихъ его; онъ хватался за топоръ или ножъ и гонялся за людьми. Въ такомъ состояніи его трудно было удержать, такъ какъ у него являлась необычайная сила. Тогда его обыкновенно ловили и привязывали ремнями къ столбу или, какъ говорятъ, подвѣшивали за ноги вниз головою, колотили, истязали всевозможными мѣрами свои же братья-казаки. Таковъ былъ методъ леченія. Теперь этотъ несчастный старикъ, съ подорванными силами, влачитъ самое жалкое существованіе. Когда наступитъ весна, пріѣдетъ короткое колымское лѣто, онъ начинаетъ шаманить. Припадки его носятъ тотъ-же характеръ, что у вышеописанной якутки, но только въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ и всегда бываютъ по вечерамъ, когда солнце къ закату. Во время припадковъ голосъ его слышенъ на весь городокъ. Говорятъ, что понять его бываетъ совершенно невозможно уже по одному тому, что онъ часто говоритъ на какомъ-то незнакомомъ для другихъ языкѣ: не то по-чукотски, не то по-тунгузски. Иногда онъ говоритъ и по-якутски, но и тогда его мало понимаютъ. Нѣкоторые глубоко вѣрятъ, что старикъ во время припадковъ обладаетъ даромъ пророчества. Приводятъ даже случаи, когда онъ предсказалъ приходъ почты или какое-либо несчастье. Эмиряченье его не достигаетъ теперь той интенсивности, какой достигало въ молодости, но и теперь отъ старика его домашніе (сынъ и дочь) прячутъ ножи и топоръ.

Въ томъ-же Среднеколымскѣ есть еще другой субъектъ, старуха -русская, которую колымчане иначе не называютъ, какъ *эмирячкой*. Вотъ что говорятъ о ней хорошо ее знающіе и, между прочимъ, одинъ человѣкъ, чуть даже не пострадавшій отъ нея:

«Много есть здѣсь, въ Нижнеколымскѣ, женщинъ-эмирячекъ»,—говоритъ этотъ человѣкъ.—«которыя отъ толчка, стука или даже отъ сотрясенія воздуха, а то и просто по воздѣйствію посторонняго лица приходятъ въ состояніе какого-то изступленія и идіотизма: повторяютъ произносимыя при нихъ слова, выкрикиваютъ ругательства, пускаются въ пляску, а иногда въ драку, бросая все, попадающееся подъ руку. Оставленныя въ покоѣ, скоро приходятъ въ себя, утверждая, что не помнятъ своихъ дѣйствій. Въ Среднеколымскѣ»,—говоритъ разсказчикъ,—«я имѣлъ случай усомниться въ болѣзненности подобнаго явленія и чуть было не пострадалъ. И теперь еще живетъ тамъ вдова станичнаго казака—Х. Безсонова. Она эмирячка. Лѣтъ 18 тому назадъ, когда она, въ домѣ Б—хъ, что-то кроила, она по приказанію, отданному въ шутку родственникомъ хозяина, ткнула меня въ животъ остроконечными ножницами. Ударъ

могъ быть для меня роковымъ, спасло же меня то, что на мѣ̀ надѣтъ былъ бараній полушубокъ, крытый толстымъ сукномъ, коего полы въ мѣстѣ нанесенія удара заходили одна на другую. Б—ва пробила обѣ полы полушубка, и концы ножницъ до крови нецарапали животъ. На такую опасную шутку я возпегодовалъ и хотѣлъ эмирячку тутъ же поколотить, но меня отъ этого отклонили, увѣряя, что дѣйствія ея въ подобныхъ случаяхъ невмѣняемы. Не даваясь на эти увѣренія, я для провѣрки указалъ Х. Б. на горячіе угли въ топившемся камелькѣ. Она сейчасъ же схватила раскаленный уголь, положила себѣ въ ротъ и обожгла себѣ руки и языкъ. Тогда только я повѣрилъ ея невмѣняемости. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого случая былъ другой, при которомъ я присутствовалъ», — говоритъ разсказчикъ. — «Во время «черезовой» (осенній ловъ рыбы въ Среднеколымскѣ) на льду Колымы собрались горожане и въ числѣ ихъ и Х. Б—ва. Распорядитель ловомъ (староста) В—въ указалъ Х., чтобы она била окружающихъ. Та схватила палку и начала ударять ею кого попало, не задѣвая одного только исправника, находившагося тутъ же около нея. Сколько я ее ни наталкивалъ на него, но Б—ва ни разу его не задѣла палкою. Стало быть»,—заключаетъ разсказчикъ,—«она сознательно ощущала страхъ предъ начальствомъ».

Субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, лично мнѣ извѣстенъ, дѣйствительно страдаетъ эмирячествомъ, и дѣйствія его непритворны, что подтверждаютъ всѣ жители Среднеколымска: но есть и такія личности, преимущественно среди женщинъ, которыя, какъ намъ за достовѣрное передавали, изъ корыстныхъ видовъ—въ ожиданіи подачекъ изъ состраданія къ несчастной,—а другія для смѣха, для потѣхи окружающихъ, стараются подражать эмирячкамъ, и эти подражанія, повторяясь часто, переходятъ, наконецъ, въ дѣйствительное, мимовольное эмирячество. На одного такого субъекта указывали мнѣ въ Верхоянскѣ. Это еще не старая якутка-дѣвушка, которая въ кругу своихъ подругъ подражала эмирячкамъ, а теперь сама стала настоящей эмирячкой—не притворщицей.

Въ бытность въ Среднеколымскѣ исправникомъ Л—ва, кажется, въ началѣ 70 годовъ, почти половина всѣхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ начали эмирячить. Этотъ исправникъ, замѣтивши сильную нервность колымчанокъ, началъ надъ ними шутить, пугая ихъ внезапнымъ крикомъ, стукомъ, или просто подходилъ къ нимъ сзади и щекоталъ подъ «мышками»—мѣстные нравы допускаютъ подобныя шутки. Дѣвушки вскрикивали, вздрагивали и истерически хо-

хотали. Продѣлывая такія штуки, исправникъ своимъ гипнотизированіемъ довелъ дѣвушекъ до того, что онѣ начали уже и дома впадать въ истерику и эмирячить или паманить. Эмирячили большею частью вечеромъ, когда во всемъ городѣ одновременно затапливаютъ камельки. Нервы ихъ, вѣроятно, были уже такъ настроены, что огонь камельковъ, рѣзко выступавшій изъ темноты комнаты, дѣйствовалъ на нихъ гипнотизирующимъ образомъ и приводилъ ихъ въ то состояніе, при которомъ становилось возможнымъ эмирячество.

Съ отъѣздомъ Гансена въ мундирѣ исправника, число эмирячащихъ постепенно уменьшалось. И теперь еще какъ въ Среднекамъ и въ Нижнеколымскѣ можно насчитать не одинъ десятокъ эмирячащихъ, но рѣдкія изъ нихъ доходятъ до Х. Б—вой и Пигдѣйки: припадки ихъ не такъ интенсивны и продолжительны.

Одинъ мой знакомый докторъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ этихъ мѣстахъ, говорилъ, что ему часто приходилось замѣчать, что большинство эмирячекъ страдало разстройствомъ половой системы, и что нѣкоторыя изъ нихъ начали эмирячить только по выходѣ замужъ. Мы также замѣчали, что между малолѣтними или не вкусившими запретнаго плода эмирячество не развито. Что множество здѣшнихъ женщинъ страдаютъ разными половыми болѣзнями не подлежитъ сомнѣнію. Акуперія въ томъ видѣ, въ какомъ она здѣсь практикуется, неизбѣжно ведетъ къ тому.

Кромѣ вышеописанныхъ формъ разныхъ видовъ каталепсіи, сомнамбулизма, эмирячества, эпилепсіи, здѣшнее населеніе, преимущественно женское, насчитываетъ не мало субъектовъ, страдающихъ падучей. Нерѣдко цѣлыя семьи сею одержимы.

Вообще, здѣсь болѣзни, которыя можно отнести къ нервно-мозговымъ, сильно развиты.

Я здѣсь мало вхожу въ изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ подобныя явленія, ограничиваясь констатированіемъ однихъ только фактовъ. Этимъ явленіямъ въ настоящее время посвящены цѣлыя изслѣдованія, какъ въ нашей научной литературѣ, такъ и въ иностранной.

П. Рябковъ.

Купля-продажа крестьянскихъ земель въ Тобольской губерніи.

Въ своей статьѣ «Очеркъ формъ пользованія землею у крестьянъ Тюкалинскаго округа» *) я, между прочимъ, коснулся перехода крестьянскихъ общественныхъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія: «...хотя всѣ земли, говорю я, которыми пользовались крестьяне данной деревни, считались общественными, мірскими, но въ дѣйствительности пашнями владѣли отдѣльные члены общества на правахъ частной собственности; пашня всецѣло принадлежала тому, кто въ нее вложилъ свой трудъ». «Какъ всякой другой *личной собственностью*, пашней въ то время каждый распоряжался по своему личному усмотрѣнію: онъ могъ возділывать ее или бросить и занять другой участокъ, могъ *подарить и продать ее*; послѣ его смерти пашня, наравнѣ съ прочимъ личнымъ имуществомъ, переходила къ наслѣдникамъ». «*Продажа* крестьянами земли была зауряднымъ явленіемъ. Всякій, вложившій свой трудъ въ землю, могъ продать ее кому угодно въ вѣчное владѣніе» **) и т. д.

Эти мѣста моей статьи вызвали въ нѣкоторыхъ читателяхъ недоумѣніе, и мнѣ дѣлались, какъ лично, такъ и въ письмахъ вопросы: Вѣрно ли я понялъ фактъ? Не смѣшиваю ли я куплю-продажу земель съ продажей на года, т. е. съ срочной арендой, такъ какъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ выраженія «взять пашню въ аренду», «арендовать пашню» замѣняются соотвѣтствующимъ «купить пашню», иногда съ прибавленіемъ «на года»?

Признавая за вопросомъ о продажѣ крестьянскихъ земель значеніе первостепенной важности, ибо изученіе его дастъ возмож-

*) «Восточное Обозрѣніе» за 1887 г. №№ 15, 18, 20, 21 и 26.

**) См. № 15.

ность разобраться въ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ сторонахъ народной жизни, объясняетъ хоть отчасти воззрѣнія крестьянъ на землю, во-первыхъ, а во-вторыхъ, необходимость болѣе тщательнаго, детальнаго разсмотрѣнія и провѣрки подобныхъ вопросовъ,— я позволяю себѣ вторично заняться куплей-продажей крестьянскихъ земель, на этотъ разъ нѣсколько подробнѣе.

Итакъ, возможна ли, въ самомъ дѣлѣ, купля-продажа крестьянской земли? Не есть ли это аренда, простая или осложненная какими-либо побочными факторами, не имѣющими прямаго отношенія къ землѣ?

Я думаю. что разрѣшить эти сомнѣнія можно лишь однимъ путемъ—именно путемъ подробнаго анализа нѣсколькихъ случаевъ отчужденія земель, случаевъ, которые я принимаю за куплю-продажу и на основаніи которыхъ дѣлаю заключенія. Разъ окажется. что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ временнымъ отчужденіемъ—арендой или «продажей на года», вопросъ падаетъ самъ собой, и остается только опредѣлить мѣсто даннаго явленія въ ряду другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить себѣ смыслъ и значеніе его. Такъ я и поступлю, но прежде два слова: говоря о продажѣ земли. я всегда имѣю въ виду воздѣланную землю или такую, на которую потраченъ трудъ, хотя ее и нельзя назвать воздѣланною въ собственномъ смыслѣ этого слова, напр. лѣсъ, который охраняется. Перехожу къ фактамъ.

Въ концѣ прошлаго или въ началѣ настоящаго столѣтія, опредѣлить въ точности не могу, семья крестьянъ Брошниковской волости Тобольскаго округа переѣхала въ Кобырдакскую вол. Тюкалинскаго и здѣсь купила у старожила-крестьянина дер. Усть-Лагатской домъ, усадьбу и пашню, которыми ея потомки владѣютъ и понынѣ, хотя все еще продолжаютъ числиться крестьянами Брошниковской волости. Лишь нѣсколько лѣтъ назадъ, они начали хлопотать о перечисленіи въ Кобырдакскую волость, для чего выправили себѣ пріемный приговоръ, чѣмъ пока дѣло и ограничилось— ничто не побуждаетъ ихъ спѣшить. Въ настоящее время у этихъ переселенцевъ идутъ непріятности съ сосѣдомъ и нѣкоторыми односельцами изъ-за усадебнаго мѣста. исключительно вызванныя межевыми работами и новымъ планомъ деревни. по которому нѣкоторымъ обывателямъ. въ томъ числѣ и означенному сосѣду нашихъ переселенцевъ. приходится переносить свои дома на новое мѣсто. Тѣмъ не менѣе. не смотря на удобный моментъ. о правѣ тобольскихъ выходцевъ на пашню не возбуждается и вопроса: никѣмъ

не оспаривается и право ихъ на усадьбу (рѣчь идетъ собственно о переносѣ усадьбы на другое мѣсто), до такой степени это право очевидно для всѣхъ односельцевъ, среди которыхъ найдется нѣсколько человѣкъ, очень бы желавшихъ изгнать непріятнаго сосѣда... Аренда ли это? Конечно, нѣтъ.

Вотъ другой, болѣе близкій къ нашему времени случай, о которомъ я уже упоминалъ въ своемъ очеркѣ. Восемнадцать лѣтъ назадъ, крестьянинъ Кобырдакской волости дер. Бѣлоглазовой переселился въ городъ и купилъ себѣ у крестьянина Колмаковской вол. 15 дес. пашни за 12 р. Прежній хозяинъ этого участка перешелъ на другой, подготовленный заранѣе. Продажа была совершена съ согласія общества—составили даже «бумагу», которая, на сколько я могъ понять, была общественнымъ приговоромъ о томъ, что сельское общество ничего не имѣетъ противъ продажи его членомъ земли такому-то чужаку. Новый владѣлецъ все время вносилъ подать за себя въ Кобырдакскую волость: здѣшнее же общество черезъ годъ послѣ покупки выбрало его въ десятскіе («у насъ пашешь, такъ долженъ и послужить обществу»), но онъ нанялъ за себя человѣка, заплативъ ему 18 р. деньгами, 5 пуд. муки и 3 мѣшка картофеля: еще черезъ годъ его снова избрали въ сотскіе къ засѣдателю, но и на этотъ разъ онъ поставилъ за себя наемщика за 16 р. Лѣтъ 9 назадъ, онъ былъ избранъ сначала въ кандидаты къ старостѣ, а потомъ въ старосты, въ каковой должности и ходилъ 4 года. Всѣ эти службы возлагались на него за то, что онъ платилъ подать въ другую волость, между тѣмъ какъ землей пользовался здѣсь. При раскладкѣ, 3 года назадъ, подати за «упалыя души» на «малолѣтковъ» (не вошедшихъ въ ревизію), на двухъ сыновей его наложили «накладку», сперва по 5, а потомъ по 6 р. въ годъ на каждаго. Прошедшій годъ, благодаря ссорамъ съ однообщественниками изъ-за какихъ-то денегъ, будто бы растраченныхъ имъ въ бытность старостой, этотъ крестьянинъ перешелъ въ мѣщане и бросилъ землю. Не будь этой растраты и связанныхъ съ нею ссоръ, онъ и теперь спокойно пахалъ бы землю, купленную много лѣтъ назадъ, не смотря на свою принадлежность къ другой волости. Никакихъ слѣдовъ аренды, покупки на года не вижу я въ этомъ случаѣ.

Оба эти примѣра относятся къ Тюкалинскому округу, а вотъ изъ практики ишимскихъ крестьянъ.

Крестьянинъ Желяховской волости, собираясь на пріиски, продалъ «въ вѣчность» свою пашню крестьянину сосѣдней волости.

Пробродяживъ по Сибири много лѣтъ, онъ недавно (лѣтъ 5 назадъ) возвратился въ свою деревню и потребовалъ землю обратно, ссылаясь на то, что онъ будто бы продавалъ на года. Покупщикъ отказался исполнить требованіе, какъ и крестьянскій міръ, признававшій въ данномъ случаѣ продажу въ вѣчность. Дѣло перешло въ волостной судъ, рѣшившій его подъ вліяніемъ писаря въ пользу истца, т. е. перваго хозяина пашни. Однако, не смотря на этотъ приговоръ суда, не смотря на угрозы писаря преслѣдовать крестьянъ за самоуправство, такъ какъ законъ запрещаетъ продавать общественныя земли, міръ, отрицавшій продажу на года, не допустилъ, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ отобрать пашню, находя поступокъ перваго владѣльца и приговоръ суда несправедливымъ, несогласнымъ съ ихъ понятіями о правѣ на землю и ея отчужденіе. Къ сожалѣнію, я не имѣю свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ борьбы между крестьянскимъ обществомъ, дѣйствующимъ на основаніи вѣками выработаннаго обычнаго права, и писаремъ, вооруженнымъ писаннымъ закономъ.

Думаю, что приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы сдѣлать соотвѣтствующее заключеніе о характерѣ сдѣлокъ—представляютъ ли онѣ продажу общественныхъ земель или только аренду, продажу на года.

По словамъ крестьянъ, въ прежнія времена описанная продажа земли была явленіемъ обыденнымъ, разумѣется, на сколько это возможно при той массѣ никѣмъ незанятыхъ земель, какая существовала тогда, да и по сейчасъ еще имѣется въ Тюкалинскомъ округѣ. Съ теченіемъ времени продажа этого рода постепенно вытѣснялась и въ настоящее время почти совершенно уступила мѣсто продажѣ на года, срочной арендѣ, практикуемой теперь въ широкихъ размѣрахъ. На переходъ одного вида отчужденія земли въ другой имѣло вліяніе все увеличивающееся стѣсненіе въ землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростаніе значенія самой земли въ глазахъ крестьянства, пріобрѣтеніе ею цѣнности, помимо потраченнаго на нее труда (см. объ этомъ «Очеркъ»): сдача въ аренду казенныхъ земель и спекуляція этими землями, постепенно принимающая все болѣе и болѣе разнузданный характеръ, наконецъ, все сильнѣе врывающаяся въ жизнь крестьянской массы канцелярщина съ ея «бумагой», о которой еще не такъ давно крестьяне въ своей простотѣ не имѣли и понятія, бумагой, представляющей изъ себя довольно-таки уродливое соединеніе писарскихъ фантазій съ закономъ, имѣющимъ, какъ извѣстно, мало общаго съ правовыми возрѣніями

крестьянства. Параллельно съ развитіемъ канцелярщины и необходимостью все чаще и чаще справляться въ житейскихъ дѣлахъ съ требованіями писаннаго права, шло другое движеніе, противоположнаго характера — развивалось стремленіе обойти законъ, отсюда кляуза, подвохъ, такъ опутавшіе крестьянскій умъ. Каждая изъ названныхъ причинъ внесла свою лепту въ строй крестьянской мысли и имѣла свое вліяніе на его измѣненіе: нѣкоторыя изъ нихъ попятнули и взглядъ крестьянъ на землю. Разъ измѣнилось отношеніе къ землѣ, въ той же мѣрѣ, понятно, измѣнился и характеръ ея отчужденія: вѣчное уступило мѣсто временному, купля-продажа — арендѣ.

Я, впрочемъ, отнюдь не хочу этимъ сказать, что прежде не было продажи на года. Нѣтъ, я знаю факты такой условной продажи, имѣвшіе мѣсто за 50 лѣтъ до нашего времени, а въ болѣе близкое время, когда продажа въ вѣчность стала уже рѣже, аренда сдѣлалась общимъ явленіемъ. Совмѣстное существованіе этихъ формъ для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя я склоненъ думать, что продажа на года—болѣе поздняго происхожденія и есть лишь видоизмѣненіе перваго рода продажи, отъ котораго и заимствовала свое имя.

Отъ внѣшняго обзора фактовъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ внутреннихъ свойствъ, къ смыслу, въ нихъ заключающемуся. Попытаемся привести ихъ въ связь съ другими явленіями крестьянской жизни и сопоставить съ соотвѣтствующими фактами изъ другихъ мѣстностей нашего отечества, условія которыхъ аналогичны съ данными. Такое сопоставленіе поможетъ намъ объяснить себѣ интересующее насъ явленіе и сдѣлать общій выводъ о его роли и мѣстѣ въ народной жизни.

Для насъ, людей города, выросшихъ на выработанныхъ городскою жизнью традиціяхъ, съ дѣтства усвоившихъ представленіе о землѣ, какъ о предметѣ, который самъ по себѣ имѣетъ продажную, рыночную цѣну, купля-продажа общественныхъ земель — явленіе «довольно-таки нелѣпое», плохо вяжущееся съ нашими взглядами на общественную собственность—вѣдь мы всегда такъ рѣзко разграничиваемъ общественную и личную собственность! Чтобы понять смыслъ такой продажи, прежде всего мы должны отбросить на время наши взгляды на земельныя отношенія, наши термины и попытаться взглянуть на дѣло глазами крестьянина, продающаго «Божію», «хрестьянскую» землю въ чужія руки.

По понятіямъ тюкалинскаго крестьянина, какъ и вообще для

крестьянина-великоросса сѣверной Россіи, особенно, еще не затронутаго посторонними вліяніями, земля, какъ земля, сама по себѣ не можетъ быть предметомъ частной собственности — она ничья, Божья, мірская, крестьянская. Крестьяне имѣютъ очень опредѣленное представленіе о частной собственности вообще, но для нихъ она всегда есть результатъ *дѣятельности человѣка, труда*: изъ чего уже само собой вытекаетъ, что земля, какъ предметъ, существующій помимо всякаго человѣческаго труда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать объектомъ частной собственности, какъ не можетъ быть имъ вода, воздухъ, тепло и пр. Отсюда право каждаго на землю. Не будучи частной собственностью, земля, очевидно, не можетъ быть и предметомъ купли-продажи въ томъ смыслѣ, какъ это понимается нами, горожанами. Понятіе о продажѣ земли, о частной земельной собственности, такъ же дико и чуждо крестьянину, какъ какому-нибудь англійскому ландлорду представленіе о «ничьей», «Божьей» землѣ. Такимъ образомъ, для тюкалинца, съ его точки зрѣнія, не существуетъ купли-продажи ни общественныхъ, ни частныхъ земель, и приведенные мною выше факты для него отнюдь не *продажа земли*, повторяю, въ *его* смыслѣ слова, какъ и продажа на года не есть *аренда земли:* онъ продаетъ «въ вѣчность» и сдаетъ «на года» не землю, которая подобнымъ операціямъ не подлежитъ, а нѣчто иное, по самой сущности своей, совершенно отличное отъ земли—онъ продаетъ свой личный *трудъ*, вложенный имъ ранѣе въ землю. Поэтому-то тюкалинецъ и не скажетъ: «купить землю» *), а всегда болѣе опредѣленно: «купить пашню», «купить лѣсъ» (взрощенный), т. е. купить тотъ трудъ, который заключенъ въ данной землѣ. Продавая пашню, здѣшній крестьянинъ продаетъ свой трудъ, употребленный имъ на расчистку даннаго участка, поднятіе новины и проч.: при продажѣ лѣса онъ опять-таки продаетъ не самый лѣсъ, а свой многолѣтній трудъ по охранѣ лѣса и т. д. Тутъ собственно происходитъ даже не продажа труда, а уступка, полная или условная, на право пользованія результатами извѣстнаго количества труда, затраченнаго ранѣе.

Всякій можетъ трудиться и не трудиться -это его святая воля, никто ему не указчикъ, въ томъ числѣ и крестьянскій міръ: лишь бы подати несъ исправно, а какъ онъ ихъ добываетъ, земледѣ-

*) Я имѣю въ виду крестьянскія земли, а не казенныя, о которыхъ и здѣсь говорится «купить участокъ, сѣнные покосы». Но это уже явленіе иного порядка.

ліемъ, торговлей или ремесломъ—это міра не касается. Точно также каждый волент распоряжаться результатами своего труда, по личному усмотрѣнію, не сообразуясь съ желаніями сосѣда. На сколько, разумѣется, такое распоряженіе не вредитъ интересамъ другихъ членовъ міра или всему міру, а потому каждый можетъ продать свой трудъ, тотъ предметъ, въ который онъ вложенъ, на сколько обладаніе этимъ предметомъ сопряжено съ возможностью пользоваться результатами труда, уступить «въ вѣчность» или «на года», даромъ или за деньги.

Человѣкъ, вложившій свой трудъ въ пашню, продавая его другому лицу, правильнѣе, продавая право пользованія результатами своего труда, тѣмъ самымъ, естественно, уступаетъ и право на тотъ кусокъ земли, съ которымъ неразрывно связанъ его трудъ. Это и будетъ тотъ случай, который въ нашихъ глазахъ пріобрѣтаетъ всѣ характерныя черты купли-продажи земли. Но можетъ быть и другой, нѣсколько отличный отъ только что разсмотрѣннаго случай: я могу уступить другому право воспользоваться не *всѣми* результатами вложеннаго мною въ пашню труда, а лишь извѣстной частью ихъ, положимъ, половиной: въ Тобольской и Томской губ. считается, что вновь расчищенная пашня окупаетъ всѣ затраченные на нее труды приблизительно въ 40 лѣтъ; такимъ образомъ, продавая половину результатовъ своего личнаго труда, я продаю право пользованія пашней на 20 лѣтъ, не считая, конечно, того, что въ первые годы трудъ вознаграждается болѣе, нежели въ послѣдующіе. Вотъ и «продажа на года»: число лѣтъ аренды зависитъ отъ того, какая часть труда продается. Ясно, что основа какъ одного, такъ и другаго вида продажи одинакова: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продается одинъ только трудъ, связанный съ даннымъ кускомъ земли, въ первомъ случаѣ весь, во второмъ—лишь частью.

Трудовая основа въ сдѣлкахъ съ такъ или иначе воздѣланной, вѣрнѣе, соединенной съ трудомъ землей выступаетъ передъ нами еще отчетливѣе, если мы отъ пашенъ южныхъ округовъ губерніи обратимся къ лѣсамъ сѣвера. Здѣсь лѣсъ — общее достояніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, пользованіе имъ предоставляется каждому желающему—говорю это о русскихъ поселеніяхъ. Между тѣмъ, на томъ же сѣверѣ, въ какомъ-нибудь Сургутѣ, на ряду съ полной свободой пользованія вы встрѣтите явленіе, близко подходящее къ тому, которое только что занимало насъ на югѣ: я говорю о существованіи какъ бы личной собственности въ отношеніи

отдѣльныхъ участковъ лѣса, въ которыхъ поставлены слопцы *), и проведены просѣки **). Каждый свободно можетъ захватить любой, никѣмъ незанятый участокъ лѣса, поставить въ немъ слопцы, провести просѣки—никто не будетъ стѣснять его; но разъ слопцы поставлены, просѣки проведены -- участокъ становится какъ бы частной собственностью захватившаго его: и просѣка, и слопцы переходятъ по наслѣдству, сдаются въ аренду, продаются и т. д. Въ мѣстѣ просѣкъ и слопцовъ никто, кромѣ хозяина, не можетъ дѣлать порубокъ, ставить свои слопцы и пр. Но вотъ почему-нибудь охотникъ забросилъ слопцы и просѣки, не пользуется ими столько времени, что для дальнѣйшаго пользованія потребуется новая затрата труда—и участокъ снова становится общимъ, Божьимъ, и всякій желающій можетъ захватить его, поставить тамъ свои слопцы и перевѣсы. Порядокъ, какъ видите, вполнѣ аналогичный съ тѣми, которые мы наблюдали на югѣ въ отношеніи пашни. Для меня въ настоящее время важна одна сторона этихъ порядковъ—купля-продажа и сдача въ аренду слопцовъ и просѣкъ. На сѣверѣ не можетъ быть и рѣчи о продажѣ лѣсовъ, какъ таковыхъ, при существующемъ обиліи ихъ—каждый можетъ даромъ взять, сколько хочетъ. Само собой разумѣется, при продажѣ просѣкъ и слопцовъ продается не участокъ лѣса, а трудъ, содержащійся въ немъ въ формѣ ли просѣкъ, или въ формѣ слопцовъ: только право на пользованіе этимъ трудомъ и переходитъ по наслѣдству, только оно и подлежитъ куплѣ-продажѣ.

До извѣстной степени, такое отношеніе къ труду не чуждо и городскому жителю, попадающему въ подходящія условія. Представьте себѣ горожанина въ безграничномъ, «Божьемъ», сургутскомъ лѣсу. Онъ властенъ пользоваться имъ, какъ угодно, но одного онъ не въ силахъ сдѣлать—продать его, ибо никто не купитъ. Но вотъ онъ, горожанинъ, срубилъ дерево, и можетъ сейчасъ же, на мѣстѣ продать его. Правда, ему дадутъ за него грошъ, но все-таки дадутъ, когда за минуту до рубки не дали бы и полгроша. И горожанинъ сразу почувствуетъ, что ему платятъ этотъ грошъ не за лѣсъ, не за дерево, а за его трудъ, связанный съ срубленнымъ имъ деревомъ. Расширьте, обобщите данный случай отно-

---

*) «Слопцы»—особаго устройства ловушки, разставляемыя въ лѣсу для ловли птицы и мелкаго звѣря.

**) «Просѣка»—искусственная прогалина въ лѣсу опредѣленной длины и ширины. Въ просѣкахъ ставятся «перевѣсы» (сѣти) для ловли дикихъ утокъ во время весенняго перелета.

шенія горожанина къ лѣсу и дереву, и передъ вами тотчасъ же обрисуется во всей своей стройности и строгой логичности отношеніе крестьянства къ землѣ вообще, крестьянское міросозерцаніе.

Сходство условій, въ которыхъ живутъ народы и общества, влечетъ за собою и сходство соціальныхъ формъ этихъ обществъ. Сходство Тобольской губ. въ географическомъ—особенно, если брать сѣверную и среднюю ея часть—и. еще болѣе, въ историческомъ отношеніи съ Архангельской не подлежитъ сомнѣнію. Суровость климата и внѣшней природы, непроходимые лѣса и тундры, занятіе и заселеніе края русскими, — наполовину медленное завоеваніе, наполовину свободная колонизація,—все это сближаетъ сосѣднія губерніи и невольно наводитъ на мысль искать сходства и во внутреннемъ складѣ народной жизни, провести параллель между соціальными формами, выработанными населеніемъ тамъ и здѣсь. Теперь я ограничусь лишь областью занимающаго насъ вопроса.

Въ отношеніи купли-продажи крестьянскихъ земель между этими губерніями наблюдается поразительное сходство, достигающее почти полной аналогіи. Разница касается лишь степени распространенія одного и того же явленія; въ Архангельской губ. оно получило большее распространеніе, выразилось съ большей рѣзкостью и опредѣленностью, но и это, можетъ быть, только кажущееся различіе—Архангельская губ. подвергалась основательному изученію людей, развитыхъ и преданныхъ своему дѣлу, тогда какъ въ Тобольской не дѣлалось и попытокъ къ этому.

Г-жа Ефименко, компетентность которой во всемъ, касающемся фактической стороны народной жизни на сѣверѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, приводитъ много доказательствъ въ пользу существованія даннаго явленія въ Архангельской губ. и его распространенности; она же даетъ намъ и разъясненіе его смысла. Купля-продажа земель — только воздѣланныхъ пашенъ — въ XVI и XVII вв. имѣетъ чрезвычайно широкое распространеніе на сѣверѣ: земли отчуждались по купчимъ, парядымъ, закладнымъ и проч. Я не буду приводить здѣсь самыхъ фактовъ отчужденія земель, такъ какъ это излишне растянуло бы статью—желающіе найдутъ ихъ въ монографіи г-жи Ефименко: «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ» и, еще больше, въ «Юридическихъ актахъ», откуда отчасти они черпались и ею. Здѣсь я приведу лишь два-три мѣста статьи, уясняющія взглядъ архангелогородскихъ крестьянъ на землю.

«Бывшіе своеземцы... все-таки продолжаютъ смотрѣть на свою

*

землю, какъ на собственность. Правда, это собственность условная, это—земля великаго князя, а ихъ только посилье; но вѣдь земля и всегда была ихъ собственностью условно: земля Божья да новгородская, а имъ принадлежитъ лишь трудъ, въ нее вложенный» *). «Захватъ трудомъ—«куда моя рука ходила»—вотъ источникъ ихъ (своеземцевъ) права на землю. Земля съ трудомъ, въ нее вложеннымъ, представляетъ уже извѣстную цѣнность, которая можетъ быть объектомъ разнообразныхъ сдѣлокъ. Дѣйствительно, земля эта, село—продается, покупается, закладывается» **) и т. д. «Черные люди Двинской земли называли свою землю «вотчиной великаго князя», но это не мѣшало имъ распоряжаться ею, какъ полной своей собственностью, разумѣется, только воздѣланною землей: ограниченіе этого права могло исходить лишь отъ кровнаго или некровнаго деревенскаго союза. Отсюда купчія, закладныя, данныя на землю, которыя встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ между старинными актами и свидѣтельствуютъ о томъ, что разнообразное отчужденіе земли было очень распространено на сѣверѣ, а «слѣдовательно, было распространено и вступленіе чужихъ людей въ деревенскую единицу» ***). Но довольно—смыслъ приведенныхъ выписокъ простъ и понятенъ. На русскомъ сѣверѣ крестьянскія земли подлежали куплѣ-продажѣ, хотя и считались сначала Божьими, новгородскими, а потомъ «вотчиной великаго князя», причемъ отчуждались лишь воздѣланныя земли.

На сколько помнится, въ этомъ смыслѣ приводятся факты и ки. Костровымъ въ его работѣ о томскихъ крестьянахъ, хотя, не имѣя въ настоящее время подъ рукою его статьи, утверждать съ увѣренностью не буду.

Перенесемся изъ Сибири и Архангельской губ. на противоположный концъ Россіи — въ Екатеринославскую губ., еще недавно представлявшую изъ себя дикую, безлюдную степь. Ходъ колонизаціоннаго движенія въ эту губернію во многомъ подобенъ таковому же движенію въ Тюкалинскій округъ; еще больше сходства представляютъ формы земельныхъ отношеній у крестьянъ той и другой мѣстности. Не отказывая себѣ въ будущемъ заняться проведеніемъ параллели между этими формами, я остановлюсь здѣсь лишь на куплѣ-продажѣ крестьянскихъ земель въ Славяносербскомъ уѣздѣ.

---

*) *А. Ефименко*: «Обычное право, крестьянское землевладѣніе на крсѣверѣ» Стр. 198 и 199.

**) Тамъ же, стр. 197.

***) Тамъ же, стр. 223.

В. С. Пругавинъ *), изслѣдовавшій въ хозяйственномъ отношеніи названный уѣздъ, констатируетъ фактъ «широкаго» распространенія купли-продажи *усадебныхъ и прiусадебныхъ* земель среди крестьянъ всѣхъ разрядовъ Славяносербскаго уѣзда. Земли продаются какъ однообщественникамъ, такъ и посторонимъ, послѣднимъ даже чаще: 70% площади проданной земли перешло именно въ руки посторонихъ. Возможность подобнаго явленія приводится изслѣдователемъ въ непосредственную связь съ захватнымъ способомъ владѣнія усадебными и прiусадебными землями въ Славяносербскомъ уѣздѣ, къ чему онъ не разъ возвращается. Къ сожалѣнію, авторъ ничего не говоритъ о переходѣ *пашенъ* изъ рукъ въ руки въ тѣ времена, когда владѣніе пашней основывалось единственно на правѣ перваго захвата, что для Славяносербскаго уѣзда уже давно миновало; можетъ быть, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, т. е. извѣстною давностью, слѣдуетъ объяснить отсутствіе соотвѣтствующихъ указаній у г. Пругавина.

Какъ бы тамъ ни было, для меня важны всѣ эти факты, какъ показывающіе, что данное явленіе — купля-продажа крестьянскихъ земель, — наблюдавшееся мною въ южныхъ округахъ Тобольской губ., свойственно не одной этой мѣстности, но встрѣчается вездѣ, гдѣ только условія сходны съ тѣми, въ которыхъ еще не такъ давно находился Тюкалинскій округъ: обиліе свободныхъ земель, малочисленность населенія, существованіе права перваго захвата.

При этихъ условіяхъ, воздѣланныя земли, какъ мы видѣли, пріобрѣтаютъ всѣ внѣшніе признаки частной собственности, хотя, въ дѣйствительности, и не составляютъ таковой. Если хотите, этотъ періодъ народнаго землевладѣнія не есть еще община, какъ мы понимаемъ ее теперь, а лишь переходная форма, изъ которой, при благопріятныхъ условіяхъ можетъ развиться и частное, и общинное землевладѣніе. Къ счастью для крестьянства Тобольской губерніи, здѣсь условія сложились благопріятно для развитія общинныхъ формъ. Переходъ купли-продажи земель въ продажу на года, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ моментовъ побѣды общиннаго принципа, и чѣмъ полнѣе, законченнѣе этотъ переходъ, тѣмъ полнѣе побѣда общины. Съ этой стороны, нельзя не радоваться постепенному исчезновенію обычая продавать земли, бывшаго нѣкогда общераспространеннымъ. Но рядомъ съ этимъ процессомъ идетъ и другой, какъ разъ обратный: подъ вліяніемъ чисто внѣш-

*) «Сборн. статист. свѣдѣній по Екатер. губ.», выпускъ III.

нихъ причинъ, о которыхъ я упоминалъ выше—спекуляціи казенными землями, писарскаго творчества и т. д., и т. д., въ народѣ развиваются и другіе взгляды на землю: имъ усвоивается понятіе земельной ренты, онъ пріучается смотрѣть на землю, какъ на объектъ, который можетъ стать частной собственностью, которымъ можно спекулировать и т. п. Трудовое начало, красной нитью пронизывающее весь строй крестьянскихъ воззрѣній, начинаетъ колебаться подъ напоромъ чуждыхъ деревнѣ вліяній.

Одна изъ задачъ нашего времени и ближайшаго будущаго—способствовать поддержанію и развитію въ народѣ трудоваго начала, какъ основы всего строя народной жизни, и противодѣйствовать всему вредному для торжества этого принципа надъ противоположнымъ. Но этотъ вопросъ уже не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ предмету настоящей статьи.

С. Марусинъ.

НА ЗАРѢ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

I.

Въ пустынѣ.

Дикая пустыня лежала во всемъ своемъ величіи и могуществѣ, —въ томъ величіи, въ какомъ и теперь можно ее встрѣтить гдѣ-нибудь въ предгоріяхъ Тибета и Памира. Величественные хребты высоко возвышались въ небо, и черныя тучи висѣли на острыхъ и голыхъ пикахъ. Эти хребты спускались въ узкія долины, усѣянныя обломками скалъ, сорвавшихся съ высотъ. Причудливые и чудовищные, эти камни казались заколдованными существами. Изрѣдка грохотъ оглашалъ долину, когда каменная лавина неудержимо неслась съ горъ и стирала все по пути своему. За зубчатымъ хребтомъ видѣлись снѣговыя горы; онѣ стояли надъ зеркальнымъ озеромъ, довершая величественную картину. За хребтами вдали висѣли ледники; изрѣдка они издавали трескъ, и надвигающіяся цѣлыя пирамиды льда съ громомъ падали въ бездну; отъ подножья ихъ въ долину неслся съ металлическимъ шумомъ по камнямъ горный источникъ, превращаясь постепенно въ капризную рѣчку. Къ ней сбѣгали отовсюду воды; ея жизненная сила была неудержима, и она вступала въ борьбу съ обломками скалъ, кружила ихъ, обтачивала и тащила въ своемъ руслѣ. Тамъ, гдѣ заграждали дорогу ей камни, которые она не могла своротить, вода кипѣла бѣлою пѣною и брызгами. Вотъ она спустилась въ ущелье и стала еще неудержимѣе и сердитѣе. Среди крутыхъ безднъ она ушла въ глубь, но страшный шумъ, подобный раскату грома, давалъ чувствовать о ея борьбѣ. Свершалась еще борьба какихъ-то стихій: отъ первобытнаго переворота природа не пришла еще въ равно-

вѣсіе. Грозная и могучая, царила она въ пустынѣ и устрашала человѣка. А онъ сидѣлъ, одинокій, жалкій и несчастный, въ звѣриной шкурѣ, дрожа отъ холода, на камнѣ и плакалъ. Онъ горько плакалъ, сознавая свое безсиліе, безпомощность и предчувствуя свою гибель. Только враждебныя и грозныя силы окружали его. Онъ обратилъ взоры на вершины отдаленныхъ снѣговъ горъ и увидѣлъ, какъ сходились и расходились здѣсь тучи, какъ онѣ обвивали подобно громаднымъ змѣямъ вершины пиковъ. Вотъ черныя тучи склонились, сверкнула красная стрѣла, и раскаты грома залили долину. И человѣкъ упалъ, и простеръ руки къ отдаленной горѣ, моля о пощадѣ. Когда онъ поднялся, тучи разсѣялись, опять неподвижныя горы стояли предъ нимъ, и выше всѣхъ одна гора. Но теперь онъ вдругъ почувствовалъ, что эти горы и скалы не были безчувственны. Онѣ явились его взору живыми существами. Точно огромные киты, лежали онѣ передъ нимъ и какъ будто дышали. Въ отдаленныхъ звукахъ природы онъ почувствовалъ какой-то таинственный языкъ, и снова его охватилъ страхъ; но страхъ прошелъ, а сознаніе жизни въ окружающей природѣ все болѣе и болѣе выступало. Въ какой-то гармоніи бродили теперь облака и обнимали горы; въ свою очередь пирамидальныя вершины поднимались и тянулись къ небу. Огромный ледникъ двигался, и рѣки стали живыми существами и говорили съ горами и скалами. Зстали ручьи, и камни казались живыми... Взглянулъ дикарь на лѣсъ—и онъ пересталъ страшить его. Лѣсъ также шумѣлъ и говорилъ, и онъ почувствовалъ его языкъ. Одухотворенная природа теперь населилась тысячами существъ. Пустыня не была болѣе пустыней,—таинственныя тѣни, лежавшія на ней, двигались и смѣялись: горы кивали другъ другу головами: облака казались космическими богами, совершавшими игру и превращавшимися то въ загадочныя чудовища, то пріобрѣтавшія видъ земныхъ существъ. Въ облакахъ, въ очертаніяхъ горъ, на безжизненной скалѣ, человѣкъ увидѣлъ знакомые профили, подобные его лицу, и стало для него все понятно. Его воображеніе раскрывало безконечныя картины, образы, фантомы, и все это дышало, все это жило. Онъ издалъ звукъ, и звукъ этотъ отдался эхомъ, и онъ почувствовалъ, что онъ не одинъ; угрюмый и суровый, теперь онъ улыбнулся. Это была первая улыбка человѣка. Подобно ребенку, все стало его забавлять.

Нисходилъ сумракъ на землю, а горы дѣлались еще фантастичнѣе и принимали загадочныя формы: теперь уже въ темныхъ абрисахъ и силуэтахъ, сливаясь въ сумеркахъ, онѣ еще болѣе жили:

онѣ, казалось, шевелились, и страхъ опять наполнилъ его душу. Исчезновенье свѣта поразило дикаря. Страшныя видѣнья окружали его, и тоскливое чувство охватывало душу.

Но вотъ яркая полоса свѣта скользнула по одной изъ вершинъ: блѣдный, фантастическій свѣтъ разлился во мракѣ, онъ наложилъ блики на горы. Краснымъ шаромъ выплыла луна, но чѣмъ далѣе поднималась она, ликъ ея становился блѣдиѣе, и ровный, фантастическій свѣтъ облилъ землю, лѣсъ и горы: полосы свѣта заиграли въ темныхъ водахъ, и голубымъ цвѣтомъ отлились далекіе ледники... Была чудная ночь. Миріады звѣздъ выступили на небѣ. онѣ горѣли и мигали разноцвѣтными огнями... А онъ лежалъ вверхъ лицомъ, пораженный зрѣлищемъ, и не отрывалъ глазъ отъ того торжественнаго зрѣлища,—сверкающаго и говорящаго неба. И онъ почувствовалъ, что это свѣтило пришло къ нему, какъ бы въ видѣ отрады, среди спустившагося мрака, сократить ему ночь и ободрить его до утра. Онъ смотрѣлъ на мигающія звѣзды и открылъ, что онѣ также живутъ. Онъ проникалъ ихъ сочетаніе и называлъ ихъ по именамъ въ умѣ своемъ. Теперь отдаленные міры и тысячи небесныхъ глазъ смотрѣли на него. Онъ замѣтилъ, что эти золотыя звѣзды совершали свое шествіе. Куда шли онѣ—онъ не зналъ, но онѣ не были чужими, и онъ также говорилъ съ ними, какъ съ горами и источниками.

Онъ забылся сномъ, а эти образы природы, принявшей видъ живыхъ, говорящихъ существъ, не оставляли его и толпились предъ нимъ въ причудливыхъ сочетаніяхъ. Ощущеніе свѣжести разбудило его. Было еще темно, луна исчезла, но онъ замѣтилъ, какъ туманы заволновались въ ущельи. Изъ сѣраго, безконечнаго утренняго тумана, распростершагося въ долинѣ, выдѣлились бѣлые полки облаковъ и потянулись по ущелью. Гдѣ-то вдали, точно нарисованное на полотнѣ, показалось розовое облачко. Тихо разливался дневной свѣтъ, и облака начали принимать пурпуровые цвѣта. Изъ тумановъ понемногу на горизонтѣ выступили образы горъ—они были какъ одинокіе острова; по нимъ сверкнулъ золотой лучъ, и отдаленнѣйшія вершины съ своими гребнями выступили ясно, какъ волны застывшаго моря: понемногу туманы разсѣевались, и шире, роскошнѣе раскрывалась перспектива горъ, въ утренней синевѣ, съ розовыми вершинами. Пурпуровыя облака теперь ползли и обвивали эти горы, какъ гигантскіе фантомы. Небо сливалось съ землею въ причудливыхъ очертаніяхъ, напоминая заоблачные миражи, и въ этой воздушной картинѣ, гдѣ все такъ фан-

тастично перемѣшивалось, показалось изъ-за гребня ослѣпительно яркое свѣтило, торжественно выступившее и залившее радостнымъ свѣтомъ землю. Засверкали золотомъ снѣжныя горы, ледники, засверкали рѣки, зелень появилась въ свѣжихъ и яркихъ краскахъ, большіе альпійскіе цвѣты подняли головы, а въ чашечкахъ ихъ сверкали еще ночныя слёзы. Природа огласилась тысячами звуковъ... А онъ стоялъ пораженный, ослѣпленный, очарованный и заколдованный. Вотъ онъ простеръ благоговѣйно руки къ этому свѣтилу, колѣни его склонились, какіе-то звуки, не то молитвы хотѣли вырваться изъ груди его. Въ душѣ рождался культъ свѣту, культъ солнцу, культъ жизни. Это было свѣтило, которое никогда не покинетъ человѣка, которое наполнятъ міръ жизнью, а душу бодростью. Когда потухнетъ оно, міръ и жизнь погибнутъ. Очарованный сочетаніемъ свѣта, красокъ, жизни и ея гармоніи, онъ блуждалъ теперь, какъ безумный ребенокъ, онъ шепталъ несвязные звуки и говорилъ съ камнями, цвѣтами и источниками. И это былъ, дѣйствительно, безумный ребенокъ. Несчастный наполнилъ эти пустынныя и дикія горы, долины и скалы фантомами своего воображенія, одухотворилъ ихъ собственнымъ духомъ, своей собственной жизнью и вообразилъ, что они чувствуютъ; но онъ не былъ теперь одинокъ: онъ былъ невыразимо счастливъ своей иллюзіей.

Такъ первобытный человѣкъ начиналъ свою жизнь. Въ его отчаяніи и одиночествѣ сказалось первое чувство горя, возвратившееся впослѣдствіи къ человѣчеству съ жгучей болью міровой тоски, въ моменты раздумья и отрезвленія. Въ его дѣтскихъ порывахъ восторга сказалось первое ощущеніе міровой радости. Ослѣпительно прекрасный міръ отразился въ первый разъ въ душѣ его сильно и ярко: всѣ таинственные вопросы вселенной заговорили въ душѣ его: этотъ міръ возбудилъ и напрягъ воображеніе до бреда и безумія. Странно было видѣть этого человѣка, начинающаго жизнь сумасшествіемъ,—улыбкой цвѣтамъ и разговоромъ съ мертвой природой: но въ этомъ безуміи сказался весь могучій геній будущаго творчества!...

II.

Первая драма.

На обширномъ горномъ пейзажѣ, гдѣ чередуются горы, долины, ущелья, впадины и углубленія, можно было замѣтить кой-гдѣ въ

узкихъ долинахъ маленькія конусообразныя жилища — это были жалкіе шалаши изъ вѣтвей. Они казались микроскопически-малыми и ничтожными передъ гигантскими, величественными громадами окружавшихъ ихъ горъ. Но тѣмъ не менѣе въ этихъ жалкихъ шалашахъ изъ сухаго дерева, покрытаго корою, ютился человѣкъ. Однако, чтобы дойти даже до этого перваго подобія жилища, ему нужно было не мало усилій и изобрѣтательности; ранѣе онъ ютился въ пещерахъ и разсѣлинахъ камней, какъ звѣрь. Видя его первую хижину, никто, конечно, не могъ догадаться о ея генеалогическомъ родствѣ съ будущими дворцами и виллами, которыя создаетъ человѣчество для своего покоя и защиты отъ стихій. Какъ въ жилищѣ, такъ и въ окружающей обстановкѣ человѣкъ постепенно совершенствовалъ свой бытъ. Если европейскому Робинзону, вооруженному знаніемъ и геніемъ, пережившимъ исторію цивилизацій, нужно было массу усилій и изобрѣтательности, чтобы спасти себя на дикомъ островѣ, сколько же труда и мукъ нужно было дикарю, чтобъ прожить вѣка, оберегая, защищая себя. Никто не думалъ о томъ, что стоило дикарю-праотцу человѣчества выпячить, сохранить отъ бурь человѣка и вывести его въ счастливую и покойную долину цивилизаціи!..

Какъ появилось въ немъ первое чувство общежитія, какія узы связывали человѣка въ раннемъ дѣтствѣ, какъ встрѣтилъ онъ первую любовь и смерть себѣ подобнаго, какъ примирился онъ съ этой страшной трагической развязкой—все это тайна первобытной исторіи. Но несомнѣнно, что на зарѣ дней у него была своя драма, своя любовь, свои радости. Интересно знать, какъ проявились онѣ впервые, когда пробудились тонкіе психическіе инстинкты человѣческой души, и освѣтило ее первое сознаніе.

Среди дѣвственной природы, подъ кущей величественныхъ лѣсовъ, на берегахъ рѣкъ изрѣдка встрѣчался человѣкъ съ человѣкомъ. Они были почти безмолвны, и слабые дѣтскіе звуки едва вылетали изъ груди ихъ.

Въ эту пору два человѣческихъ существа встрѣтились разъ на опушкѣ лѣса. Одно существо было крѣпкое, мужественное; другое—болѣе граціозное и женственное, хотя не менѣе сильное. Онъ увидѣлъ ее у берега рѣки: она стояла, нагнавъ серну и жадно слѣдя за нею огненными глазами; длинные волосы ея падали на станъ и обвивали его. Она стояла смѣлая, гордая и красивая, озаренная со всѣхъ сторонъ солнцемъ. Повидимому, они изумились сначала другъ другу. Но потомъ каждый пошелъ своей дорогой: они были

дикари, и имъ некогда было терять время. Но онъ остался подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи. Скоро, блуждая задумчивый, онъ пришелъ на то же мѣсто. И нечаянно на то же мѣсто вышла она. Странное чувство влекло ихъ одинаково, оно возбудилось безсознательно, когда они разстались. Каждый изъ нихъ сохранилъ сладость воспоминанія. Когда они вновь встрѣтились, ихъ глаза были томны и задумчивы. Они почувствовали, что ихъ волнуетъ что-то; какая-то нѣга разлилась въ крови, взоры ихъ были влажны. Они приблизились другъ къ другу и взяли другъ друга за руку, но руки ихъ дрожали. Они долго молча сидѣли и не понимали, что съ ними дѣлается. А природа въ шелестѣ вѣтра, въ разговорѣ цвѣтовъ, въ шепотѣ травъ, въ лепетѣ ручья говорила имъ что-то невъяснимое. Тогда этотъ отдаленный горизонтъ и эти горы показались залитыми волшебнымъ свѣтомъ: лазурное небо улыбалось имъ всѣми своими переливами, и птицы пѣли торжественныя пѣсни, и цвѣты говорили: таинственный лѣсъ осѣнилъ ихъ вѣковыми вѣтвями, свивъ надъ ними куполъ храма; воды источника, плескавшагося у ихъ ногъ, располагали къ нѣгѣ. Такъ наступилъ праздникъ любви. Въ этомъ трепетѣ сердца дикаря, его невинномъ вздохѣ и нѣжномъ, безсвязномъ лепетѣ, сказалась впервые та тихая поэзія, которая разлилась впослѣдствіи въ тысячахъ лирическихъ пѣсенъ и поэмъ, сказалась въ высшихъ проявленіяхъ искусства, выразилась въ драмахъ: она волнуетъ и до сихъ поръ міръ страданіями любви, обливаетъ слезами, но не перестаетъ сквозь нихъ отражать дѣтскую радость, невинное блаженство и первую улыбку человѣческаго счастья.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ густой тѣни лѣса, подъ покровомъ сдѣланнаго мужемъ шалаша, дикарка принесла двухъ мальчиковъ: странно, они появились не близнецами и не похожими другъ на друга. Отецъ сидѣлъ и вторилъ стонамъ матери *). Всѣ заботы, вся нѣжность теперь были сосредоточены у этого дикаго сердца на этомъ молодомъ поколѣніи. Вѣдь нѣтъ дикаря, нѣтъ даже звѣря, который бы не ласкалъ дѣтей, не воспитывалъ ихъ.

Прошло много лѣтъ. По-прежнему на берегу ручья, гдѣ сошлись они въ первый разъ, стояла хижина: здѣсь жилъ по-прежнему старикъ дикарь съ старухой, окруженные молодымъ поколѣніемъ. Но первыхъ двухъ дѣтей здѣсь не было видно. Какъ ни

*) Обычай дикарей подражать страданіямъ матери, извѣстный подъ именемъ *кувады* (высиживанія).

любили ихъ отецъ и мать, какъ ни долго водили съ собою, но жизнь въ лѣсахъ и пробудившіеся инстинкты отваги и потребности самостоятельной жизни взяли свое. Едва возмужавъ, они и кинули отца и мать: мало того, они разлучились и между собой и удалились за сосѣднія горы, куда влекла ихъ заманчивая даль; одинъ ушелъ въ одну сторону, другой—въ другую.

Когда они ушли, а на смѣну явилось другое поколѣніе, случилось страшное событіе. Старый дикарь, родоначальникъ, заснулъ въ шалашѣ такъ крѣпко, что его не могли разбудить уже. Жена его такъ громко кричала надъ нимъ и такъ тормошила, что, кажись, могла бы пробудить цѣлый лѣсъ со всѣми заснувшими звѣрями, но старикъ не просыпался. Онъ былъ серіозенъ, сосредоточенъ, а главное, холоденъ. Когда старуха убѣдилась, что нельзя разбудить мужа, и что это наступилъ вѣчный сонъ, который она видѣла у своего отца, она сѣла надъ трупомъ и не стала принимать пищи, вырвала свои волосы и горько рыдала. Проходили дни, а старикъ не просыпался, и послышался непріятный трупный запахъ; но она все не разставалась съ нимъ. И оскалились у него челюсти, и начали по немъ ползти черви. Тогда ужасъ охватилъ молодыхъ. Смерть, страшная, безобразная смерть, предстала предъ всѣми,—дѣти и жены ихъ, пораженные паникой, чувствомъ страха, разсѣялись. Шалаши опустѣли. Только старуха примирилась со всѣмъ; она догадалась, что ее ждетъ то же. Глаза ея засвѣтились тоей таинственной, грустной думой старости, которая предугадываетъ свою участь. Тоска потеряннаго счастья закралась въ ея душѣ и уже не оставляла ея. Она не разставалась съ трупомъ мужа, а когда онъ истлѣлъ и превратился въ скелетъ, она взяла эту безобразную, но милую голову, страстно цѣловала ее и не разставалась съ ней, неся на плечѣ *). Мало того, она сдѣлала изъ куска дерева воспоминаніе. украсила его такъ же, какъ украшала мужа, вложила въ вѣтвь, изображавшую руку, его копье и хранила это изображеніе въ шалашѣ.

Потомки, будучи еще молодыми, не чаяли, что и ихъ постигнетъ страшная участь, что они не избѣгнутъ ея, оставивъ старое пепелище. Какъ боевая стрѣла, когда-нибудь эта страшная судьба настигнетъ ихъ, раздадутся плачъ и рыданія, и ничто, ничто не спасетъ отъ этого. Тогда у человѣка создастся страшный и таинственный культъ смерти, какъ онъ создался у безумной, потеряв-

*) Обычай, сохранившійся на Адамантскихъ островахъ.

шей разсудокъ старухи. Человѣкъ не можетъ и никогда не примирится съ страшнымъ фактомъ, составляющимъ такую дисгармонію съ жизнью. Какъ у безумной старухи, у него явится страстное желаніе продлить существованіе близкаго человѣка, и онъ возсоздастъ его въ своемъ воображеніи, одухотворитъ, возстановитъ въ тысячѣ образовъ, создастъ цѣлое вѣрованіе въ тѣни, будетъ жить съ ними, онъ увѣковѣчитъ своихъ предковъ въ грубыхъ изваяніяхъ изъ камня, которыя усѣятъ пустыню. Онъ поставитъ чудовищныя могилы и монгиры изъ камня, будетъ воздвигать пирамиды и обелиски, которые будутъ существовать вѣка и напоминать о жизни. Самая могила человѣка будетъ, такимъ образомъ, протестомъ жизни, постояннымъ стремленіемъ человѣка къ безсмертію и вѣчности. Рано человѣкъ привыкъ искать утѣшенія въ иллюзіи, такъ какъ жизнь давала мало радостей. Первый звукъ появившагося человѣка —плачъ, конецъ этой жизни тоже ужасная трагедія—это смерть. Только въ срединѣ проскальзываютъ свѣтлые лучи солнца, какъ бы на минуту появившіеся изъ-за темныхъ облаковъ, мгновенно яркой полосой освѣщаютъ они поляну жизни и затѣмъ скрываются, чтобы уже никогда не появиться.

Да и кромѣ смерти, драма за драмой выступаютъ, по мѣрѣ жизни. передъ человѣчествомъ. Изъ всѣхъ драмъ самая мрачная была та. которая разлучила человѣка. создала вражду и право сильнаго надъ слабымъ, неравенство расъ, рабство и породила убійство человѣка человѣкомъ. Это случилось также на зарѣ дней, когда только что умеръ старый дикарь. Два разошедшіеся въ разныя горы брата, встрѣтясь черезъ много лѣтъ, не узнали другъ друга, какъ не узнали впослѣдствіи другъ друга цѣлыя расы и цѣлые народы. Они встрѣтились въ ту минуту, когда каждый изъ нихъ всадилъ стрѣлу въ одного и того же оленя. Кинувшись къ добычѣ, они сначала были озадачены этой встрѣчей, но черезъ секунду явилась у каждаго мысль, кому принадлежитъ убитый олень. Но не было даже вопроса о правѣ. онъ разрѣшился инстинктомъ каждаго, тѣмъ первобытнымъ. грубымъ. эгоистическимъ инстинктомъ, съ какимъ долго не разставался человѣкъ. Каждый изъ нихъ показалъ, что онъ хочетъ завладѣть оленемъ одинъ. Ихъ глаза сверкали ненавистью, гнѣвомъ: угрожающій крикъ вырвался изъ груди. Скоро они поняли, что дѣло не въ томъ. чтобы держаться за оленя, и что олень самъ собою останется въ пользу того. кто одержитъ побѣду, и вотъ они бросились въ борьбу. Какъ два звѣря, вцѣпились они другъ въ друга: среди вѣковыхъ корней и листьевъ крутились они,

грызли другъ друга, стараясь каждый задушить соперника, но оба обладали упругостью мускуловъ удава и чувствовали, что силы ихъ равны, а бой безнадежный. Тяжело дыша, они бросили другъ друга и, съ ненавистью враговъ, на минуту опять кинулись къ оленю, стараясь каждый загородить дорогу другому. «Мой!» послышалось у одного. «Мой!» послышалось у другаго въ яростномъ крикѣ, и этотъ крикъ, выразившій подобіе права, только увеличилъ бездну ненависти. Каждый схватилъ по огромному суку; одинъ промахнулся, потому что противникъ ловко отступилъ и уклонился, а затѣмъ самъ направилъ ударъ вѣрнѣе, размозживъ врагу голову. Человѣческая кровь брызнула на дѣвственную землю. Съ воспаленными глазами, дрожащій, какъ бы ошеломленный неожиданностью, стоялъ этотъ Каинъ, убившій брата. Теперь, когда побѣда была совершена, внезапно потухло бѣшеное чувство гнѣва, а въ душѣ заговорило человѣческое чувство — чувство отвращенія отъ совершеннаго поступка, сожалѣніе, укоръ, смутное сознаніе грѣха. Убійцу охватилъ страхъ. Олень, этотъ красивый олень съ вѣтвистыми рогами, въ предсмертномъ взорѣ котораго также застыла точно мольба, сталъ для него не трофеемъ, а укоромъ совѣсти. Добыча не окупалась и не уравновѣшивалась страшной цѣною человѣческой крови. Точно привидѣнія смерти наполнили этотъ лѣсъ. Чуткое воображеніе дикаря, склоннаго къ суевѣрію, вселило страхъ въ душу перваго убійцы. Однако, это не было ему урокомъ. Человѣкъ впослѣдствіи легко пріучился къ убійству, какъ къ охотѣ; онъ пріучился гордиться убійствомъ, вывѣшивать скальпированную кожу въ видѣ украшенія, онъ дѣлалъ чаши изъ череповъ, онъ ѣлъ своего врага. Мало того, изъ убійства онъ создалъ цѣлый культъ и воспѣлъ его въ подвигахъ героевъ. Много вѣковъ человѣчество продолжало братоубійственную борьбу, много разъ сталкивались роды и племена—потомки двухъ враждовавшихъ братьевъ, и потоки крови обагряли землю, люди брали другъ друга въ плѣнъ, отводили въ рабство. Стонала земля, но человѣкъ одеревенѣлъ и озвѣрѣлъ.

Только со временемъ началъ онъ соединяться въ братскую семью, въ родовые союзы и вырабатывать инстинкты человѣческаго общежитія, легшіе въ основаніе обычаевъ даже охотника-звѣролова. Нынѣ, когда дикарь-инородецъ встрѣтится съ другимъ въ лѣсу, не соперничество и ненависть вскипаетъ въ душѣ. Усмиренный вѣками, можетъ быть, припоминающій муки совѣсти перваго преступленія, можетъ быть, доведенный до новыхъ отношеній путемъ бо-

лѣе дальновиднаго разчета, этотъ дикарь считаетъ закономъ—дарить свою добычу встрѣченному товарищу. Встрѣча человѣка въ дикомъ лѣсу, на охотѣ, считается предвѣстіемъ счастья. И странно, когда этимъ новымъ чувствомъ альтруизма пропитывался первобытный звѣроловъ-охотникъ, отголосокъ братоубійственной вражды, какъ раскаты стараго грома, повторился и воскресъ въ другомъ мірѣ, который кичился уже цивилизаціей. Здѣсь выступили на ратоборство рыцари не съ оленьей челюстью, не съ сукомъ дерева, а въ блестящихъ вороненыхъ кирассахъ, на изукрашенныхъ золотомъ и серебромъ коняхъ. Они поражали другъ друга на турнирахъ, а дамы бросали имъ нѣжные взоры, махали имъ шарфами и кидали цвѣты, когда арена обагрялась человѣческой кровью!

III.

Шаманъ-пророкъ.

Плачъ и вопль раздавались въ узкой и тѣсной стремнинѣ, гдѣ раскиданы были шалаши полудикаго племени, и стояли высокія могилы, увѣнчанныя громадными камнями, какъ алтарями.

Эти могилы были поставлены въ честь предковъ, которые свято чтились потомками, обитавшими вокругъ ихъ. Здѣсь собирались тризны, приносились жертвы, совершались пиры въ честь умершихъ, и звучалъ бубенъ жреца.

Но плачъ и вопль сегодня раздавались не надъ покойниками. Печальныя вѣсти принесены были мужчинами племени, воротившимися съ войны. Откуда-то, изъ дальнихъ странъ выдвигались цѣлыя полчища новыхъ, неизвѣстныхъ дотолѣ, народовъ; подобно тучамъ занимали они долины и опрокидывали все на пути своемъ. Многія племена были уже уничтожены. Высланные отряды, для сопротивленія и защиты родныхъ долинъ, были разбиты; герои явились усталые, растерзанные и опозоренные. Разбитъ и бѣжалъ храбрый царь Ойротъ *), правившій родами этихъ долинъ и соединившій ихъ въ одну семью. Когда усталые, разбитые, окровавленные и раненые воины принесли эти вѣсти въ укромное ущелье, гдѣ были расположены хижины ихъ женъ, жилища ихъ отцовъ,—отчаяніе и страхъ овладѣли населеніемъ. Но не одинъ плачъ овдо-

*) Ойротъ—мифическое имя среди сибирскихъ тюркскихъ племенъ.

вѣвшихъ женъ и бѣдныхъ матерей раздавался здѣсь. Изъ груди твердыхъ мужей и умудренныхъ опытомъ старцевъ раздался также стонъ. Рѣшалась судьба племени! Доселѣ эти племена жили мирно, охотясь и воспитывая стада въ своихъ горахъ и тѣснинахъ. Они обжились здѣсь и поставили здѣсь свои памятники. Никогда не думали они покидать эти мѣста. Живя родомъ и племенемъ, они чувствовали родственныя связи, въ которыхъ лежали естественныя узы: старая любовь смѣнялась новой, внучата ползали около старцевъ, прижимали ласково ихъ сѣдыя головы, а молодая распускающаяся жизнь искала устами другой молодой жизни. Понемногу эта любовь племенная и кровная созрѣла въ сознаніе гражданской связи и союза, такъ какъ люди лучше вмѣстѣ защищали себя отъ звѣрей и враждебныхъ сосѣдей. И вотъ теперь этому союзу угрожала опасность, мало того, ему угрожали рабство, гибель, изгнаніе; сынъ будетъ оторванъ отъ матери, братъ —отъ брата, племя будетъ разъединено, родныя земли потеряны, уничтожено будетъ это единое родственное цѣлое и стерто, какъ самостоятельная единица.

Первая гражданская скорбь и первыя гражданскія слезы появились тогда и жгучей болью отозвались въ душѣ дикаря-полугражданина.

Но вѣдь эти земли давно, давно ихъ достояніе: кто же можетъ отнять ихъ? Развѣ это будетъ справедливо, развѣ они не хотятъ также жить? Что же смотритъ равнодушно небо? Развѣ эти свѣтила, эти горы не покровительствовали имъ доселѣ? Развѣ мало жертвъ принесли они имъ своими стадами и лучшими отъ стадъ. Гдѣ же жрецы, пусть они скажутъ свое слово, пусть они научатъ, что дѣлать въ такую тяжкую минуту. И народъ послалъ за жрецами.

Собрались знаменитые и опытные *камы* *)—они, которые приносили жертвы свѣтлымъ духамъ, они, которые говорили съ темными и злыми духами, заклиная ихъ оставить человѣка. Таинственно облекали эти камы свои сношенія съ богами, и долги были ихъ приготовленія.

Три дня въ долинѣ уже ждетъ народъ, когда камы приступятъ къ торжественному обряду жертвъ; горятъ костры, привязаны къ священнымъ березамъ обреченные на жертву лучшіе кони, три дня имъ не давали пищи и только давали немного воды. Эти кони обмыты отваромъ душистыхъ травъ, они должны быть убиты,

*) Камъ то же что шаманъ. Названіе это истолковывается санскритологами отъ индійскаго слова «тайна».

такъ чтобы ни одна капля крови не вылилась на землю. Множество барановъ и козъ лежали въ долинѣ, также предназначенные на жертву. Люди ждали, а камы все не выходили изъ шалашей и совѣщались съ духами. Наступала третья ночь, фатальная, послѣдняя ночь. Тревожные слухи о приближеніи непріятеля волновали народъ. Онъ истомился отъ ожиданія. Задумчивые и мрачные сидѣли мужчины, изрѣдка вырывался вздохъ, покрывавшійся первическимъ плачемъ женщинъ. Наконецъ двери шаманскихъ шалашей открылись, по данному знаку запылали костры. Гдѣ-то глухо загрохоталъ бубенъ, ему отозвался другой, третій, и знакомый трепетъ отъ этого бубна охватилъ народъ. Показались жрецы-камы въ своемъ торжественномъ облаченіи: въ большихъ шлемахъ съ пуками филиновыхъ перьевъ, они были увѣшаны металлическими подвѣсками символическаго смысла—изображеніями людей, животныхъ и гадовъ. Лица ихъ были завѣшаны бахромой, и это придавало имъ еще болѣе таинственный видъ; длинные змѣеобразные жгуты и ленты спускались отъ плечъ до пола, въ рукахъ ихъ были металлическіе жезлы и бубны. Шаманы ровно били въ бубны и качались, приближаясь къ народу. Они издали звуки, глухіе, грудные и непонятные звуки, какъ бы рыданія, и вдругъ голоса ихъ слились въ неистовое завываніе, бубны завертѣлись въ рукахъ, издавая звонъ сотнями желѣзныхъ подвѣсокъ, удары учащались съ каждой минутой, шаманы дѣлали судорожныя движенія и то съ дикимъ воплемъ простирали бубны и руки къ горамъ, то прыгали и быстро вертѣлись на одномъ мѣстѣ, причемъ тысячи змѣй и погремушекъ прыгали и разсыпались съ ними въ воздухѣ, придавая имъ видъ фантастическихъ существъ. А горы покрывались мракомъ и смотрѣли изъ темноты ночи гигантами-чудовищами. Сотни и тысячи демоновъ витали теперь надъ человѣкомъ, и подъ этими завываніями и воплями людей охватилъ еще большій ужасъ. Шаманы въ дикомъ экстазѣ, экзальтируя людей, то падали въ изнеможеніи, хрипѣли, то вновь вскакивали и начинали завыванья. Они бросались въ огонь, становились на уголья, поражали себя ножами, но кровь не текла изъ нихъ и они оставались живы. Наконецъ приступили къ жертвоприношенію. Кони были свалены и распростерты *). Ни одна капля крови не пролилась отъ нихъ, и люди стали очищать животныхъ, а жрецы смотрѣли на ихъ внутренности,

*) Обычай у скифовъ, описанный Геродотомъ и практикуемый доселѣ у шаманистовъ Сѣверной Азіи.

угадывая будущее. Наконецъ обрызганы кровью священныя березы, мясо закипѣло въ котлахъ, кости запылали на особыхъ жертвенникахъ, а на огромныхъ стягахъ съ подставками развѣшаны были окровавленныя кожи и шкуры животныхъ въ честь боговъ. Эти подобія животныхъ съ черепами, развѣвающіяся ихъ гривы и хвосты придали еще болѣе мрачный характеръ картинѣ. Истомленный и потрясенный народъ былъ въ нервномъ настроеніи и ждалъ предсказанія. Тогда на высокой скалѣ, освѣщенной пламенемъ, вышелъ старшій жрецъ; онъ былъ блѣденъ и голосъ его былъ потрясающъ; глубокая скорбь была видна на челѣ его.

«Три дня и три ночи мы, жрецы и камы, призывали боговъ и небо, великаго Тенгре, и Ульгеня, и Эрлика, хана злаго духа, прося ихъ помочь вамъ: три дня и три ночи призывали мы горы и лѣса, и долины, и рѣки, и священные ручьи, чтобы они сжалились надъ вами; и созывали мы всѣхъ звѣрей, обитающихъ въ лѣсахъ, и всѣхъ птицъ, и большую таинственную черную птицу, призывали мы всѣхъ рыбъ и самую большую царь-рыбу на совѣтъ къ намъ, и призывали мы всѣхъ гадовъ и змѣй, и самую большую мудрую змѣю. И повѣдали они намъ большую тайну, и узнали мы вашу судьбу. Бѣдный и злосчастный народъ, великое горе тебя постигло, и большое горе тебя ожидаетъ.

«Когда мы поднялись высоко на небо, надъ вершинами горъ и утесовъ, куда облака достигаютъ, мы увидѣли, что новые народы выходятъ изъ-за горъ, и велики ихъ полчища. Они уничтожаютъ все по пути своемъ, мужчинъ избиваютъ, а женщинъ берутъ въ плѣнъ, привязываютъ къ лошадямъ и ведутъ, какъ скотъ. Они уже заняли ближнія долины и не наступитъ еще утро, когда они будутъ въ нашемъ ущельи. Злосчастное и бѣдное племя! Чтобы не погибнуть, ты должно оставить милыя мѣста твои, твои излюбленныя пастбища, дорогія тебѣ могилы предковъ, и идти къ сѣверу за дальнія горы, разсѣяться и найти новыя лощины и ущелья себѣ: тебѣ, малочисленному и слабому, не выдержать напора сильныхъ. Поднявшись на высокую гору, выше облаковъ, мы видѣли какъ сыны твои и храбрые воины, столкнувшись съ этимъ племенемъ, потерпѣли пораженіе. Царь Ойротъ, соединившій племена волею боговъ, былъ разбитъ и удалился на западъ. Бѣдное, беззащитное племя, кто защититъ тебя? Готовься, злосчастный народъ, къ своему жребію!» Смертнымъ приговоромъ звучали слова шамана: опускались головы, мрачное отчаяніе блуждало на лицахъ, освѣщаемыхъ изрѣдка блескомъ вспыхивавшихъ костровъ. Гробовое мол-

*

чаніе царило кругомъ, а сзади главнаго шамана стояли съ блѣдными потерянными лицами другіе шаманы. Безмолвная толпа стояла, какъ бы подавленная могучею силою фатума, какъ бы подкошенная: стонъ вырвался изъ груди ея, и горы повторили стонъ человѣка. Тогда понялъ шаманъ это глубокое горе и отчаяніе народа и вновь заговорилъ.

— Бѣдный народъ! не впадай въ отчаяніе. Чистый Ульгень смилостивился, показалъ намъ въ огнѣ лицо свое и приказалъ сказать вамъ, чтобы спасти сей родъ: удалитесь за дальнія горы и скройтесь въ лѣсахъ, чтобы жить и плодиться. Унесите съ собой въ изгнаніе завѣщаніе великаго и любимаго царя Ойрота *), которое пусть будетъ вамъ утѣшеніемъ и надеждою. Разбитый, удаляясь на западъ, онъ приказалъ передать своимъ дѣтямъ, что онъ уходитъ отъ сильнаго врага, оставляя ему свои земли; но пусть не падаетъ духомъ злосчастный народъ и дорогія племена, которыя онъ соединилъ, которыми правилъ и которыя были любимыми дѣтьми его. Оставляя этотъ народъ и удаляясь далеко, онъ скроется въ могилу, чтобы избѣжать позорнаго плѣна. Эта могила будетъ при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ, въ видѣ холма, заваленнаго страшными камнями, которые нельзя будетъ поднять и отодвинуть людямъ. Тамъ Ойротъ будетъ ожидать лучшаго времени. Разразится гнѣвъ боговъ, и сильное, дерзкое племя принельцевъ сдѣлается слабымъ, оно уменьшится, истаетъ, какъ уменьшаются стада, зараженныя язвой и моромъ, а вы, разсѣянные и обнженные, расплодитесь, какъ песокъ морской. Наступитъ это время и придетъ къ вамъ снова Ойротъ, онъ узнаетъ васъ, разсѣянныхъ скитальцевъ, по глазамъ, онъ узнаетъ васъ по тоскливымъ взорамъ ожиданія и соединитъ васъ, разсѣянныхъ любимыхъ дѣтей своихъ, возвратитъ вамъ родныя мѣста и вознаградитъ васъ. Тогда наступитъ время вашей славы, могущества, время мира и благополучія. Ободрись же, злосчастное племя, и вѣрь—Ойротъ придетъ!

И эта вѣра подняла духъ народа-дикаря. Затаенная, она улеглась въ сердцѣ человѣка, она унесена была на чужбину: облитая слезами, передавалась и хранилась она, какъ священный завѣтъ, она переходитъ и теперь въ видѣ легенды изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе у несчастнаго дикаря.

Совершилось послѣднее торжественное пиршество, тихія слезы падали на оставляемую родную землю. Ночь истекала, наступило

---

*) Нижеслѣдующее завѣщаніе взято изъ алтайской легенды.

время прощанья. Небо въ это время прорѣзала молнія, и отдаленные раскаты грома наполнили долину.

Низко спустились тучи и окутали пики горъ. Въ разщелинѣ ревѣла рѣка, и этотъ ревъ ея былъ грозенъ въ эту ночь. Когда небо прорѣзывали молніи, видно было на огромное пространство долины, и опытный глазъ могъ замѣтить, какъ удалялись въ узкое ущелье къ вершинѣ горъ несчастные изгнанники съ своими стадами, тогда какъ съ болѣе открытой долины, какъ тучи, выдвигалась новая армія и наводняла долину.

Костры вездѣ потухли, царилъ мракъ. На высокой скалѣ, гдѣ надъ бездною прилѣпилась одинокая сосна, стоялъ шаманъ-предсказатель, провожая дорогой народъ своимъ взоромъ. Онъ видѣлъ приближающихся чужеземцевъ и удаляющихся дорогихъ бѣглецовъ. Вотъ они скрылись. Теперь, освѣщающая мѣстность, молнія не обнаруживала ихъ признака. Удары грома становились все чаще, вѣтеръ пронесся по ущельямъ съ страшнымъ вихремъ: тамъ, внизу, подъ скалою, дробилъ дождь, срывались камни и летѣли въ бездну: дико клокотала рѣка въ эту бурную ночь, и ея ревъ сливался съ громомъ. Это была страшная ночь.

А шаманъ стоялъ на своемъ камнѣ, какъ бы не замѣчая ничего, не замѣчая, что вѣтеръ развѣвалъ его волосы, рвалъ одежду, а камни, свистя, летѣли мимо него, каждую минуту угрожая его увлечь съ собою въ бездну.

Когда голубой фосфорическій свѣтъ молніи открывалъ его въ его убѣжищѣ съ развѣвающимися волосами, съ блуждающимъ взоромъ, онъ казался злымъ духомъ. По мѣрѣ того, какъ гремѣлъ громъ, онъ вникался въ эту дикую поэзію и въ то же время былъ погруженъ въ себя. Проглѣдивъ взоромъ таинственную даль, онъ отдался внезапно какому-то экстазу. Онъ поднялъ свой бубенъ и имъ овладѣло дикое веселье подъ бурный говоръ природы, среди шума вѣтра и борьбы стихій. Чѣмъ грознѣе становилась ночь, чѣмъ чаще становились удары грома, тѣмъ болѣе онъ вторилъ имъ ударами бубна. Онъ готовился принести послѣднюю жертву. Вотъ мракъ скрылъ его, шумъ вѣтра все заглушилъ. Послѣдній разъ сверкнула молнія, озаривъ отъ горизонта до горизонта всю панораму горъ; страшный, неистовый ударъ разразился, какъ бы покушаясь расколоть громады. Дикій крикъ не то торжества, не то безумія вырвался изъ груди шамана. На секунду онъ показался на высотѣ около дерева, кружась надъ обрывомъ, и затѣмъ ринулся разомъ въ темную бездну и исчезъ на днѣ ея, гдѣ страшно гро-

хотала рѣка. На острыхъ камняхъ остался остатокъ кровавой одежды.

Прошли вѣка. Среди дикихъ горъ, на краю пропасти, стоитъ до сихъ поръ одинокое старое дерево, считающееся священнымъ, такъ какъ оно было свидѣтелемъ первой искупительной человѣческой жертвы.

Н. Я.

Сибирскіе инородцы.

Изъ книги Оскара Пешеля: «Völkerkunde», 6-te Auflage v. A. Kirchhoff. Leipzig. Duncker und Humblot 1885.

I.

Монголоподобные народы на сѣверѣ стараго свѣта.

Пространство между Охотскимъ заливомъ и европейскою Лапландіей населено, сверхъ русскихъ переселенцевъ, народностями, живущими охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, причемъ онѣ, на сколько можно слѣдить за ихъ исторіею, постоянно мѣняли свое мѣстопребываніе и смѣшивались между собою. Среди нихъ часто появлялись завоеватели, которые объединяли разрозненныя орды въ организованную общую массу. Было ли это обширное пространство когда-либо населено выходцами различныхъ расъ или все туземное населеніе состоитъ изъ потомковъ одного только племени,— этого въ настоящее время нельзя ни утверждать, ни отрицать. Если и были прежде расовыя различія, то они, во всякомъ случаѣ, успѣли изгладиться, благодаря постоянному смѣшенію крови. Въ физической организаціи туземцевъ мы находимъ всѣ переходныя ступени между строго-монгольскимъ типомъ и типомъ цивилизованныхъ жителей Запада. Эта группа народностей, которую Кастренъ окрестилъ именемъ алтайцевъ, тѣсно примыкаетъ къ восточнымъ и юго-восточнымъ азіятамъ. Цвѣтъ кожи желтый или темножелтый; волосы на головѣ валообразны (круглы въ разрѣзѣ), жестки и черны; на лицѣ и тѣлѣ или очень мало растетъ волосъ, или-же совсѣмъ ихъ нѣтъ; глаза, большею частью, расположены въ косомъ направленіи, скулы сильно выдаются, носъ приплюснутъ, а черепъ очень широкъ и необыкновенно низокъ. Чѣмъ дальше однако къ западу, тѣмъ больше монгольскія примѣты те-

ряютъ свою чистоту. Между тѣмъ, какъ самоѣды по строю своего лица напоминаютъ тунгузовъ, остяки походятъ на финновъ и русскихъ [1]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, намъ остается только дѣлить эту группу человѣческаго рода, на основаніи нарѣчій, на пять большихъ вѣтвей, какъ то и сдѣлалъ Александръ Кастренъ, а именно: на тунгузовъ, собственно монголовъ, турокъ, финновъ и, наконецъ, самоѣдовъ. Къ счастію, организація языка у всѣхъ этихъ племенъ, въ общихъ чертахъ своихъ, вполнѣ тождественна. Образованіе сложныхъ словъ совершается посредствомъ суфиксовъ, т. е. путемъ постановки опредѣлительнаго корня за главнымъ: префиксовъ же вовсе нѣтъ. Сверхъ того, извѣстное количество корней обще всѣмъ этимъ нарѣчіямъ. Корни эти, однако, не столь многочисленны, чтобы могли служить доказательствомъ происхожденія всѣхъ нарѣчій изъ одного общаго языка: они могли быть пріобрѣтены посредствомъ заимствованія однимъ народомъ у другаго. Далѣе, имъ всѣмъ свойственны болѣе или менѣе строгіе законы благозвучія. Правда, въ языкѣ мокшанъ гармонія звуковъ не развита до такой полноты, какъ въ турецкомъ или финскомъ, но она, вѣроятно пострадала отъ чуждаго вліянія извнѣ, такъ какъ ясные слѣды тѣхъ правилъ созвучія сохранились еще [2]). Слово не должно ни начинаться, ни кончаться двумя согласными, а коренная гласная буква опредѣляетъ собою конечную [3]). Эти замѣчательныя соотвѣтствія могли, впрочемъ, также развиваться въ болѣе позднее время. Но кто сталъ бы утверждать это, на томъ лежала бы и обязанность доказать свою мысль. Общность происхожденія всѣхъ этихъ языковъ не стоитъ внѣ сомнѣнія въ такой мѣрѣ, какъ напр., общность арійской группы. Иные считали чрезвычайно важнымъ то обстоятельство, что между монгольскимъ и манджурскими языками лежитъ цѣлая пропасть [4]). Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ также забывать, что ни одинъ изъ этихъ народовъ не имѣетъ древней литературы. Будь у насъ возможность сравнить языки въ ихъ первоначальной формѣ, мы легко могли бы удостовѣриться, слѣдуетъ ли ихъ считать за одно цѣлое или нѣтъ.

Къ тунгузской вѣтви этой группы народностей принадлежатъ

---

[1]) Pallas, Voyages, t. 4, p. 90.—Aubel, Ein Polarsommer, S. 258.

[2]) Ahlquist, Mokscha-mordwinische Grammatik. Petersburg. 1861. S. 3.

[3]) Castren, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. Herausgegeben von Anton Schiefner. Petersburg 1857. S. 18.

[4]) Whitney, Language. S. 315.—Сравните Schott въ Abhandlungen der Berliner Akademie, 1869. S. 267, 285.

манджуры, давшіе въ 1644 году изъ своей среды покорившимъ ими китайцамъ династію. Родственнымъ тунгузскимъ племенамъ они присвоили имя «Орочены», т. е. пастухи оленей: огоп по-тунгузски значитъ—олень [1]). Иные тунгузы сами называютъ себя boje, т. е. человѣкъ, другіе—donki, люди. Тунгузы, живущіе на охотскомъ прибрежьѣ, именуются ламутами – отъ lamu, море. Дальше всего на западѣ, именно между Енисеемъ и Тунгузкою, обитаютъ юкагиры. Другія тунгузскія племена проникли на сѣверъ до Хатангской губы Ледовитаго моря. Въ прежнія времена тунгузы жили также на пространствѣ до дальняго сѣверо-востока гдѣ мысъ Шелагской, на востокѣ отъ устья рѣки Колымы, еще носитъ названіе исчезнувшаго племени шелаги [2]). Послѣ ограниченія чукчами и, въ особенности, якутами своего мѣстопребыванія, тунгузы занимаютъ, отъ Енисея до Камчатки и Кореи, бо́льшую часть Сибири, чѣмъ какой-либо другой туземный народъ. Что касается цивилизаціи, то нѣтъ никакихъ доказательствъ относительно надлежащихъ заслугъ описываемыхъ племенъ. Но весьма вѣроятно, что китайцы научились у нихъ нѣкоторымъ вещамъ, которыя мы приписываемъ теперь собственной изобрѣтательности послѣднихъ.

Другую вѣтвь сѣверныхъ азіятовъ образуютъ монголы. Ихъ иногда также называютъ татарами или даже, согласно съ извѣстной игрою словъ Людовика Святаго, тартарами. Это названіе должно однако вычеркнуть изъ этнографіи, потому что имъ часто злоупотребляютъ, и оно примѣняется въ столь различныхъ значеніяхъ, что намъ приходится, въ подобныхъ случаяхъ, заключать по второстепеннымъ только обстоятельствамъ, а нерѣдко лишь угадывать, слѣдуетъ ли понимать подъ именемъ татаръ турецкія или монгольскія народности. Само монгольское имя долгое время оставалось въ этнографической терминологіи очень неопредѣленнымъ. У насъ есть списокъ ордъ, которыхъ прежде или послѣ, ошибочнымъ образомъ, называли монголами [3]). Исторія окрестила этимъ именемъ толпы, вторгавшіяся подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана и его преемниковъ въ Европу, состоявшія, однако, большею частью изъ турокъ. Современное народовѣдѣніе разумѣетъ подъ монголами только четыре народности, именно: восточныхъ мон-

---

[1]) Въ Россіи ороченами называютъ четыре малочисленныя тунгузскія племена на сѣверъ отъ Нерчинска, между Нерчою и Карейгою, живущія также по преимуществу оленеводствомъ. Globus, Bd. 37. 1880. S. 215.

[2]) Hiekisch, Die Tungusen. St.-Petersburg 1879. S. 43 и д.

[3]) V. Erdmann, Temudschin der Unerschütterliche. Leipzig 1862. S. 168.

головъ, калмыковъ, бурятъ и хазаровъ. Восточные монголы — это тѣ, которые въ древности получили у китайцевъ презрительное прозвище tata *), а начиная съ VIII столѣтія прозывались mungki (монголы) [1]). Они живутъ въ восточной половинѣ пустыни Гоби и распадаются на двѣ орды, изъ которыхъ одна, schara, занимаетъ сѣверную часть, а другая, kalka, обитаетъ въ южной области. Заслугъ на поприщѣ цивилизаціи мы за ними никакихъ не знаемъ, какъ за народомъ, у котораго нѣтъ исторіи. Другой отростокъ этой вѣтви составляютъ калмыки [2]). Они сами когда-то называли себя oelot [3]), а нынѣ именуются иногда также durban oirad («ойратами»), т. е. четыре союзника. Эти четыре орды суть: dschungar, turgut, choschod, turbet. Въ 1671 году было основано калмыцкое государство, которое, однако, не просуществовало и столѣтія, такъ какъ было покорено китайцами. Калмыки продолжали свои странствованія до самаго новѣйшаго времени. Въ Европейской Россіи они появились лишь въ 1616 году: въ 1771 же часть ихъ опять возвратилась, при невзрѣчимыхъ опасностяхъ и лишеніяхъ, обратно въ Китай. Нѣкоторыя орды перешли также за южные предѣлы Гоби [4]).

Буряты отличаются отъ калмыковъ только по языку. Уже подъ владычествомъ Чингисъ-Хана они обитали на берегахъ Байкальскаго озера и въ его окрестностяхъ. Въ 1644 году они, послѣ слабаго сопротивленія, покорились казакамъ. Всѣ эти три отростка монгольскаго племени приняли буддійскую вѣру, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставили и шаманскихъ колдованій. Они вообще флегматическаго темперамента, но кроткаго характера люди. Тѣмъ замѣчательнѣе, что изъ ихъ среды могъ выйти человѣкъ подобно Чингисъ-Хану, который изъ самыхъ невзрачныхъ началъ дошелъ до степени покорителя міра.

Далеко отброшенные отъ прочихъ своихъ монгольскихъ сплеменниковъ, хазары, или хезары, ведутъ жизнь пастуховъ-номадовъ

*) Tata по-монгольски значитъ: побѣжденные. *Примѣч. переводчика.*

[1]) Castren, Vorlesungen, S. 37.

[2]) Имя это воспроизводится то отъ турецкаго khalimak, т. е. отпавшіе или отставшіе, то отъ монгольскаго gholaimak—«огневая вода», то наконецъ отъ kalmuck—«огненные люди». Liadoff въ Journ. of. the Anthrop. Instit., t. I, p. 401.

[3]) Bergmann, Streifereien unter den Kalmücken. Bd. I, S. 122.

[4]) Послѣ паденія династіи Juen'овъ толпа калмыковъ, состоявшая изъ джунгаровъ, тургутовъ и хошодовъ, переселилась на берега Куку-нора. Howarth въ Journ. of. the Anthr. Inst., t. I, p. 232.

въ области между Гератомъ и Кабуломъ. Въ царствованіе султана Бабера они еще говорили по-монгольски [1]). Да и черты лица у нихъ въ такомъ совершенствѣ сохранили монгольскій типъ, что путешественники никогда не были различнаго мнѣнія относительно этнографическаго характера этого народца. Хазары дѣлятся на западныхъ и восточныхъ. Первые суть сунниты, послѣдніе—шіиты. Западныхъ хазаровъ иногда называютъ также *аймакъ*. Но слово это значитъ ничто иное, какъ орда [2]). И такъ какъ оно примѣняется и къ другимъ монгольскимъ племенамъ, то мы должны предостерегать отъ употребленія его въ народовѣдѣніи. Прибывши въ качествѣ воиновъ Чингисъ-Хана въ Иранъ, хазары, давно уже впрочемъ, переняли иранскій языкъ; исключеніе составляетъ незначительная только часть ихъ, обитающая въ менѣе доступныхъ горахъ при Гератѣ, гдѣ занимается добываніемъ угля [3]).

Тунгузы и монголы не очень многочисленны, а многія отрасли этихъ племенъ даже вымираютъ. Но въ иныхъ совсѣмъ условіяхъ находится третья вѣтвь сѣверо-азіятской группы—турки. По древнимъ восточнымъ преданіямъ, восьмой сынъ Яфета назывался Туркомъ *). Онъ обиталъ при Или и Иссыкъ-кулѣ. У одного изъ его потомковъ родились близнецы—Татаръ и Монголъ. Такія саги мы должны разсматривать, какъ опыты этнографической классификаціи. Онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, на сколько сами азіяты считаютъ себя въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ. Западные турки въ такой значительной мѣрѣ смѣшались съ аріями и семитами, что ихъ первоначальныя расовыя примѣты изгладились уже до послѣднихъ почти слѣдовъ, и только языкъ еще указываетъ на ихъ происхожденіе. Туркмены, узбеки, погайцы и киргизы, однако, въ значительной степени приближаются къ монгольскому типу, а у бурятовъ и кипчаковъ развѣ только цвѣтъ лица нѣсколько иной. Такъ разсказываетъ Вамбери, который, однако, присовокупляетъ, что монгольскій языкъ, въ грамматическомъ отношеніи, отнюдь не сходенъ вполнѣ съ турецкимъ, хотя и позаимствовалъ у послѣдняго около трехъ четвертей всѣхъ словъ [4]).

Въ настоящее время мы различаемъ среди турокъ слѣдующія

---

[1]) Spiegel, Erânische Alterthümer, Bd. I, S. 344.

[2]) Castren, l. c., S. 42.

[3]) Vambéry, Ursprung der Madyaren. Leipzig, 1882. S. 199.

*) По библейскимъ преданіямъ, у Яфета было только семь сыновей. *Примѣч. переводчика.*

[4]) Vambéry, Geschichte Bocharas, Bd. I, S. 130.

народности: уйгуровъ, узбековъ, османовъ, якутовъ, туркменовъ, ногайцевъ, бассіановъ, кумыковъ, каракалпаковъ и киргизовъ. При случаѣ путешествія греческаго посла Земарха въ 569 году послѣ Р. Хр., мы узнаемъ о турецкомъ ханѣ, котораго византійцы называли Дизабуломъ [1]). Резиденція послѣдняго находилась въ Таласѣ, при рѣкѣ того же имени, недалеко отъ нынѣшняго Ауліэ-Ата, на западномъ краю высокаго александрійскаго хребта [2]). Это древнее турецкое государство тукіусовъ простиралось отъ Каспійскаго моря до Кореи, Китайской стѣны и даже до Тибета [3]). Оно, однако, распалось въ томъ же столѣтіи, и бывшіе ему подвластными уйгуры по обѣимъ сторонамъ восточнаго Тянь-Шаня получили снова свободу. Эти уйгуры, которые у китайцевъ, вслѣдствіе неспособности послѣднихъ къ произношенію звука *р*, носятъ теперь имя chui-chui, составляютъ достойный уваженія культурный народъ. У нихъ сохранились еще слѣды Зороастрова ученія, отъ котораго народъ сперва перешелъ къ буддизму [4]), а наконецъ принялъ исламъ. Мы знаемъ уйгуровъ по китайскимъ лѣтописямъ уже со втораго вѣка до Р. Хр. Они уже тогда были самымъ передовымъ изъ всѣхъ турецкихъ народовъ и основали долго существовавшее государство на восточномъ Тянь-Шанѣ, между тѣмъ какъ въ ихъ родинѣ, на Орхонѣ и Селенгѣ, остались родственныя имъ орды [5]). Въ V столѣтіи по Р. Хр. у нихъ имѣлись собственныя письмена, собственная литература: въ XIII вѣкѣ среди нихъ набирались писцы для царившихъ тогда надъ міромъ монголовъ, которые сами переняли уйгурскій алфавитъ [6]). Начиная съ IX столѣтія, когда китайскій императоръ призвалъ ихъ въ свою страну для защиты ея отъ разбойничьихъ нападокъ западныхъ сосѣдей, уйгуры остались тамъ и по исполненіи этой своей задачи. Они распространились, живя въ довольно строгой разобщенности отъ китайцевъ, по всему сѣверному Китаю, въ особенности по сѣверо-западнымъ областямъ страны. Въ настоящее время ихъ тамъ, по мнѣнію Рихтгофена, не менѣе одного милліона душъ [7]). Самое крайнее на западѣ поселеніе ихъ теперь—оазисъ Гами или Хами, вблизи восточнаго конца

---

[1]) Menandri excerpta de legat. Corpus script. Hist. Byzant. ed. Niebuhr, I, pag. 295—302, 380—384.

[2]) V. Richthofen, China, Bd. I, S. 543.

[3]) Ibid. S. 526.

[4]) Stanislas Julien въ Journ. asiat. Paris 1847. Pag. 58.

[5]) V. Richthofen, l. c., p. 49.

[6]) Ibid., pag. 602 и далѣе.

[7]) Zeitschrift für Ethnologie, 1873. Verhandlungen, S. 39 f.

Тянь-Шаня: здѣсь они называются таранчами, и смѣшивались съ монголами и восточными туркестанцами [1]). Въ западномъ Туркестанѣ мы нынѣ встрѣчаемъ турецкое племя эзбековъ, или узбековъ, называющихся такъ по имени Эзбега, повелителя Золотой Орды (1312—1342). Они тоже смѣшивались съ монголами. При своемъ историческомъ появленіи, племя это жило на сѣверномъ прибрежьѣ Каспійскаго моря, потомъ же, подъ Тимуридами, распространилось далѣе по теченію Аму-Дарьи [2]), въ XVI столѣтіи начало покорять Туранъ и теперь еще составляетъ господствующую народность въ ханствахъ Хивѣ и Бухарѣ. Изъ той же области вышли и сельджуки, которые еще около 1030 года по нашему лѣтосчисленію занимали нынѣшнюю туркменскую пустыню, до того какъ они проникли на Западъ, гдѣ наконецъ, подъ именемъ османовъ, выступили побѣдителями въ трехъ частяхъ свѣта.

Константинопольскій османъ, какъ утверждаютъ, хотя скорѣе всего и преувеличенно, легко можетъ объясняться съ якутомъ съ береговъ Лены. Правда, по крайней мѣрѣ, то, что отрасли турецкаго языка обнаруживаютъ на этомъ громадномъ пространствѣ меньше различій между собою, чѣмъ того слѣдовало бы ожидать. Якуты въ высшей степени закалены противъ вліянія ихъ суроваго климата. Американскій путешественникъ Kennan видалъ, какъ они, одѣтые лишь въ рубахи и шубы, при 40 градусахъ холода по Цельзію, сидѣли подъ открытымъ небомъ и бесѣдовали другъ съ другомъ [3]). Kennan свидѣтельствуетъ далѣе о нихъ, не только какъ о прилежныхъ работникахъ, но прибавляетъ, что они единственный изъ туземныхъ народовъ, который не только не уменьшается численно, а даже размножается. Въ серединѣ настоящаго столѣтія, якутское нарѣчіе служило главнымъ разговорнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ отъ Иркутска до Охотска и отъ Ледовитаго моря до китайской границы—какъ для путешественниковъ и купцовъ, такъ и для русскихъ, тунгузовъ и бурятъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ [4]). У при-ленскихъ тунгузовъ сохранилось, впрочемъ, преданіе о томъ, будто якуты пришли въ восточную Сибирь лишь въ болѣе позднее время и силою оттѣснили тунгузовъ отъ ихъ прежнихъ мѣстъ [5]).

---

[1]) Prschewalski, Reisen in Tibet in den Jahren 1879 bis 1880. Jena 1884. S. 45.

[2]) Vambéry, Geschichte Bocharas, Bd. II, S. 35 f.

[3]) Kennan, Tent-Life in Siberia, pag. 218.

[4]) Erman, Reise um die Erde. Berlin 1848. Bd. 3, S, 51.

[5]) Hiekisch, Tie Tungusen. S. 42.

Пятый изъ поименованныхъ выше отростковъ турецкой вѣтви,— это туркмены, живущіе въ степяхъ и пустыняхъ на востокѣ отъ Каспійскаго моря и на югѣ отъ Аральскаго озера. Они занимались охотою на рабовъ. Отличные наѣздники, они съ этою цѣлью нападали на харасанскія мѣстности, а прежде, бывало, также появлялись на своихъ пиратскихъ лодкахъ у мазендеранскихъ береговъ, уводя жителей въ рабство, пока наконецъ русскіе не положили конецъ этому позорному промыслу. Туркмены снабжали своимъ живымъ товаромъ базары въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ и тѣмъ содѣйствовали постоянному смѣшенію турецкой и иранской крови. Это смѣшеніе расъ, вѣроятно, существовало въ древнѣйшія уже времена. Когда турецкія племена покорили Кашгарію, Фергану и Харасанію, они нашли тамъ городское населеніе древне-персидскаго происхожденія, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ таджиковъ, прежними же путешественниками называлось также и сартами. Robert Shaw предостерегалъ впрочемъ отъ смѣшенія этихъ названій. „Жители Кашгаріи, или Таримскаго бассейна, обладаютъ, правда, всѣми примѣтами иранской расы, хотя говорятъ по-турецки. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Радлова [1]), есть только послѣдствіе завоеванія страны уйгурами: этого, впрочемъ, доказать исторически теперь нельзя. Раньше еще и совершенно независимо отъ Shaw'a, нѣмецкій путешественникъ v. Schlagintweit открылъ въ населеніи кашгарскихъ городовъ отпечатокъ арійскаго происхожденія [2]). Подобные случаи, когда племена по языку принадлежатъ къ иной области, чѣмъ по расовымъ примѣтамъ, ставятъ этнографію въ то же положеніе, въ какомъ находится минералогія въ виду псевдоморфическихъ явленій. Если, напр., извѣстный кристаллъ растворился отъ дѣйствія просачивающейся воды и унесся ею изъ матки, то другой минералъ можетъ наполнить собою опустѣвшее мѣсто и образовать собою ложный кристаллъ. Точно также бываетъ, что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало по малу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія.

Массы, вторгавшіяся по временамъ изъ Средней Азіи на Западъ, оставляли здѣсь иногда орды, которыя находили убѣжище

---

[1]) Radloff, Türkstämme Sibiriens und der Mongolei. Leipzig 1883. S. 19.

[2]) H. v. Schlagintweit, Indien und Hochasien, Bd. 2, s. 40. Shaw Reise nach der hohen Tatarei. Jena 1872. S. 17.

въ высокихъ горныхъ долинахъ и на плоскогоріяхъ Кавказа. Къ этимъ остаткамъ турецкой группы принадлежатъ погайцы на лѣвомъ берегу Кубани и на Крымскомъ полуостровѣ, далѣе—бассіаны на востокѣ и западѣ отъ Эльбруса, сочувствіе къ судьбѣ которыхъ старался возбуждать въ насъ Freshfield, первый взошедшій на эту гору, и наконецъ—кумыки, обитающіе на прибрежьѣ Каспійскаго моря, на югѣ отъ нижняго Терека и по Дербенту. Другое турецкое племя, каракалпаки (чернокалпаки), переселилось изъ приволжья, своего прежняго мѣстопребыванія, въ область нижняго теченія Сыръ-Дарьи. Наконецъ, киргизы, т. е. три орды, занимающія пространство между устьемъ Волги и озеромъ Балхашъ, вмѣстѣ съ бурутами, по своимъ физическимъ примѣтамъ, ближе всѣхъ остальныхъ турецкихъ народовъ приходятся монголамъ. Киргизскія фамиліи, напр. Кыпчакъ, Аргынъ, Найманъ, даже прямо указываютъ на монгольское происхожденіе или, по крайней мѣрѣ, на смѣшеніе съ монголами [1]). По объясненію Радлова, ихъ племенное названіе составилось изъ именъ двухъ ордъ: *Кыркъ*, т. е. Сорокъ, и *Джійзъ* — Сто [2]). Они сами называютъ себя «казаками».

Трудно опредѣлить значеніе турецко-монгольскихъ племенъ въ исторіи цивилизаціи. Многія изъ нихъ остались по настоящій день кочующими пастухами и, вѣроятно, исчезнутъ, не успѣвши сдѣлаться осѣдлыми. Почтенная степень образованія узбековъ въ Туркестанѣ, равно европейскихъ османовъ, можетъ быть приписана вліянію смѣшенія ихъ съ арійскими и, отчасти также, съ семитическими народностями. Но раннія культура древнихъ уйгуровъ и способность къ гражданственности якутовъ принуждаютъ насъ признавать, что и у тѣхъ турецкихъ племенъ, которыя сохранили чистоту крови, уже рано были всѣ свойства, необходимыя для достиженія болѣе высокихъ формъ общежитія. Изобрѣтеніе кожаныхъ палатокъ и приготовленія войлока, употребленіе кобылъ какъ дойныя скотъ, прирученіе овецъ съ курдюками, а быть можетъ также, и бактрійскаго верблюда,—все это дѣянія, которыя мы имѣемъ нѣкоторыя основанія отнести къ Средней Азіи и притомъ къ глубокой древности. Трудно только сказать, какой изъ вѣтвей сѣверо-азіатской группы народовъ принадлежитъ заслуга въ этомъ усовершенствованіи человѣческаго хозяйства. Четвертую вѣтвь сѣверо-

---

[1]) Radloff. Türkische Volksliteratur in Südsibirien. St.-Petersburg. 1870. Bd. 3, S. XIV.

[2]) Zeitschrift für Erdkunde. Berlin, 1871. S. 505.

азіатской группы составляютъ народы многочисленнаго финскаго семейства, которое, въ свою очередь, раздѣляется на четыре большіе отростка, именно: на угрскій, булгарскій, пермскій и собственно финскій. Ихъ родина находилась отчасти нѣсколько восточнѣе и южнѣе ихъ нынѣшняго мѣстопребыванія на Уралѣ и Алтаѣ, вслѣдствіе чего все племя обозначается также часто именемъ уралоалтайцевъ [1]).

Подъ именемъ угровъ Кастренъ обобщалъ остяковъ съ праваго берега Оби, вогуловъ на восточномъ склонѣ сѣвернаго Урала и, наконецъ, мадьяровъ. Что послѣдніе, по языку, принадлежатъ къ финскому семейству, уже доказано было болѣе ста лѣтъ тому назадъ Зайиовичемъ, сопутникомъ Гелля [2]). Въ новѣйшее время Вескэ тоже далъ новыя разъясненія относительно мѣста мадьярскаго языка въ финской группѣ парѣчій [3]). По вѣшнимъ примѣтамъ, въ особенности по строю черепа и лица, мадьяры, однако, отчасти только сходны съ финнами. Именно: у тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ широкимъ черепомъ и широкимъ же лицомъ, есть черты, сходныя съ чертами тавастляндцевъ южной Финляндіи; но этого сходства не находятъ ни у мадьярскихъ брахицефаловъ съ узкимъ, ни у мезоцефаловъ съ широкимъ лицомъ [4]). Да и самый языкъ носитъ въ себѣ смѣшанный характеръ: въ особенности многія въ немъ черты, родственныя съ турецкими идіомами [5]), повидимому, указываютъ на дѣйствительное воспринятіе имъ элементовъ турецкой національности. Послѣднее, согласно преданію, имѣло мѣсто въ 9-мъ столѣтіи, когда мадьяры прошли черезъ нынѣшнюю южную Россію въ свое настоящее отечество [6]).

Къ булгарской отрасли финскаго племени не должно причислять придунайскихъ болгаръ, такъ какъ они, по языку и по вѣшнимъ примѣтамъ своимъ, принадлежатъ къ славянскому семейству; съ ними вполнѣ ассимилировались уже также и остатки прежнихъ, средневѣковыхъ булгаръ. Въ то время, какъ приволжскіе булгары сохранили свою политическую самостоятельность до 13-го вѣка, а

---

[1]) Ujfalvy, Migrations des peuples touraniens. Paris 1873. Pages 120, 130.

[2]) Зайёновичъ написалъ въ 1770 году книгу подъ заглавіемъ: «Idioma Ungarorum et Lapponum idem esse».

[3]) Weske, Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. Leipzig 1872.

[4]) Kollmann въ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien» 1881. Bd. 11, S. 7.

[5]) Vàmbéry, Ursprung der Magyaren. S. 235—257.

[6]) Constantinus Porphyrogenitus, De administrando imperio, cap. 29.

свою національность до полнаго покоренія ихъ московскими царями, придунайскіе собратья ихъ потеряли свой языкъ уже въ 10-мъ, а свою независимость въ началѣ 11-го столѣтія [1]). Впрочемъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, можно сомнѣваться, дѣйствительно ли булгары финскаго происхожденія. Есть, напротивъ, основанія предполагать, что они суть отростокъ турецкой расы, который только поздѣе смѣшался съ финнами. Ихъ древнее названіе божества, напр., tangri, теперь еще употребляется въ томъ-же значеніи во всѣхъ турецкихъ нарѣчіяхъ; сверхъ того, значительная часть ихъ личныхъ именъ и должностныхъ названій (титуловъ) указываютъ на прямое производство изъ турецкихъ корней [2]). — Другіе остатки булгарства встрѣчаются въ приволжскихъ областяхъ, въ лицѣ черемисовъ, мордвиновъ и чувашъ, образующихъ посреди русскаго населенія отдѣльные племенные островки. Слово «черемисъ», на мордвинскомъ нарѣчіи, значитъ: восточный. Сами мордвины называютъ себя на востокѣ—мокша, а на западѣ—эрза. Ruysbrock приводитъ ихъ подъ именами: моксель, мердасъ и мердуасъ: Herbersein называетъ ихъ общимъ именемъ—мордва. У нихъ до сихъ поръ, болѣе или менѣе открыто, удержалось язычество [3]), и вслѣдствіе этого они привлекаютъ вниманіе этнологовъ.

Пермская отрасль получила свое названіе отъ пермяковъ, обитавшихъ на берегахъ Камы, въ Bjarmaland'ѣ, по древнескандинавскому выраженію. Къ нимъ по родству принадлежатъ зыряне, по теченію рѣки Камы и въ полярныхъ областяхъ рѣкъ на сѣверъ отъ нея. Зыряне занимаются, главнымъ образомъ, охотою на бѣлокъ. Въ настоящее время они все болѣе ассимилируются съ русскими [4]).

Четвертая, или собственно финская, отрасль распространилась по сѣверному и восточному прибрежью Балтійскаго моря. Она получила свое европейское названіе, производное отъ Veen—болото, отъ своихъ нѣмецкихъ сосѣдей [5]). Да и сами финны называютъ свое отечество Suomi, т. е. страна болотъ и озеръ, а себя—suomalaisia [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что Тацитъ и Птоломеусъ знали эти

[1]) Roesler, Romänische Studien. Leipzig 1871. S. 239.
[2]) Vàmbéry, Ursprung der Magyaren. S. 50—61.
[3]) v. Haxthausen, Studien über Russland. Bd. 2, S. 16.
[4]) Archiv für Anthropologie. 1878. Bd. 18, S. 448.
[5]) Guthe, Die Lande Braunschweig und Hannover. Hannover 1867. S. 62.
[6]) Hjelt въ Zeitschrift für Ethnologie. 1872. Verhandl. S. 117. Въ послѣднее время это объясненіе опровергалось Sjögren'омъ, и племенное имя финновъ объявлено пока непонятнымъ.

именно народности, приблизительно въ ихъ нынѣшнемъ мѣстопребываніи, подъ именемъ Fenni или Phinni [1]). По своимъ нарѣчіямъ они распадаются на suomi—при Финскомъ и Ботническомъ заливахъ, на сосѣднихъ кореловъ, на вепсовъ, или сѣверную чудь,—на юго-западномъ берегу Ладожскаго озера, и вотяковъ, или южную чудь,—на сѣверовостокѣ отъ города Нарвы (оба племени вымираютъ): далѣе—на племя кревиновъ, вымершее уже до 1846 года въ Курляндіи, на ливовъ, считающихъ теперь 2.000 только душъ и живущихъ въ Курляндіи-же по прибрежью Рижскаго залива, и, наконецъ, на еще многочисленныхъ и живущихъ сплошною группою эстовъ. Въ кровномъ родствѣ съ этими племенами состоятъ лапландцы Скандинавіи и Россіи, которые, согласно Кастрэну, 2,000 лѣтъ тому назадъ еще имѣли общій съ suomi языкъ. Они только поздиѣе поселились на мѣстѣ ихъ нынѣшняго пребыванія [2]). Въ IX столѣтіи они еще жили одною только охотою да рыболовствомъ. Кромѣ собаки, у нихъ прежде не было другаго домашняго животнаго: оленеводству они научились у норманновъ, какъ то доказываетъ заимствованіе ими у послѣднихъ слова для обозначенія понятія укрощенія [3]). Что касается, наконецъ, квэновъ, то это финское племя появилось въ Скандинавіи лишь въ началѣ прошлаго вѣка [4]).

Кровное родство финской группы съ народностями монгольской расы яснѣе всего замѣтно въ вогулахъ: они гораздо ближе остяковъ стоятъ къ калмыкамъ [5]). Даже у лапландцевъ Норвегіи, съ ихъ узкими, хотя и горизонтально лежащими глазами, съ ихъ широкими скулами, большимъ ртомъ, тупымъ носомъ и желтоватымъ цвѣтомъ лица. Карлъ Фогтъ распознавалъ примѣты монгольской расы [6]). У германскихъ и славянскихъ сосѣдей остзейскіе финны заимствовали извѣстное число названій культурныхъ орудій и, вмѣстѣ съ словами, также сами предметы. На основаніи этого возможно представить себѣ картину ихъ быта до полученія ими этихъ орудій. Домашнія животныя состояли изъ собакъ и, самое большее, еще изъ лошадей и крупнаго рогатаго скота. Изъ

---

[1]) Forbiger, Alte Geographie, Bd. 3, S. 1124.

[2]) Ujfalvy. Migrations des peuples touraniens. Pag. 118 и дал.

[3]) Früs, En Sommer in Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen Christiania 1871. Pag. 13 и дал.

[4]) Archiv for Mathematik og Naturvidenskab. Christiania 1878. Bd. 3 S. 234.

[5]) Castrén, Vorlesungen, S. 128.

[6]) C. Vogt, Nord-Fahrt. Frankfurt 1863. S. 166.

зерноваго хлѣба они сѣяли одинъ ячмень. Лѣтомъ они жили въ кожаныхъ палаткахъ, а зимою—въ земляпкахъ (гаммы. въ нынѣшней Лапландіи), подобно всѣмъ полярнымъ народамъ Стараго Свѣта. Такимъ образомъ, современные остяки и вогулы могутъ теперь дать собою образецъ того, каковы были бытовыя условія у ихъ западныхъ соплеменниковъ въ древнія времена [1]). Къ сожалѣнію, самые древніе памятники письменности остзейскихъ финновъ относятся къ эпохѣ не ранѣе 1542 года. Ихъ эпическія поэмы, собранныя въ «Калевалѣ», навѣрное, принадлежатъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ, очень близкому прошедшему. Въ то время какъ монгольскія и тунгузскія нарѣчія сохранились въ большей чистотѣ, но за то и остались также въ большей бѣдности, а манджурскій идіомъ только слегка удалился отъ своей прежней, односложной, жесткой формы,—въ угрской группѣ мадьярское нарѣчіе и остзейско-финское достигли такой высокой степени развитія, что они почти могутъ быть причислены къ флектирующимъ языкамъ [2]).

Остается еще напомнить, что мы на европейскомъ склонѣ средняго и южнаго Урала встрѣчаемъ, подъ именемъ мещеряковъ, башкировъ и тептяревъ,—племена, говорящія на турецкихъ нарѣчіяхъ, но принадлежащія, по сво мъ вѣшнимъ примѣтамъ, къ финскому семейству,—племена, слѣдовательно, которыя должны быть разсмотрѣны, какъ смѣшанные тюрко-финскіе народы.

Пятая вѣтвь такъ называемой алтайской группы, получившая отъ русскихъ имя «самоѣды», имѣла свою родину, по всей вѣроятности, у подошвы саянскихъ горъ, равно какъ при источникахъ Енисея и Оби. Тамъ мы находимъ и теперь еще, въ мѣстности между источникомъ р. Кобдо и Селенгою, сойотовъ (или сойоновъ), далѣе—у сѣвернаго склона саянскаго хребта—карагасовъ и камасиновъ, а на востокѣ отъ Енисея — койбаловъ [3]). Эти племена имѣютъ въ настоящее время въ своихъ жилахъ въ значительной мѣрѣ и турецкую кровь, говорятъ также на турецкихъ нарѣчіяхъ, а часть сойотовъ говоритъ по-монгольски [4]). Отъ этихъ своихъ южныхъ соплеменниковъ отдѣлились въ свое время самоѣды и отправились, какъ оленеводы, на сѣверъ, въ тундры, гдѣ распространились по

[1]) Ahlquist, Die Kulturwörter in den westfinnischen Sprachen. Helsingfors 1875. S. 264—289.

[2]) Whitney, Language and the study of language, S. 320

[3]) Pallas, Voyages, t. 4, p. 433.

[4]) Radloff, Türkstämme Sibiriens, S. 5—7, 9, 14, 17.

всей площади отъ Бѣлаго моря до Хатангской губы. Въ древней Югріи, по обоимъ прибрежьямъ Обскаго залива, живетъ теперь племя юраковъ, а далѣе на востокѣ — тавги. Такъ какъ у этихъ сѣверныхъ самоѣдовъ встрѣчаются тѣ же фамиліи, что у южныхъ камасиновъ, то упомянутое переселеніе навѣрное совершилось вдоль по теченію Енисея. Судя по языку, ближайшихъ родственниковъ самоѣдовъ слѣдуетъ искать среди народовъ финской вѣтви, а именно—больше всего сходства между ними и булгарскимъ отросткомъ. Самоѣды, изъ боязни кровосмѣшенія, не заключаютъ браковъ съ остяками въ тѣхъ случаяхъ, когда фамиліи одинаковы, что бываетъ и указываетъ на близкое родство обоихъ племенъ [1]). Очень возможно, что при будущей классификаціи народовъ самоѣды займутъ не отдѣльное мѣсто, какъ особая вѣтвь алтайской расы, а будутъ разсмотрѣны, какъ отрасль финскаго семейства.

Названіе алтайцевъ, какъ извѣстно, впервые употреблено Кастрэномъ. Предположеніе, что сами финны, вѣроятно, жили нѣкогда на Алтаѣ, основывается на томъ фактѣ, что имена водъ енисейскаго бассейна, напр., Oja, Iga, Kolba, на финскомъ и лапландскомъ языкахъ значатъ: ручей, вода, рыбная вода; да и самъ Енисей, въ верхнемъ своемъ теченіи, называется Кемъ, каковое слово на одномъ только финскомъ языкѣ, въ видѣ kemi или kymi, значитъ «рѣка».

II.

Сѣверные азіяты неопредѣленнаго этнографическаго характера.

Въ настоящей главѣ мы не намѣрены заниматься описаніемъ новой группы среди монгольскихъ племенъ. Напротивъ того, мы должны откровенно сознаться, что оставляемъ наше научное зданіе неоконченнымъ, такъ какъ намъ не удается присоединить трехъ разрозненныхъ народностей къ какой нибудь изъ большихъ группъ.

Первою изъ этихъ народностей являются енисейскіе остяки, которые, кромѣ неудачно выбраннаго племеннаго названія, ничего общаго не имѣютъ съ остяками пріобскими. Они обитаютъ на пространствѣ отъ верховьевъ Енисея до впаденія нижней Тунгузки—вначалѣ только на лѣвомъ, а ниже на обоихъ берегахъ. Ихъ языкъ, въ которомъ нѣтъ общихъ съ урало-алтайскими идіо-

[1]) Castrén, l. c., pag. 82, 84, 107.

ками типическихъ чертъ, распадается на шесть народцевъ, изъ которыхъ назовемъ только ассанское, аринційское и контское. На послѣднемъ, во время посѣщенія Кастрэномъ Сибири, говорили еще только пять лицъ. Все это племя въ настоящее время состоитъ не болѣе какъ изъ тысячи душъ и должно неминуемо исчезнуть уже потому, что охота и рыболовство составляютъ для него единственные источники существованія [1]). По своей физической организаціи енисейскіе остяки, впрочемъ, совсѣмъ не должны быть отдѣлены отъ своихъ сосѣдей: они во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ монгольской расѣ, но среди нея занимаютъ особое мѣсто.

То же самое слѣдуетъ сказать о юкагирахъ и гиляхъ. Первые живутъ нынѣ въ тундрахъ при Ледовитомъ океанѣ, на востокѣ отъ р. Яны. Hedenström нашелъ въ 1809 году на новосибирскихъ островахъ слѣды бывшихъ, но къ тому времени уже вымершихъ, юкагирскихъ поселенцевъ [2]). Ихъ языкъ совершенно отличенъ отъ урало-алтайскихъ идіомовъ [3]). Они сами себя называютъ andon domni. Что касается гиляковъ, то они, въ числѣ 3.000 приблизительно человѣкъ, живутъ по прибрежью сѣверной половины Сахалина и въ долинѣ рѣки Тыми на томъ же островѣ, а въ числѣ около 5.000 душъ гиляки населяютъ сосѣднія мѣстности материка въ окрестностяхъ нижняго Амура. Здѣсь часть ихъ, мангунскіе гиляки, вплоть до Горина, переняла языкъ гольдовъ, живущихъ выше по теченію. Самъ же гилякскій языкъ не сходенъ ни съ айносскимъ, ни съ тунгузскимъ [4]). Гиляки народъ широкоплечій, большею частью низкаго роста, ясно брахицефальнаго типа и съ некрасивыми, чисто монгольскими чертами лица [5]). Источникомъ существованія для нихъ служатъ звѣроловство и рыболовство: смѣлые моряки, они охотятся и на тюленей. Съ наступленіемъ зимы они всѣ возвращаются въ свои деревушки [6]).

Гораздо труднѣе опредѣлить этнографическій характеръ третьей народности, которая дала себѣ имя ainu, т. е. люди [7]). Они суще-

---

[1]) Latham, Varieties, p. 268.—Castrén, l. c., S. 87 f.

[2]) v. Wrangel, Reisen längs der Nordküste von Sibirien. Berlin 1839. Bd. 1, S. 100.

[3]) Whitney, l. c., p. 330.

[4]) Seeland въ «Russische Revue» Рёттгера. 1882. S. 97 f., 251 f.—Wenjukow, Die russisch-asiatischen Grenglande. Leipzig. 1874. S. 66.

[5]) Seeland, l. c., S. 105 f.

[6]) Ibid. S. 110 f. А также Petermanns Mittheilungen. 1857. S. 305.

[7]) Archiv für Anthropologie, Bd. 10, 1878, S. 439 f.

ствуютъ на островѣ Ieso, на южной половинѣ Сахалина приблизительно до 50-го параллельнаго круга, а также на Курильскихъ островахъ. Хотѣли, было, считать ихъ наружіе родственнымъ съ японскимъ языкомъ, но безъ достаточныхъ основаній [1]). Айносы напоминаютъ, выраженіемъ лица и темноватымъ цвѣтомъ кожи, встрѣчающійся и между японцами типъ [2]). По росту они сходны съ послѣдними, но шире въ плечахъ и вообще болѣе крѣпкаго тѣлосложенія. Впрочемъ, за исключеніемъ косаго положенія глазъ у иныхъ, они повидимому не обнаруживаютъ собственно монгольскихъ примѣтъ [3]). Ихъ черепъ нѣсколько меньшей ширины (76,7—78,8), чѣмъ японскій, да и при вышинѣ въ 69—76 онъ значительно ниже японскаго. Это различіе не имѣетъ, однако, слишкомъ большаго значенія [4]). Гораздо болѣе намъ приходится недоумѣвать въ виду роскошнаго роста ихъ бороды, густыхъ волосъ на головѣ и богатства ихъ на тѣлѣ [5]). Это безусловно большее, чѣмъ у европейцевъ, богатство волосъ на груди и спинѣ, въ особенности у старыхъ мужчинъ, среди народовъ, отличающихся особенною гладкостью кожи, — въ высшей степени замѣчательное явленіе. Эта исключительная примѣта, почти уже сама по себѣ, была бы достаточна для того, чтобы смотрѣть на айносовъ, какъ на совершенно отличную отъ прочихъ азіятовъ расу.

III.

Беринговы народности.

(Въ Азіи).

Подъ именемъ беринговыхъ народностей мы обобщаемъ нѣкоторыя сѣвероазіатскія и американскія племена, которыя, по преимуществу, или живутъ на прибрежьи Берингова моря, или-же когда-то переселились оттуда дальше, какъ напр. эскимосы, добравшіеся до Гренландіи. Названіе «гиперборейскіе монголы», употребляемое La-

[1]) Whitney, l. c., pag. 329.

[2]) Rein, Japan. Bd. 1, S. 444.—Zeitschrift für Ethnologie. 1872. Tafel III.

[3]) Archiv für Anthropologie. 1878. Bd. 10, S. 442 f.—Zeitschrift der Wiener geograph. Gesellschaft. 1872. Bd. 15, S. 558.

[4]) Zeitschrift für Ethnologie. 1872. Verhandlungen, S 27—29.

[5]) Peschel, Völkerkunde, 1885. S. 99.—Blakiston, Journey in Jezo, въ Journal of the R. Geografical Society. London 1872, t. 42, p. 80. — Rein, l. c., p. 445.

tham'омъ, неподходящее для всей этой группы, такъ какъ мы къ ней причисляемъ также народности на всемъ пространствѣ до Хуанъ-де-Фукова пролива. Общій типъ языка существуетъ только у нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ, но не у всѣхъ. Внѣшнія примѣты ихъ указываютъ на переходную ступень отъ монголоподобныхъ жителей Сибири къ туземцамъ Америки. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдываетъ нашу мысль—не выдѣлять американцевъ, какъ особую расу, а присоединять ихъ къ монгольскимъ азіятамъ. У всѣхъ тѣхъ народовъ мы находимъ красноватое или темноватое оттѣненіе кожи, жесткіе и круглые въ разрѣзѣ волосы на головѣ, крайне недостаточный, за однимъ исключеніемъ, ростъ бороды и почти совершенное отсутствіе волосъ на тѣлѣ.

Эти примѣты, въ связи съ узкими глазными отверстіями, побудили Георга Стеллера приписать ительмамъ, или камчадаламъ, безусловно монголоподобный характеръ [1]). Слова въ языкѣ этого народа составляются посредствомъ простаго сочетанія корней, и если притомъ утвержденіе Kennan'a, что ительмы пользуются префиксами, вѣрно, то племя это отличается какъ отъ урало-алтаицевъ, такъ и отъ эскимосовъ [2]). Рыболовство служитъ главнѣйшимъ источникомъ существованія, а изъ домашнихъ животныхъ у ительмовъ есть только собака, которая также запрягается въ сани. Въ сравненіи съ прочими беринговыми народностями, ихъ морское искусство достигаетъ лишь посредственности. Общественное развитіе не превзошло того, что обязанность кровавой мести распространялась на жителей одного острова. Мужъ принадлежалъ къ семейству своей жены. Шаманское колдовство было въ большомъ ходу, но не существовало особой касты жрецовъ, а каждый испытывалъ духовъ на собственный страхъ. Вѣрованіе въ загробную жизнь часто приводило къ самоубійству: отцы давали своимъ дѣтямъ задушить себя или приказывали бросать себя собакамъ на съѣденіе. Ительмы предполагали, что бѣдные, за свои земныя страданія и лишенія, награждаются избыткомъ въ загробной жизни [3]). Къ музыкальнымъ способностямъ ихъ мы должны однако отнестись съ уваженіемъ: у нихъ есть пѣсни, сложенныя для нѣсколькихъ даже го-

[1]) Steller, Kamtschatka, S. 298.

[2]) Latham (Varieties, pag. 274) утверждаетъ, не обосновывая однако своей мысли далѣе, будто камчатскій языкъ имѣетъ много словъ сообща съ корейскимъ и японскимъ. Но это, по всей вѣроятности, только заимствованныя культурныя выраженія.

[3]) Steller, l. c., S. 270 f., 277, 294.

лосовъ [1]). Сверхъ того, Стеллеръ находилъ у нихъ танцы и даже драматическія представленія, которыя состояли обыкновенно изъ комическихъ подражаній чужимъ жестамъ [2]). Адольфъ Эрманъ расхваливаетъ ихъ честность, добродушіе и «врожденную тонкость манеръ» [3]). Очень трогательно многое изъ того, что онъ намъ разсказываетъ объ ихъ самопожертвованіяхъ при гостепріимствѣ, которое и Кеппап тоже имѣлъ случай испытать. Во время пребыванія Стеллера вода составляла единственный напитокъ ихъ. Отваръ краснаго мухомора, слѣдовательно, только позднѣе распространился между ними.

Относительно коряковъ, которые обитаютъ на прибрежьи Охотскаго моря и далѣе до сѣверныхъ частей Камчатки, Стеллеръ сообщаетъ, что они, по росту, физіономіи, волосамъ и гортанному произношенію, «такъ сходны съ ительмами, какъ два яйца». Мы можемъ допустить это только по отношенію къ рыбацкому населенію морскаго прибрежья. Коряки, живущіе внутри страны въ своихъ кочевьяхъ при патріархальныхъ условіяхъ и занимающіеся оленеводствомъ,— по описанію путешественниковъ,— люди выше средняго роста и, слѣдовательно, ростомъ выше ительмовъ. Они, впрочемъ, отнюдь не менѣе гостепріимны, чѣмъ послѣдніе, не менѣе ихъ услужливы и добры въ отношеніи чужихъ. Кеппап называетъ ихъ, на основаніи внѣшнихъ примѣтъ, племенемъ сѣвероамериканскаго типа [4]). Въ противоположность большинству беринговыхъ народовъ, ительмы свободны отъ эротическихъ пороковъ и суть ревнивые супруги. Къ сожалѣнію, они слишкомъ охотно пьютъ отваръ краснаго мухомора, который доставляется имъ безсовѣстными купцами, не смотря на надлежащее строгое запрещеніе со стороны русскихъ властей. У коряковъ, какъ и у чукчей [5]), родители даютъ умерщвлять себя дѣтямъ (посредствомъ удара копьемъ), вѣроятно, въ предположеніи, что человѣкъ послѣ смерти опять возрождается, и именно въ томъ же возрастѣ, въ какомъ постигаетъ его смерть, и что поэтому лучше не выпивать чаши жизни до дна.

Тѣсно связанные съ ними по языку, какъ испанцы съ португальцами, чукчи населяютъ крайній сѣверовостокъ Азіи между Восточнымъ мысомъ и р. Колымою, а отчасти доходятъ и до Индигирки, занимаясь почти совершенно свободно оленеводствомъ или, по при-

[1]) Ibid., S. 332.
[2]) Ibid., S. 341.
[3]) Erman, Reise um die Erde, Bd. 3, S. 422.
[4]) Kennan, Tent-life in Siberia, p. 117, 218.
[5]) Whymper, Alaska. 1869. S. 98.

брежью Ледовитаго моря, на востокѣ отъ Чаунской губы, рыболовствомъ [1]). Это сильный народъ; мужчины ходятъ легкою походкою подъ ношею вѣсомъ въ шесть пудовъ. Одного парня изъ этого племени, котораго полковникъ Burkley взялъ съ собою изъ Пловерова залива въ Санъ-Франциско, принимали здѣсь за китайца. Такія же недоразумѣнія происходили съ двумя матросами, урожденными алеутами, въ этомъ городѣ, гдѣ на каждой улицѣ встрѣчаешь китайцевъ и японцевъ [2]). Прибавимъ еще въ заключеніе, что чукчи ѣздятъ по морю въ лодкахъ, сдѣланныхъ изъ моржовой кожи, обтянутой вокругъ остова изъ дерева или костей. Лодки эти, по виду и величинѣ, вполнѣ сходны съ такъ называемыми «бабьими лодками» гренландскихъ эскимосовъ. Онѣ такъ легки, что четыре человѣка могутъ ихъ нести на плечахъ, и такъ просторны, что мѣста въ нихъ хватитъ для тридцати человѣкъ. При достаточномъ числѣ гребцовъ, скорость ходьбы лодокъ достигаетъ 10 километровъ въ часъ [3]). Бываетъ, что чукчи привязываютъ къ краямъ лодокъ наполненные воздухомъ мѣшки изъ тюленьей кожи, съ цѣлью предохраненія, подобно крыльямъ въ лодкахъ полинезійцевъ, отъ опрокидыванія.

Вдоль по прибрежью Берингова моря, начиная отъ Восточнаго мыса, обитаетъ племя намолосовъ. Ихъ прежде смѣшивали съ соѣдними чукчами, отъ которыхъ они, дѣйствительно, только слегка отличаются по своимъ правамъ и обычаямъ. Lütke [4]) находилъ у нихъ типично-монгольскія черты лица, выдающіяся скулы, маленькіе носы, а часто и косо расположенные глаза. Языкъ ихъ — родственный съ эскимосскимъ [5]). Шамиссо, сравнивавшій намолосовъ при бухтѣ св. Лаврентія съ эскимосами зунда Коцебу, говоритъ, что населеніе сѣверовосточнаго угла Азіи и всѣ американцы отъ Берингова пролива до Баффинова залива «принадлежатъ къ одной и тойже расѣ съ совершенно монгольскимъ строемъ лица» [6]). Эскимосы, племенное названіе которыхъ взято изъ языка сосѣднихъ съ ними индѣйцевъ и означаетъ собою «ѣдящихъ сырое мясо» [7]),

---

[1]) Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Leipzig 1882. Bd. 2, S. 82.

[2]) Whymper, l. c., p. 273.

[3]) Nordenskiöld, l c., p. 92.

[4]) Lütke, Voyage autour du monde. Paris 1835. T. 2, p. 264.

[5]) Waitz. Anthropologie. Bd. 3, S. 301.

[6]) v. Kotzebues, Entdeckungsreisen. Weimar 1821. Bd. 3, S. 176.

[7]) Bessels, Die amerikanische Nordpol-Expedition, S. 350.

сами именуютъ себя inuit, каковое слово составляетъ множественное число отъ in-nu—человѣкъ. Образованіе сложныхъ словъ совершается у эскимосовъ, или иннуитовъ, всегда посредствомъ суффиксовъ [1]). Сходный въ этомъ отношеніи съ урало-алтайской группою, эскимосскій языкъ отличается отъ нея однако тѣмъ, что въ немъ нѣтъ главнаго свойства ея—законовъ благозвучія. Съ другой стороны, въ немъ, правда, допускается соединеніе частей цѣлой сложной мысли въ видѣ одного слова, но это совершается лишь механически, а не путемъ органическаго совокупленія, слитія, какъ мы то видимъ въ американскихъ идіомахъ. Эскимосскій языкъ представляетъ собою переходъ отъ урало-алтайскаго къ американскому типу. Во время посѣщенія Америки норманами, т. е. около 1.000 лѣтъ послѣ Р. Х., иннуиты жили довольно далеко на югѣ по атлантическому побережью, и еще въ началѣ прошлаго вѣка ихъ иногда видали на островѣ Ньюфаундландѣ [2]). Переселеніе ихъ въ Гренландію, по мнѣнію иныхъ изслѣдователей, имѣло мѣсто въ серединѣ XIV только столѣтія [3]). Однако Thorgils, около 1000-го года, встрѣчалъ уже отдѣльныхъ эскимосовъ на восточномъ побережьи Гренландіи [4]). По Barnard Davis'y, размѣры черепа гренландскаго эскимоса составляютъ 71 въ ширину и 75 въ вышину, у эскимосовъ же на востокѣ материка это отношеніе выражается 70 и 75. Примѣты эти, однако, не имѣютъ никакого значенія, если черепу ъ дѣтствѣ придается искусственная форма [5]). Противъ западныхъ иннуитовъ подобнаго подозрѣнія не существуетъ; форма черепа у нихъ не измѣняется искусственнымъ давленіемъ. Измѣренія у нихъ дали въ результатѣ 75—для ширины и 77—для вышины черепа. Послѣдній, слѣдовательно, узокъ при превосходствѣ вышины надъ шириною [6]). Въ другихъ случаяхъ, иннуиты, въ отношеніи характерныхъ внѣшнихъ примѣтъ, въ особенности по цвѣту кожи и волосистости, вполнѣ сходны съ сѣвероазіатскими народностями. Косое положеніе глазныхъ отверстій, плоскія, широкія лица замѣтны даже у гренландскихъ эскимосовъ [7]), не смотря на значительное смѣшеніе съ германскою кровью, имѣвшее тамъ мѣсто.

---

[1]) Steinthal, Typen des Sparbaues, S. 220.

[2]) Charlevoix, Nouvelle France, t. 3, p. 178.

[3]) Maurer въ Die zweite deutsche Nordpolarfahrt. Leipzig 1873. Bd. 1, S. 234.—David Cranz, Historie von Grönland, Bd. 1, s. 333 и слѣд.

[4]) Rink, Danish Greenland. London. 1877. P. 16 и дал.

[5]) Peschel, l. c., 1885. S. 57.

[6]) Davis, Thesaurus craniorum, pp. 219—224.

[7]) Die zweite deutsche Nordpolarfahrt. Bd. 1, S. 135.

Намолосы и эскимосы правда, невысокаго роста, но распространенное прежде мнѣніе, что они настоящіе карлики, тоже уже опровергнуто [1]). Ихъ жены не плодовиты [2]); вѣрнѣе впрочемъ, что дѣти считаются у нихъ нежеланными гостями, вслѣдствіе чего племя это не избѣгнетъ вымиранія.

Между ними встрѣчаются, подъ именемъ angekok. настоящіе сѣвероазіятскіе шаманы, которые въ одиночествѣ и въ постѣ готовятся къ обычнымъ чародѣйственнымъ лѣченіямъ или къ заклинанію духовъ до тѣхъ поръ, «пока ихъ воображеніе не становится безпорядочнымъ», какъ добродушно выражается Кранцъ [3]). Они почитаютъ добраго создателя подъ именемъ Torngarsuk или Anguta [4]). Когда они слышатъ отъ христіанскихъ миссіонеровъ прославленіе Всемогущаго Бога, иные изъ нихъ полагаютъ, что миссіонеры разумѣютъ Торнгарсука [5]). Послѣднему они противоставляютъ злотворящее женское божество, будто бы безымянное. Они вѣрятъ не только въ загробную жизнь, но и въ то, что преступные и жестокосердые люди на томъ свѣтѣ подвергаются наказанію [6]). Ишуиты въ своихъ сагахъ устроили себѣ, подъ названіемъ akillnek, арктическій рай и разсказываютъ о путевыхъ приключеніяхъ, причемъ восточная птица, скатъ, замѣнена колоссальными чайками. У нихъ нашли также сказку о купающихся дѣвахъ, превращающихся (такъ какъ лебедей тамъ нѣтъ) въ утокъ [7]). Hall. долго жившій среди нихъ, называетъ ихъ добродушнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ. Большая смышленность ихъ доказывается тѣмъ, что они очень скоро научились играть въ домино, шашки и даже въ шахматы [8]). Леопольдъ фонъ-Бухъ, во время своего путешествія по арктической Норвегіи, убѣдился въ томъ, что человѣчество не можетъ требовать для себя приращенія духовнаго богатства отъ тамошнихъ жителей, потому что всѣ силы человѣка расходуются тамъ на борьбу съ суровою природой изъ-за скромнѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Въ гораздо большей еще мѣрѣ это примѣнимо къ обита-

[1]) Peschel, l. c. S. 83.
[2]) Cranz, Historie von Grönland. Bd. 1, p. 212.
[3]) Ibid., p. 268.
[4]) Такъ называетъ его Hall въ Life with the Esquimaux, p. 524.
[5]) Cranz, l. c., p. 264 и слѣд.
[6]) Hall, l. c.
[7]) Rink, Eskimoisk Digtekonst въ Eor Ide og Virkelighed. Kjöbenhavn 1870. Pag. 222 и слѣд.
[8]) Hall, l. c., p. 523.

телямъ полярноїи Америки. За всѣмъ тѣмъ, однако, эскимосы не лишены значенія въ исторіи цивилизаціи. Правда, эскимосы не вывели изъ извѣстныхъ препятствіи въ движеніи луны заключенія о приплюснутой формѣ земли, они не разложили воды на ея два составные газа, не создали и міровоі религіи. Но они за то первые собственными силами, собственнымъ искусствомъ, прокладывали себѣ дорогу въ тѣ края, гдѣ день и ночь чередуются въ размѣрѣ цѣлыхъ времень года. Они доказали своимъ примѣромъ, что человѣкъ можетъ еще существовать и тамъ, гдѣ безпрерывная девятимѣсячная зима оковываетъ кормилицу-землю, гдѣ не растетъ ни одного дерева, гдѣ и волнами не сплавливается столько лѣсу, чтобы можно было сдѣлать древко для копья! Имъ удалось составить изъ костеі арктическихъ млекопитающихъ животныхъ сани и копья, а послѣднія, не смотря на то, что состоятъ изъ механически связанныхъ, посредствомъ жилокъ, между собою костеі, такъ солидны, что храбрый охотникъ въ рукопашномъ бою убиваетъ ими бѣлаго медвѣдя. Они своимъ умомъ дошли до того, что строятъ избы изъ снѣга такъ же скоро, какъ народы тропическихъ странъ—изъ вѣтвеі и листьевъ. Да, они строили изъ камнеі своды на дугахъ, тогда какъ никакоі изъ культурныхъ народовъ Мехики объ этомъ и не мечталъ. Они съумѣли также нагрѣвать свои жилища посредствомъ лампъ, наполненныхъ жиромъ, и извлекать надъ послѣдними изъ снѣга и льда воду для утоленія жажды. Они на всемъ американскомъ материкѣ обладали орудіемъ сообщенія — санями, и впрягали въ нихъ животныхъ, именно собакъ, между тѣмъ, какъ самый высшій прогрессъ въ этоі области, имѣвшіі мѣсто изъ всѣхъ остальныхъ народностеі Америки только у никанеруанцевъ, заключался въ приручении ламы, какъ вьючнаго животнаго. Заселеніе отдаленнѣйшаго сѣвера земли есть само по себѣ уже культурный подвигъ, но значеніе послѣдняго увеличивается тѣмъ еще обстоятельствомъ, что эскимосы совершили его въ то время, когда они обладали лишь орудіями изъ камня. Теперь, правда, они уже покупаютъ у датчанъ желѣзо для копьевъ и гарпуновъ, но сѣверная Гренландія была населена ими задолго передъ тѣмъ, какъ европейцы дерзнули явиться вблизи ихъ. Впервые въ 1616 году капитанъ Bylot вошелъ съ своимъ кораблемъ въ Баффиновъ заливъ и завелъ сношенія съ туземцами. Второе посѣщеніе тѣхъ мѣстъ состоялось только въ 1818 году, когда Россъ старшіі явился подъ соотвѣтственными широтами, а за нимъ только послѣдовали китоловы и привезли туда впервые желѣзо. Между тѣмъ, эскимосы, живущіе по

ту сторону Смитова зунда, навѣрное, поселились тамъ за нѣсколько поколѣній, а, быть можетъ, даже столѣтій.

И въ отношеніи европейской науки за эскимосами считается немало заслугъ: они оказывали свои услуги прежнимъ и новымъ мореплавателямъ при отысканіи сѣверозападнаго морскаго пути. Сэръ Edward William Parry обязанъ замѣчательной эскимосской женщинѣ, Плиглюкъ, картою, которая указала ему дорогу къ открытію проливовъ Fury и Hekla [1]). Эскимосъ Гансъ (Ваня), сопровождавшій незабвеннаго Kane и его послѣдователя Hayes'a, велъ матроса Мортона за 81-й градусъ широты до самой сѣверной точки, достигнутой на Nares у берега Гренландіи [2]). Когда, слѣдуя за мореплавателями въ области сѣверозападныхъ морскихъ путей, мы видимъ ихъ корабли окованными зимнимъ льдомъ въ то время, какъ наступаетъ трехъ или четырехмѣсячная арктическая ночь, нами овладѣваетъ каждый разъ гнетущая тоска при мысли, что даже европеецъ, при всемъ своемъ господствѣ надъ матеріей и силою, тутъ немощенъ противъ этой суровой природы, и его жизнь и его воля зависятъ отъ каприза начинающагося времени года. Но вотъ на палубѣ раздается радостный крикъ: «Эскимосы пришли!» — и точно двери арктической тюрьмы растворяются передъ нами дружеской рукою. Спасателями во тьмѣ являются къ намъ человѣческія же созданія, у которыхъ, однако, ни холодъ, ни ночь не могутъ отнять жизненной бодрости, духа, и которые весело расхаживаютъ и разъѣзжаютъ тамъ, гдѣ природа царитъ во всеоружіи ужасовъ дантовскаго адскаго кольца [3]).

О навтическихъ способностяхъ эскимосовъ намъ долго распространяться не нужно. У нихъ, какъ извѣстно, два рода судовъ: большія и просторныя «бабьи лодки», уміяки, которыя предназначены для пріема всего семейства, и маленькіе каяки, въ которыхъ охотникъ одинъ преслѣдуетъ морскихъ звѣрей. Англичане и американцы Соединенныхъ Штатовъ, лучшіе знатоки морскаго дѣла, съ удивленіемъ и даже съ завистью отзываются объ эскимосѣ, который, съ помощью двухъ только своихъ веселъ и съ эквилибристическою ловкостью танцующаго на канатѣ акробата, балансируетъ въ своемъ каякѣ по гребнямъ бушующихъ волнъ.

---

[1]) Capit. Lyon, Private Journal, pp. 160, 226.—Hall велѣлъ снять копіи съ двухъ эскимосскихъ картъ, которыя врядъ ли могли бы быть составлены европейцами точнѣе.

[2]) Сравн. Peschel, l. c. p. 19.

[3]) Dante, Inferno, XXXII, 22—30.

Сходство языка эскимосовъ съ намолосскимъ, ихъ навтическія способности, укрощеніе собаки, употребленіе ими саней, ихъ монгольскій строй лица и способности къ болѣе высокой культурѣ—все это заставляетъ насъ рѣшить, что переселеніе совершалось изъ Азіи въ Америку, а не наоборотъ. Однако, передвиженіе изъ Азіи черезъ Беринговъ проливъ состоялось гораздо позднѣе перваго заселенія Америки выходцами изъ Стараго Свѣта.

Родственны съ намолосами и эскимосами, по языку и крови, суть обитатели сѣверныхъ и западныхъ окраинъ бывшихъ русскихъ владѣній въ Америкѣ. Ихъ называли также «эскимосами Аляски». Они занимаютъ прибрежье Берингова моря, полуостровъ Аляску съ прибрежною областью къ востоку приблизительно до Ильиной горы (Eliasberg). Племя это распадается на 13 ордъ, которыя суть: коняки острова Кадьякъ, чугачи при зундѣ принца Вильяма и на Кенайскомъ полуостровѣ, наконецъ, одиннадцать другихъ ордъ, названія коихъ оканчиваются на *мьютъ* или *мутъ* [1]). Всѣ онѣ отличаются отъ эскимосовъ и намолосовъ только по языку. То обстоятельство, что въ одной изъ этихъ ордъ, именно между малемутами (по Whymper'у), встрѣчаются мужчины ростомъ въ 1830 миллиметровъ, доказываетъ, что размѣры роста значительно колеблются среди этого племени. Между беринговыми народностями Азіи и Америки всегда существовали взаимныя торговыя сношенія. Чукчи ѣздятъ на островъ Діомеда, а малемуты съ крайней сѣверозападной точки Америки переправляются черезъ проливъ, чтобы промѣнивать кожу сѣвернаго оленя на шубы. Торговля до того оживленная, что одежда туземцевъ на рѣкѣ Юконѣ, нѣсколько сотъ англійскихъ миль вверхъ по теченію, состоитъ изъ азіятскихъ кожъ, привозимыхъ чукчами [2]). Отто фонъ-Коцебу, объѣзжавшій оба берега Берингова моря, свидѣтельствуетъ, а Норденшильдъ недавно подтвердилъ вновь [3]), что жители острова св. Лаврентія говорятъ на томъ же нарѣчіи, какъ и племена американскаго побережья, т. е. на эскимосскомъ, и называютъ эскимосовъ братьями. «Я—говоритъ Коцебу далѣе, — нахожу вообще лишь такое незначительное различіе между обоими этими народами, что очень склоненъ считать ихъ колѣнами одного и того же племени» [4]). Сходно съ этимъ

[1]) Подробныя названія ихъ у Waitz'a, Anthropologie, Bd. 3, S. 301.

[2]) Whymper, Alaska, p. 143.

[3]) Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Bd. 2, S. 83.

[4]) v. Kotzebue, Entdeckungsreise in die Sudsee, Bd. 1, S. 159; Bd. 2. S.105.

выражается и Стеллеръ, именно: что жители Шумагиновыхъ острововъ у южнаго берега Аляски походятъ на ительмовъ Камчатки «какъ два яйца» [1]). Всѣ эти свидѣтельства подтверждаютъ фактъ, что переселеніе совершилось изъ Стараго Свѣта въ Америку. Противоположное мнѣніе потому еще невѣроятно, что у нихъ больше, чѣмъ у всѣхъ американскихъ туземцевъ, сохранилось соотвѣтствіе расовыхъ примѣтъ съ монголоподобными народами Азіи, и ихъ распространеніе, въ теченіе исторической эпохи, всегда направлялось съ запада на востокъ.

Между Аляскою и Камчаткой тянется красиво очерченной дугою цѣпь острововъ съ вулканами, безлѣсными и большею частью окутанными туманомъ. Они называются Алеутами, какъ и ихъ обитатели. У послѣднихъ общее съ эскимосами только извѣстное число словъ, которыя, однако, могли быть и позаимствованы однимъ народомъ у другаго. За исключеніемъ этого, алеуты, въ лингвистическомъ отношеніи, стоятъ донынѣ особнякомъ [2]). Они принадлежатъ къ монгольскому семейству [3]). И у нихъ браки заключаются въ очень раннемъ возрастѣ [4]). Хотя всѣ беринговы народы отличаются навтическими способностями, но алеуты, повидимому, превосходятъ въ этомъ отношеніи даже эскимосовъ. Ихъ одноложовыя кожаныя лодки, байдары, по свидѣтельству Эрмана,—вѣсомъ приблизительно въ 75 русскихъ фунтовъ, и углубленіе ихъ въ воду, при сѣдокѣ въ 170 фунтовъ вѣсомъ, до того незначительно, что поперечный разрѣзъ подводной части представляетъ лишь 0,056 кв. метра плоскости противодѣйствія. Въ такой байдарѣ алеутъ проѣхалъ въ $27^{1}/_{2}$ часовъ 214,8 километровъ, или въ часъ нѣсколько больше нѣмецкой мили, между тѣмъ какъ нѣшеходъ, съ ношею въ 75 фунтовъ, проходилъ бы по высшей мѣрѣ 2,6 нѣмецкихъ миль въ день, а для упомянутаго пространства ему понадо-

---

[1]) G. Steller, Kamtschatka, S. 297.

[2]) Согласно краткому очерку Lütke (l. c., t. I, p. 243) алеуты при образованіи сложныхъ словъ пользуются также префиксами, чего совсѣмъ нѣтъ въ языкѣ иннуитовъ.

[3]) Одинъ нѣмецкій путешественникъ (Allgemeine Zeitung 1873, S. 4300) даже считаетъ ихъ, по строю лица, потомками заброшенныхъ туда японцевъ.

[4]) Peschel, l. c., S. 228. У алеутовъ (Langsdorff, Reise um die Welt Bd. 2, S. 43. Dall, Alaska. Boston 1870, p. 402) господствуютъ тѣ же эротическіе пороки, что у камолосовъ (Lütke, l. c., Bd. 2, S. 197), у ительмовъ (Steller, l. c., p. 289, 351), у чукчей-оленеводовъ (v. Wrangell, Reisen längs der Nordküste Sibiriens, Bd. 2, S. 227).

билось бы, слѣдовательно, 11 дней [1]). Въ байдарѣ алеутъ ѣздитъ съ быстротою движенія самыхъ могучихъ морскихъ животныхъ. охота на которыхъ принадлежитъ къ его ежедневнымъ занятіямъ [2]).

Начиная съ Ильинской горы, на береговой полосѣ и на прибрежныхъ островахъ. до Диксонова зунда, обитаютъ народы. называемые у русскихъ колюшами или колушами, сами, однако, именующіе себя thlinkit. т. е. «люди». На югѣ отъ нихъ, на островахъ королевы Шарлотты. живутъ гайдасы. На противоположномъ прибрежьи материка, отъ $53^1/_2{}^0$ до 50° сѣв. широты, населеніе называется hailtsa или hailtsuk. Островъ Ванкуверъ, наконецъ. занятъ четырьмя племенами; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, ковичины и клаламы. живутъ не только на самомъ островѣ, но и въ сосѣдней континентальной области—на рѣкѣ Фразеръ и у Пугетова зунда. Череповъ изъ этого побережья у насъ только очень немного, да они, впрочемъ, весьма мало бы объяснили намъ, такъ какъ обезображиваніе ихъ въ дѣтскомъ возрастѣ въ модѣ, какъ на о. Ванкуверъ, такъ и въ Орегонѣ, а сверхъ того, черепъ не только сдавливается плоско, но ему даже придаютъ долихоцефалическую форму [3]). Цвѣтъ кожи у нихъ почти такъ же свѣтелъ, какъ у южныхъ европейцевъ, волосы однако черны и жестки. У тлинкитовъ и гайдасовъ [4]) встрѣчается иногда нѣсколько болѣе сильный ростъ бороды, чѣмъ то обыкновенно бываетъ у азіятскихъ и американскихъ монголовъ. Сильно выдающіяся скулы, глубоко лежащій корень носа, широкіе, мясистые вздернутые носы все еще преобладаютъ у нихъ [5]). У чинуковъ. населяющихъ Орегонъ на югѣ отъ Пугетова зунда и придающихъ искуственнымъ давленіемъ плоскую форму головѣ. есть сверхъ того и косолежащіе монголообразные глаза [6]), какоыхъ, однако, у гайдасовъ нѣтъ [7]). По отношенію къ языку, береговыя племена не могутъ быть причислены къ народностямъ по ту сторону горъ. да и между собою не связаны лингвистически. Но такъ какъ внѣшнія примѣты не допускаютъ раздѣленія ихъ на

---

[1]) Erman въ Zeitschrift für Ethnologie. 1871. S. 167.

[2]) Подробное описаніе съ чертежами этихъ образцовыхъ судовъ у v. Langsdorff, l. c., Bd. 2, S. 39.

[3]) Davis, l. c., p. 231.

[4]) R. Brown въ Reports of the British Association held at Norwich 1868 London 1869. Pag. 133.

[5]) Такъ, напр,, у колюшей, по свидѣтельству Лангсдорфа, l. c.. Bd. 2, S. 96.

[6]) Waitz, l. c., Bd. 3, S. 324.

[7]) R. Brown, l. c.

различныя расы, и такой наблюдатель, какъ Lütke [1]), безъ всякихъ оговорокъ свидѣтельствуетъ, что обитатели острововъ королевы Шарлотты, въ этомъ отношеніи, не отличаются отъ жителей береговъ Берингова моря, то слѣдуетъ причислять ихъ къ составу народностей, населяющихъ крайній сѣверовостокъ Азіи, тѣмъ болѣе, что они по нравамъ и обычаямъ своимъ гораздо ближе подходятъ къ сѣверовосточнымъ азіятамъ, чѣмъ къ охотничьимъ племенамъ по другую сторону горъ. Они тоже хорошіе моряки и умѣютъ придавать своимъ ладьямъ красивую форму и удобный строй. Однако навтическія способности ихъ, навѣрное, были возбуждены и развиты только береговымъ характеромъ мѣстности [2]), почему мы не должны считать эти таланты врожденными имъ и основывать на этомъ предположеніе объ ихъ происхожденіи. Точно также пробуравленіе щекъ и губъ и вставленіе въ эти отверстія маленькихъ клиновъ (обычай, господствующій у береговаго населенія Америки на всемъ пространствѣ отъ зунда Коцебу до острова Ванкуверъ) можетъ, по крайней мѣрѣ, указывать на близкія взаимныя сношенія всѣхъ надлежащихъ племенъ, сношенія, обусловливавшія собою общее среди нихъ распространеніе этого безобразія. Американскіе беринговы народы знали желѣзо еще до прихода русскихъ или посѣщенія береговъ капитаномъ Кукомъ. До лучшаго разрѣшенія надлежащаго вопроса основательными изслѣдованіями, мы придержимся того предположенія, что японцы, посѣщавшіе Курильскіе острова и Камчатку раньше русскихъ, привезли туда желѣзо или желѣзныя орудія, которыя оттуда перешли дальше, въ Америку. За исключеніемъ колюшей, строгіе брачные нравы которыхъ Лангсдорфъ хвалитъ [3]), мы у всѣхъ остальныхъ беринговыхъ народовъ, даже у эскимосовъ, встрѣчаемъ эротическія заблужденія, мужеложство и женскіе пороки, равнодушіе къ супружеской вѣрности, предоставленіе гостямъ своихъ женъ и сестеръ, причемъ не обращается вниманія даже на незрѣлость дѣвушекъ. Если Стеллеръ и правъ, объясняя эту наклонность къ разврату преобладаніемъ рыбной пищи, то, съ другой стороны, всеобщее распространеніе ея среди беринговыхъ племенъ обусловливается только мѣстностью. Иное дѣло общій имъ всѣмъ, болѣе или менѣе значительный, художественный вкусъ, выражающійся въ рѣзьбѣ. Такъ, у колюшей

---

[1]) Lütke, l. c., t. I, p. 188.
[2]) Peschel, l. c., S. 207.
[3]) v. Langsdorff, l. c., S. 113.

каждое большое судно носитъ названіе какого-нибудь предмета, чаще всего животнаго, изображеніе котораго, вырѣзанное изъ дерева, украшаетъ собою носъ корабля. Особенно удачныя украшенія этого рода очень дорого цѣнятся и оплачиваются рабомъ [1]). У гайдаковъ острововъ королевы Шарлотты дворяне носятъ на себѣ мѣдныя дощечки, на которыхъ вырѣзаны ихъ фамильные гербы [2]). Сверхъ того, всѣ они любятъ драматическіе танцы и театральныя представленія, участники которыхъ носятъ маски [3]); это извѣстно о тлинкитахъ и даже нѣкоторыхъ орегонскихъ племенахъ [4]), равно обо всѣхъ жителяхъ о. Ванкуверъ [5]). Гражданскій бытъ у тлинкитовъ и ванкуверскихъ народностей стоитъ на несравненно высшей ступени развитія, чѣмъ у племенъ по ту сторону горъ. Жили они по условіямъ рыболовства, осѣдло: дома были иногда громадные, казарменнаго характера. Старшины обладали большою властью; разграниченіе между дворянствомъ и податнымъ народомъ уже совершилось, а у колюшей, гайдасовъ и ванкуверскихъ народностей существовало и рабство [6]).

Біографическая замѣтка объ Оскарѣ Пешелѣ *).

Знаменитый географъ и антропологъ, Оскаръ Пешель, является одною изъ интереснѣйшихъ личностей въ ученомъ мірѣ. Пешель

---

[1]) Lütke, l. c., t. I, p. 212. Dall, Alaska, pp. 413, 417.

[2]) R. Brown, l. c.

[3]) Сравните отличные чертежи въ изданномъ дирекціей этнологическаго отдѣла Берлинскаго Музея сочиненіи: Amerikas Nordwestküste, neueste Ergebnisse ethnologischer Reisen. Berlin 1884.

[4]) Waitz, l. c., Bd. 3, S. 335.

[5]) Whymper, l. c., p. 58.

[6]) Peschel, l. c., pp. 183 и слѣд., 253—254 и дал.

*) Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Съ удовольствіемъ прилагаю къ помѣщаемымъ вами характеристикамъ сибирскихъ инородцевъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этихъ характеристикъ, Оскарѣ Пешелѣ. Если предлагаемые очерки въ глазахъ изслѣдователя, знакомаго съ русскими этнографическими матеріалами, и могутъ показаться не особенно полными, то все же они драгоцѣнны, какъ законченный сводъ тѣхъ свѣдѣній, которыми въ данномъ случаѣ располагаетъ западно-европейская наука; они поэтому вполнѣ могутъ служить, какъ для ознакомленія съ бытомъ нашихъ инородцевъ вообще, такъ и для указаній на тѣ пункты, дальнѣйшая разработка которыхъ была бы весьма желательна для науки. Съ глубокимъ почтеніемъ Э. П.

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1887 года.

родился 17-го марта 1826 года въ Дрезденѣ, гдѣ отецъ его состоялъ учителемъ при кадетскомъ училищѣ. До 14-ти-лѣтняго возраста Пешель посѣщалъ гимназію, но затѣмъ поступилъ въ торговый домъ, чтобы посвятить себя коммерціи; черезъ три года онъ, однако же, оставилъ эту карьеру, быстро подготовился къ гимназическому выпускному экзамену и, сдавъ его, сталъ изучать юридическія науки въ Гейдельбергскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Въ 1848 году онъ сдалъ въ Лейпцигѣ экзаменъ *pro-praxi-juridica et notariatu*, однако же ни къ какой практикѣ не приступилъ, а уже черезъ нѣсколько недѣль добился докторскаго диплома, предъявивъ въ Іенскомъ университетѣ диссертацію на эстетико-философскую тему. Пешель серьезно подумывалъ уже о литературной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что его первые дебюты на поприщѣ новеллы были довольно удачны, но бурный 48 годъ сдѣлалъ его политическимъ журналистомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что, будучи еще студентомъ, пылкій Пешель увлекался Робертомъ Блумомъ, Руге и другими агитаторами. Успѣхъ сообщеній, посланныхъ имъ изъ Берлина въ Аугсбургскую „Allegemeine Zeitung“, былъ таковъ, что эта крупная газета поспѣшила принять его въ число своихъ редакторовъ. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ одно время главнымъ редакторомъ ея; въ 54 году онъ принялъ на себя редактированіе весьма популярнаго въ то время еженедѣльнаго географическаго и естественно-научнаго журнала „Ausland“. Переходъ къ „Ausland'у“ нужно считать по собственному признанію Пешеля началомъ его научной дѣятельности. Глубоко талантливый, необычайно многосторонній и обладавшій ко всему этому, не смотря на свое слабое здоровье, громаднѣйшею рабочею силою, Пешель не только справился съ трудною, при его подготовкѣ, задачею редактированія названнаго журнала, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе освоивался съ матеріаломъ и идеями географическихъ и естественныхъ наукъ. Не смотря на то, что онъ, какъ самоучка, приступалъ къ почти-что новому для него кругу наукъ; не смотря на то, что онъ иногда почти цѣликомъ самъ писалъ номера своего журнала и не допускалъ ни одного сообщенія, не провѣрившн его съ тщательностью выдержаннаго ученаго,—онъ успѣвалъ создавать такія крупныя произведенія, какъ: „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“ (1858) и „Geschichte der Erdkunde“ (1865, 2-е изданіе 1877): названныя два сочиненія внесли рядъ новыхъ фактовъ и вѣрныхъ идей въ исторію географіи. Отдаваясь естественнымъ наукамъ, Пешель впервые въ Германіи указалъ на великое значеніе Дарвиновскаго ученія и первый же

протестовалъ противъ крайнихъ увлеченій ультрадарвинизма. Въ 1869 году Пешель издалъ свои, въ полномъ смыслѣ слова, блестящіе этюды: „Neue Probleme der Erdkunde“, выдержавшіе цѣлый рядъ изданій и вызывающіе до сихъ поръ, въ виду той смѣлости, съ которою ихъ авторъ намѣчаетъ рядъ труднѣйшихъ и интереснѣйшихъ географическихъ и геологическихъ загадокъ, то удивленіе и горячее сочувствіе, то негодованіе и нападки. Въ 1870 году, въ пору оживленія интереса къ географіи, вызванпаго въ сильной степени самимъ Пешелемъ, онъ былъ приглашенъ профессоромъ географіи въ Лейпцигъ. Здѣсь онъ, не смотря на усиливающіяся нервныя страданія, читалъ съ необычайнымъ успѣхомъ съ 1871 по 1875 г. Въ 1875 году прогрессивная атрофія мускуловъ свела великаго и талантливаго труженика въ могилу. За годъ до смерти, въ 1874 году Пешель издалъ „Völkerkunde“ (‹Народовѣдѣніе», 6-е изданіе въ 1885 году), стоящее по выдержанности и осторожности сужденій, по громадной учености и по изяществу изложенія несравненно выше другихъ подобныхъ работъ. Послѣ его смерти появились «физическо-статистическій атласъ Германской Имперіи», въ созданіи котораго Пешель участвовалъ, затѣмъ собранныя его мелкія статьи въ трехъ томахъ, и лекціи его: физическая географія въ двухъ томахъ и „Europäische Staatenkunde“ (Государствовѣдѣніе Европы); относительно двухъ послѣднихъ книгъ слѣдуетъ замѣтить, что издатели ихъ, ученики Пешеля, не всегда оказывались на высотѣ задачи. Какъ географъ, Пешель является достойнымъ воспріемникомъ идей К. Риттера и А. Гумбольдта. Что онъ не былъ противникомъ Риттера, какъ это можно было судить по его страстной и бойкой полемикѣ противъ крайнихъ риттеріанцевъ, нами доказано на основаніи цитатъ изъ Пешеля въ другомъ мѣстѣ *). Пешель былъ человѣкъ борьбы, онъ постоянно шелъ впередъ, онъ отыскивалъ себѣ все новые и новые пути; поэтому такъ трудно было установить правильную оцѣнку его. Но во всякомъ случаѣ новѣйшая географія и антропологія обязаны Пешелю тѣмъ оживленіемъ и тѣмъ успѣхомъ, которымъ онѣ пользуются въ данное время.

Профессоръ **Э. Петри.**

---

*) ‹Задачи научной географіи» (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXIII).

Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка.

О первыхъ временахъ Сибири послѣ ея завоеванія до нашего времени дошли хотя и многія, но въ сущности весьма скудныя и противорѣчивыя извѣстія. Съ одной стороны, это—лѣтописи и, такъ называемыя, лѣтописныя статьи, которыя правильнѣе слѣдовало бы назвать своего рода повѣстями, ибо въ нихъ видна нѣкоторая литературная обработка и тенденція,—это источники туземнаго происхожденія, написанные людьми, жившими въ Сибири. Съ другой стороны—правительственные, оффиціальные документы, обрисовывающіе тѣ мѣры, которыя предпринимала Москва по отношенію ко вновь завоеванной странѣ, сообразно современному положенію вещей и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми обладало московское правительство. Источники этихъ двухъ категоріи оставляютъ пробѣлы, ибо первые обращены только на одинъ фактъ и на одну личность.—завоеваніе Сибири и Ермака; другіе же, то есть акты правительства, обнаруживаютъ лишь тѣ внѣшніе факты, въ общемъ весьма однообразные, которые были результатомъ новаго положенія русскаго населенія по отношенію къ правительству и государству. Факты жизни внутренней, факты жизни духовной, а также измѣненія, происходившія внутри самаго населенія, остаются скрытыми.

Но этотъ, указанный выше, пробѣлъ до нѣкоторой степени возмѣщается источниками, можно сказать, третьей категоріи: сюда относятся повѣствованія иностранцевъ. Уже по самому характеру своему, такъ какъ они принадлежатъ писателямъ, поставленнымъ въ непривычную для нихъ среду, иностранныя извѣстія представляютъ интересъ, который въ данномъ случаѣ усиливается еще тѣмъ, что мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ повѣствованій. Эти по-

вѣствованія о сѣверо-восточной Азіи начинаются задолго до появленія русскихъ въ этой странѣ: у Плано-Карпини и Марка Поло читаемъ обстоятельныя извѣстія о Татаріи, у Герберштейна находимъ, между прочимъ, историко-географическія данныя о сѣверо-востокѣ Азіи: а со времени покоренія Сибири русскими, интересъ къ ней иностранцевъ увеличивается: труды Массы и Витзена это подтверждаютъ. Въ XVIII вѣкѣ начинается рядъ блистательныхъ экспедицій, предпринятыхъ русскимъ правительствомъ на сѣверо-востокъ, и въ это время прежнія повѣствованія иностранцевъ переходятъ въ ученые трактаты русскихъ академиковъ, по большей части иностраннаго происхожденія, Гмелина, Фалька и т. д., и, наконецъ, въ наши дни, завершаются трудами Радлова и итальянца Соммье.

Несомнѣнно, покореніе Сибири, бывшее неожиданнымъ результатомъ завоевательной политики царя Ивана IV, хотя совершенно не входившее въ его планы, представляетъ вообще интересный моментъ въ исторіи Московскаго государства. Выше было указано, что русскіе источники оставляютъ пробѣлы въ первоначальной исторіи этой страны, которые замѣщаются до нѣкоторой степени источниками иностранными. Настоящія замѣтки имѣютъ цѣлью собрать тѣ сказанія, которыя могли бы дополнить русскія извѣстія о Сибири въ предѣлахъ времени отъ второй половины XVI до первыхъ лѣтъ XVII вѣка. Сюда относятся повѣствованія Массы «Relatio de Siberia», трактатъ Витзена «О Сибири», отрывки изъ мемуаровъ Избрандеса [1]) и Адама Бранда [2]), а также двѣ повѣсти Страленберга [3]). Но изъ этихъ повѣствованій самостоятельное значеніе имѣютъ лишь повѣствованія Массы, „Relatio de Siberia“, и трактатъ Витзена, остальныя дополняютъ первыя, и значеніе ихъ только критико-литературное. Само собой разумѣется, что здѣсь выполнены лишь, такъ сказать, самыя элементарныя требованія—собраны самыя сказанія, и только лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ указаны ихъ отношенія къ русскимъ лѣтописямъ, представляющимъ, по мнѣнію автора, рядъ самостоятельныхъ, только лишь механически между собой связанныхъ сказаній,—безъ подробнаго критическаго анализа.

Въ то же время къ каждому повѣствованію присоединенъ весьма сжатый біографическій очеркъ писателя, что̀ казалось необходимымъ потому, что, съ одной стороны, онъ уяснятъ многое въ са-

[1]) Въ Recueil des Voyages au Nord, Amst. 1727. vol. VIII, p. 23—25. Voyage à la Chine. [2]) Neuvermehrte Beschreibung seiner grossen Chinesischen Reise etc. Berl. 1712, S. 63—66. [3]) Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockh. 1730. S. 237 и 257.

момъ повѣствованіи, съ другой же потому, что почти всѣ писатели, о которыхъ упоминается, имѣли нѣкоторое отношеніе къ Сибири. Такимъ образомъ, въ этотъ критико-библіографическій очеркъ вошли повѣствованія Массы „Relatio de Siberia“, извлеченія изъ труда Витзена; отрывки же изъ мемуаровъ Избрандеса и Адама Бранда, а также повѣсти Страленберга пока опускаются.

I. И. Масса (I. Massa). Во главѣ иностранцевъ, оставившихъ замѣтки о покореніи Сибири и утвержденіи въ ней русскаго владычества въ первое время, стоитъ Исаакъ Масса, ученый географъ, игравшій также довольно видную политическую роль при сношеніяхъ Голландіи и Московіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Родился онъ въ Гаарлемѣ, гдѣ и жилъ въ первое время [1]), и по своему происхожденію принадлежалъ къ богатой фамиліи, владѣвшей значительными богатствами въ этомъ городѣ. [2]). Въ 1601 году, 16 лѣтъ отъ роду, Масса былъ уже въ Москвѣ, по всей вѣроятности, по торговымъ дѣламъ, но наступившія смутныя обстоятельства междуцарствія заставили его на время удалиться въ Голландію. Здѣсь онъ обращался къ принцу Нассаускому Морицу съ просьбой дать ему какую-либо государственную должность, но просьба эта успѣха не имѣла, а въ 1612 г. Исаакъ Мэръ (Isaac Maire) предлагалъ ему принять участіе въ сѣверной экспедиціи, но Масса отъ нея отказался.

Послѣ прекращенія междоусобій въ Московскомъ государствѣ, Масса въ 1614 году снова прибылъ въ Москву, и съ этого времени онъ принимаетъ участіе въ сношеніяхъ между Голландіей и Московіей. Какъ представитель торговой и промышленной націи и самъ человѣкъ практическій, онъ сразу увидалъ всю ту выгоду, которая могла бы произойти отъ установленія правильныхъ сношеній между своимъ отечествомъ и Московскимъ государствомъ. Видя неудовлетворительное веденіе сельскаго хозяйства и низкій уровень, на которомъ стояло земледѣліе въ Московіи, онъ предлагаетъ московскому правительству рядъ мѣръ для поднятія его: въ числѣ этихъ

---

[1]) Относительно національности его существуютъ разнорѣчія. Аделунгъ (Kritisch-Literarisch Uebersicht der Reis. II, 217) считаетъ его голландцемъ и оспариваетъ Ф. Г. Миллера, утверждающаго итальянское его происхожденіе: но Фр. Миллеръ, авторъ Essai d'une bibliographie Neerlando-Russe (p. 106). считаетъ предковъ Массы также итальянцами на томъ основаніи, что въ сѣверной Италіи существовала такая фамилія. [2]) Scheltema, Rusland en de Nederlanden, bescouwd in derzelven wederkeerige betrekkingen. Amst. 1817, v. I, 94.

мѣръ была, между прочимъ, выписка изъ Голландіи опытныхъ земледѣльцевъ [1]) и установленіе новыхъ путей сообщенія, напримѣръ, по Волгѣ и Каспійскому морю, благодаря чему могла бы развиться торговля съ Персіей.

Но болѣе всего старался Масса о томъ, чтобы были установлены правильныя, на извѣстныхъ началахъ обоснованныя, сношенія между его отечествомъ, Голландскими Штатами, и Московскимъ государствомъ, и мы видимъ цѣлый рядъ посольствъ между этими странами, въ которыхъ Масса принимаетъ весьма дѣятельное участіе. Общій характеръ, какъ его дѣятельности, такъ и вообще голландскаго правительства былъ тотъ, чтобы голландцамъ было дано право безпошлиннаго торга, чего удалось добиться прежде англичанамъ, которые и составляли весьма сильную конкурренцію голландцамъ. Но его усилія были безрезультатны. Относясь весьма благосклонно какъ къ Массѣ, такъ и вообще къ голландцамъ, московское правительство, однако, не соглашалось на предъявленныя ими условія.

При этихъ сношеніяхъ Масса былъ чѣмъ-то вродѣ неофиціальнаго агента голландскаго правительства при московскомъ дворѣ: черезъ него, по крайней мѣрѣ, шли всѣ письменныя сношенія. Въ 1615 году онъ принимаетъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ изъ Москвы въ Голландію [2]), за что щедро былъ награжденъ царемъ. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ обѣщаніе отъ Михаила Ѳедоровича дать голландцамъ свободный проѣздъ по Московіи въ Персію и исключительное право голландскимъ купцамъ торговать съ этимъ государствомъ. Масса горячо принялся за это дѣло и написалъ къ голландскому правительству о необходимости послать большое посольство для переговоровъ по этому дѣлу и учредить при московскомъ дворѣ должность голландскаго резидента, указывая на то, какъ важно имѣть при этомъ дворѣ постояннаго агента, который заботился бы объ интересахъ своей страны и противодѣйствовалъ бы вліянію англичанъ, нашедшихъ доступъ ко двору именно такимъ образомъ [3]).

Предложеніе Массы было принято; онъ самъ былъ назначенъ резидентомъ въ Москвѣ, но всѣ эти предположенія, какъ и прежде, остались безъ успѣха.

Послѣднее время своей жизни Масса провелъ въ Голландіи, гдѣ и умеръ.

Послѣ него осталось нѣсколько сочиненій. Во время своихъ пу-

---

[1]) Scheltema, ibid. I, 103. [2]) Scheltema I, 95, 105. [3]) Ibid. 109.

тешествіи Масса собиралъ свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ странахъ. Обширная дѣятельность, путешествія и наблюдательность, свойственная вообще голландскимъ писателямъ, что мы можемъ видѣть и изъ сочиненіи Витзена, дали ему обширный матеріалъ для повѣствованіи. Схельтема [1]) въ такомъ порядкѣ перечисляетъ его сочиненія: изданная въ 1612 году карта сѣверной самоѣдо-русской и тунгусской страны [2]) (eene kaart van het Noordsche Rusch-Samojeden-en-Tingoesenland), и упоминаемыя Витзеномъ: 1) описаніе путешествія (Reisbeschrijving); 2) книга, подъ заглавіемъ Russia [3]); 3) краткое извѣстіе о дорогахъ и рѣкахъ изъ Московіи на востокъ (een koort verhaal van de wegen en rivieren uit Moscovia Oostwaars). Миллеръ присоединяетъ къ этому еще 4) трактатъ о хлѣбной торговлѣ. [4]). Мы опускаемъ здѣсь описаніе дорогъ на востокъ, а остановимся лишь на извѣстіяхъ Массы о Сибири [5]).

«Въ 1609 году, говоритъ Витзенъ [6]), Массой было переведено съ русскаго и издано описаніе дорогъ и открытія Сибири такъ, какъ передано далѣе. Жили встарь въ Московіи люди, подъ названіемъ Anicony, или дѣти Аники, происходившіе отъ землевладѣльца. Этотъ Аника, человѣкъ богатый, жилъ на р. Вычегдѣ (Witsogda), впадающей въ Двину, въ ста миляхъ отъ Архангельска. Аника имѣлъ много дѣтей и всѣмъ отъ Господа былъ щедро наделенъ и благословленъ; но, побуждаемый большой жаждой къ наживѣ (doch met grote begeerlijkheit geprikkelt), онъ стремился узнать, какія страны населяютъ тѣ люди, которые ежегодно приходили въ Московію съ дорогими мѣхами и другими товарами; по языку, обычаямъ, вѣрѣ, они были совершенно чужды, а называли себя самоѣдами и разными другими именами. Являлись они съ Вычегды и встрѣчались съ русскими въ городахъ Усольѣ (Osoyl) и Устюгѣ (Ustaga) на р. Двинѣ, принося съ собой кучи мѣховъ. Аника, взирая на эти мѣха, думалъ о томъ, какія огромныя богатства должны заключать въ себѣ тѣ страны,—таинымъ образомъ

[1]) Ibid. pag. 102. [2]) См., между проч., Филаретъ, Обз. русск. духовн. литер. Спб. 1884. стр. 223. [3]) У Аделунга: Eeen, Cort verhael van begin en oorspronck dezer tegenwoordige oorlogen en troeblen in Moscovia totten jare 1610. Kritisch-Liter. Uebers. d. Reis. II, 217. [4]) Müller, Essai d'une bibliographie Neerlando-Russe. 34. [5]) Этотъ трактатъ впервые былъ напечатанъ въ Descriptio ac delineatio geographica detectionis freti investig. ab. M. Henrico Hudsono Anglo etc. Ams. 1613, затѣмъ былъ переведенъ Витзеномъ въ его трудѣ Noord en Oost Tortarye. Ams. 1705. (2. Aufl.). D. II, S. 826 sqq. Мы пользовались этимъ переводомъ. [6]) О поправкѣ, внесенной Миллеромъ, см. Ежемѣсячныя сочиненія 1764 г., т. I, стр. 197.

вошелъ съ пришельцами въ дружбу и послалъ изъ своихъ рабовъ и рабочихъ людей человѣкъ 10—12 вмѣстѣ съ ними въ ихъ отечество, приказавъ имъ объѣхать тѣ страны и самымъ точнымъ образомъ узнать объ ихъ обычаяхъ, образѣ жизни, жилищахъ и проч. Когда они возвратились съ этими извѣстіями, онъ держалъ ихъ при себѣ, давая имъ хорошее содержаніе, и строго приказалъ имъ молчать и никому не говорить о всемъ томъ, что они видѣли (doch heeft... bevolen te zwygen... zonder jemand darvan te vermanen). На слѣдующій годъ онъ послалъ уже болѣе людей туда и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, съ товаромъ самой низкой цѣны, состоявшимъ, напр., изъ разныхъ бездѣлокъ и т. п. Эти, также какъ и первые, все осматривали и выводили; они проѣхали до р. Оби, чрезъ много пустынь и разныхъ рѣкъ, которыхъ тамъ очень много, и вошли съ нѣкоторыми самоѣдами въ большую дружбу; они замѣтили, что мѣха цѣнятся у нихъ очень низко, но что страна обладаетъ многими богатствами: по ихъ разсказамъ,—тамъ нѣтъ городовъ, а люди живутъ кучами или въ одиночку, всѣ они весьма мирный народъ, питаются дичью, которую ловятъ, не имѣя понятія ни о зернахъ, ни о хлѣбѣ. Всѣ они—хорошіе стрѣлки изъ луковъ, къ концу стрѣлы они прикрѣпляютъ острые камни или рыбьи кости и такимъ образомъ стрѣляютъ дичь, водящуюся тамъ въ изобиліи. Шьютъ они также при помощи рыбьихъ костей; сшивая множество шкурокъ вмѣстѣ, они дѣлаютъ себѣ изъ нихъ одежду. Жилища свои они покрываютъ также шкурами оленей или морскихъ животныхъ, которыя у нихъ не высоко цѣнятся. Короче, они разсказали все, что видѣли, и пришли назадъ съ грудами мѣховъ, и Аника узналъ все, что ему было только желательно.

Такъ велъ онъ торговлю со своими друзьями въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Все это сдѣлало его весьма богатымъ, и люди удивлялись его ужасающимъ сокровищамъ, не зная ихъ происхожденія. Въ своихъ деревняхъ они строили церкви: между прочимъ, въ Усольѣ былъ выстроенъ ими прекрасный храмъ, который съ самаго основанія былъ изъ чистаго, бѣлаго камня. Они не знали, куда имъ дѣваться со своими богатствами.

Тогда же они ясно замѣтили, что счастіе можетъ послужить имъ и въ обратную сторону, какъ это обыкновенно и бываетъ въ такихъ случаяхъ, и, видя зависть людей,—чтобы остаться на прежнемъ мѣстѣ и не подать никакого повода къ озлобленію,—они рѣ-

шили предупредить все это и съ большой предусмотрительностью принять свои мѣры.

Былъ у нихъ другъ, пользов вшійся при Дворѣ большимъ фаворомъ, звали его Борисъ Годуновъ (Boris-Goddenoof), шуринъ Ѳедора Ивановича, бывшаго тогда царемъ. Этотъ Борисъ послѣ смерти царя занялъ его мѣсто въ качествѣ русскаго царя, какъ это изложено подробнѣе въ описаніи московскихъ войнъ.

Этому-то Борису они и рѣшили все открыть. Они поднесли ему подарки, какъ это принято дѣлать, и просили его, чтобы онъ выслушалъ ихъ, такъ какъ они имѣютъ сообщить о такихъ дѣлахъ, которыя послужатъ къ явной выгодѣ государства. Онъ отнесся къ нимъ весьма милостиво и со вниманіемъ, даже съ гораздо бо́льшимъ, чѣмъ обыкновенно дѣлалъ, и тогда они разсказали ему о своихъ изслѣдованіяхъ самоѣдскихъ и сибирскихъ странъ, о всемъ, что тамъ видѣли и слышали, что тѣми богатствами никто не пользуется, и по мѣрѣ того, какъ двигался ихъ разсказъ, Борисъ все болѣе и болѣе воспламенялся жадностью (begost Boris te branden von begeerlijkheit) и пожелалъ самъ все это изслѣдовать, принимая въ нихъ такое горячее участіе, какъ будто это были его собственныя дѣти. Затѣмъ онъ ихъ наградилъ, давъ имъ отъ имени царя открытое письмо (vrye Briefen), по которому они, безъ противорѣчія съ чьей бы то ни было стороны, могли взять въ свое вѣчное и потомственное пользованіе тѣ земли, гдѣ только пожелаютъ, не платя за нихъ пошлинъ. Онъ отправилъ ихъ изъ Москвы на своихъ саняхъ (они были тамъ зимою), оказывая имъ тѣмъ самымъ передъ москвитянами честь, тѣмъ большую, что они шли отъ такого могущественнаго человѣка, какимъ былъ Борисъ, правившій тогда цѣлымъ государствомъ.

Подумавъ объ этомъ дѣлѣ, Борисъ доложилъ о всемъ царю, которому все это понравилось. Тогда Борисъ, не медля болѣе, послалъ нѣсколькихъ придворныхъ и съ ними нѣсколько бѣдныхъ благородныхъ людей, къ которымъ благоволилъ, и приказалъ имъ отправляться вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ присоединятъ къ нимъ Строгоновы. Онъ далъ имъ также одежду, какая обыкновенно надѣвалась наословъ. Къ нимъ онъ присоединилъ еще нѣсколько военныхъ людей и снабдилъ ихъ вещами изъ мелочи, для подарковъ туземцамъ, наказывая строго замѣчать всѣ дороги, рѣки, лѣса и мѣста, которыя встрѣтятся имъ по пути, и спрашивать объ ихъ названіяхъ. Съ жителями онъ приказалъ имъ обходиться мягко, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи

можно было бы построить укрѣпленія. Обо всемъ этомъ они должны были по возвращеніи въ Москву дать отчетъ. Такимъ образомъ, хорошо снабженные платьемъ, деньгами, оружіемъ и подарками, они отправились изъ Москвы и прибыли въ Вычегду, гдѣ Строгановы (Anicony) также снаряжали народъ для отправленія. Съ ними отправилось много молодыхъ людей и друзей (veel Kinderen (?) en Vrienden von haar mede trokken).

Когда они пришли туда, то, поступая по приказанію, обходились съ туземцами весьма дружески, въ то же время тщательно изслѣдуя всѣ мѣста, по которымъ проходили; вступавшихъ съ ними въ сношенія, они награждали, давая имъ въ подарки вещи самой ничтожной цѣнности, которыя, впрочемъ, казались тѣмъ роскошными и весьма дорогими. Кому удавалось получить подарки, тѣ радовались и ликовали, крича отъ радости и падая передъ пришельцами на колѣни. Туземцы видѣли, что тѣ одѣты въ роскошныя одежды, и съ непривычки думали, что это сами боги. Москвитяне, заговоривъ чрезъ переводчиковъ-самоѣдовъ, которые нѣсколько лѣтъ жили около московскихъ мужиковъ въ деревняхъ и вслѣдствіе этого научились говорить по-русски, дали понятіе о своемъ царѣ, утверждая, что это почти земной богъ (dezelve by na eenen aerdischen Got te zyn). Эти бѣдные люди, желая разсмотрѣть лучше нѣкоторыя вещи, прикасались къ нимъ. Затѣмъ, они увидѣли, что нѣкоторые москвитяне пожелали остаться у нихъ, чтобы научиться ихъ языку, и что много людей изъ нихъ отправилось по направленію къ р. Оби. Они подчинились московскому царю и позволили обложить себя данью: они выразили желаніе ежегодно давать московскому царству, какъ взрослые, такъ и дѣти, умѣющія стрѣлять изъ лука, по парѣ соболиныхъ шкуръ, которыя у нихъ почитаются невысоко, у москвитянъ же сходятъ за драгоцѣнности. Такъ и исполнилось. Проникнувъ далѣе въ страну, на 200 верстъ къ р. Оби, москвитяне увидали много рѣдкихъ животныхъ, прекрасные источники водъ, травы, лѣса, также видѣли много самоѣдовъ—одни изъ нихъ ѣхали на лосяхъ, другіе на оленяхъ или собакахъ, которыя бѣжали такъ же быстро, какъ и олени. Словомъ, они видѣли много удивительныхъ вещей и все тщательно отмѣчали, чтобы потомъ дать точное извѣстіе. Такимъ образомъ, они возвратились, привезя съ собой нѣсколько самоѣдовъ, которые поѣхали съ ними добровольно, и оставивъ нѣсколько москвитянъ для изученія языка въ ихъ странѣ. Затѣмъ все разсказали они вышеупомянутому Борису, а Борисъ доложилъ царю.

Съ великимъ удивленіемъ смотрѣли здѣсь на вывезенныхъ самоѣдовъ, заставляли ихъ стрѣлять, и особенное удивленіе вызывало искусство ихъ въ этомъ дѣлѣ: они прикрѣпляли къ чему-нибудь монету величиной менѣе, чѣмъ голландская копѣйка, затѣмъ отходили на такое разстояніе, что ее едва можно было различить, и всякій разъ въ нее попадали. Москвитяне этому не мало удивлялись.

Съ другой стороны, и эти дикари съ большимъ недоумѣніемъ смотрѣли на московскую жизнь. Но съ ужасомъ смотрѣли они особенно на царя, когда онъ, такъ роскошно одѣтый и окруженный многими важными господами, ѣхалъ на лошади или сидѣлъ въ колымагѣ, влекомой многими лошадьми, великолѣпно убранной, или на войско, которое въ красныхъ кафтанахъ и съ ружьями ѣхало въ свитѣ. Также съ большимъ чувствомъ отзывались они о звонѣ колоколовъ, которыхъ въ Москвѣ весьма достаточно, съ удовольствіемъ осматривали они всѣ уголки Москвы, думая, что попали будто къ трону Бога; желая возвратиться къ своимъ собратьямъ и разсказать имъ обо всемъ, они называли себя счастливыми, что могутъ повиноваться такому господину, какъ царь. Также понравилась имъ и пища, которой ихъ кормили въ Москвѣ; они отзывались о ней съ большимъ одобреніемъ, находя, что она гораздо вкуснѣе, чѣмъ сырое мясо звѣрей или сухая рыба ихъ родины.

Тогда они обѣщали считать царя за господина и убѣдить въ томъ же и своихъ собратьевъ, просили, чтобы онъ оказалъ имъ милость, послалъ бы къ нимъ начальниковъ, которые управляли бы и собирали бы наложенную на нихъ дань. Въ то же время предполагали ввести у нихъ и христіанство, къ которому они были склонны, и которое должно было у нихъ утвердиться.

Послѣ всѣ эти дѣти Аники еще болѣе возвысились, и имъ было дано въ свободное пользованіе и распоряженіе много земель около ихъ владѣній, такъ что они владѣли территоріей въ сложности болѣе чѣмъ въ сотню миль по берегамъ рѣкъ Двины, Вычегды и Сухоны; они были весьма богаты, и до сего времени находятся въ почетѣ.

Въ Москвѣ же было рѣшено занять удобныя мѣста, около р. Оби поставить нѣсколько крѣпостей и снабдить ихъ гарнизонами. Назначили вообще начальниковъ, чтобы мало-по-малу укрѣпляться въ этомъ краѣ. Все это дѣлалось такъ: прежде всего строили тамъ нѣсколько крѣпостей изъ большихъ деревянныхъ бревенъ, укрѣпляли земляянымъ валомъ и снабжали солдатами. Такимъ образомъ, посылаютъ туда и теперь много народа, такъ что въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ со временемъ образовались цѣлыя общины русскихъ, перемѣшанныхъ съ поляками, татарами и иными народностями.

Преступники, воры, всякаго рода сволочь человѣческаго рода, всѣ, кто заслуживали смерти, изгоняются въ эту страну. Нѣкоторые въ продолженіе извѣстнаго времени содержатся въ заключеніи, нѣкоторые получаютъ приказаніе жить тамъ—смотря по величинѣ преступленія,—и такимъ-то образомъ образовались тамъ большіе города съ многочисленнымъ населеніемъ; эти крѣпости и большія общины уподобляются отдѣльному царству.

Страна эта носитъ названіе Сибири (Siberia of Siberien), такъ какъ тамъ былъ городъ, называвшійся Сибирью. И когда, въ первое время, преступники слышали слово Сибирь, то дрожали; теперь же это сдѣлалось такъ обыкновеннымъ, что никто и вниманія не обращаетъ; только господа и знатные люди въ Москвѣ, впавшіе въ немилость у царя, считаютъ ее для себя непріятной, они иногда посылаются туда на болѣе или менѣе продолжительное время вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, имъ поручается какая-либо правительственная должность до тѣхъ поръ, пока не смягчится гнѣвъ царя, и тогда они снова возвращаются въ Москву».

Такъ Масса передаетъ о покореніи Сибири и ея колонизаціи. На первый взглядъ, повѣствованіе это кажется весьма страннымъ—здѣсь дѣло обходится безъ Ермака. Уже самъ Витзенъ обратилъ на это вниманіе и старался согласить этотъ разсказъ съ тѣми, въ которыхъ говорится о подвигахъ этого атамана. Въ примѣчаніи къ этому разсказу онъ говоритъ, что противорѣчіе это есть только кажущееся, и для уничтоженія его онъ предлагаетъ такія объясненія: онъ предполагаетъ, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны Руси, а дѣйствія Строгоновыхъ и Ермака направлялись съ восточныхъ странъ, совершались они въ одно и то же время. Здѣсь онъ отдѣляетъ Анику отъ Строгоновыхъ. «Но лучше, говоритъ онъ, полагать, что Аника былъ изъ рода Строгоновыхъ (...is Anica een Bynaem of voornaem des geslachts Stroganoff), тогда предметъ разсказа будетъ одинъ и тотъ же», или еще лучше принять, что одинъ разсказъ повѣствуетъ о томъ, какъ были покорены аборигены Тобола, гдѣ была употреблена сила, а другой—о томъ, съ какой кротостью и любовью обходились съ туземцами въ ближайшихъ странахъ Сибири, лежащихъ западнѣе: а самое лучшее—предполагать, что разсказы повѣствуютъ объ одномъ и томъ же событіи, совершившимся въ одно и то же время, въ одномъ и

томъ же мѣстѣ. съ той разницей, что здѣсь о военныхъ дѣлахъ Ермака опущено, а говорится лишь о кроткихъ средствахъ Аники.

Вопросъ, который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными,—для насъ представляется праздным, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ. Для насъ повѣствованіе Массы имѣетъ цѣну въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ означается дѣятельность Строгоновыхъ (Аники) на сибирской окраинѣ и отношеніе государства къ колонизаціи. Очевидно, что̀ побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи; они обратились къ государству за помощью, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами: въ этомъ отношеніи разсказъ Массы является прекраснымъ дополненіемъ къ разсказу Юрія Крижанича и объясняетъ весьма много неяснаго въ ихъ дѣятельности. Разсматривая этотъ разсказъ въ его цѣломъ, а также по отношенію къ другимъ повѣствованіямъ, мы должны замѣтить еще слѣдующее. Масса описываетъ колонизацію во время Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была вмѣстѣ съ тѣмъ и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготовлялось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства—моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно военно-промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключилъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири.

Повѣствованіе Массы имѣетъ еще и ту цѣну, что показываетъ, какъ постепенно подготовлялось покореніе Сибири. Было бы весьма ошибочно думать, что походъ Ермака былъ одиноко-стоявшей попыткой проникнуть за Уралъ. Извѣстно, что попытки эти ведутъ

свое начало съ XI вѣка, еще Новгородцы предпринимали походы въ Югорію [1]), затѣмъ политическія сношенія Московскаго государства съ сѣверно-азіатскими владѣтелями проходятъ чрезъ все царствованіе Ивана IV [2]), оканчиваясь покореніемъ Сибири. Повѣствованіе Массы открываетъ, что, кромѣ сношеній политическихъ, велась дѣятельная торговая инородческая эксплуатація, окончательно закрѣпившая инородцевъ за русскими.

II. Relatio de Siberia. Въ числѣ иностранныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Сибири, находится одно въ высшей степени оригинальное произведеніе, написанное на латинскомъ языкѣ. Памятникъ этотъ сохранился въ двухъ спискахъ, находящихся въ настоящее время въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Первый списокъ, изъ собранія рукописей Залусскаго, имѣетъ такое заглавіе: „Relatio de Siberia, qua continetur notitia dictae provinciae et litoris Oceani Glacialis et Orientalis, a portu S. Michaëlis Archangeli usque ad Chinam, sive Catayum. Stem de Calmucis Nomadibus et quaedam darratiunculae de Semmarirum, Metallorum et Alchimistarum frandibus. Scripta anno 1681. Alternum soli gloria tota Deo“, т. е. «Повѣствованіе о Сибири, въ которомъ находятся замѣтки объ этой провинціи и о берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана отъ порта Св. Архангела Михаила до Китая, также о номадахъ калмыкахъ и кое-какіе разсказы о обманахъ ювелировъ, металлическихъ дѣлъ мастеровъ и алхимиковъ. Писано въ 1681 г. Богу вѣчная слава». Второй списокъ—изъ рукописей Дубровскаго, заглавіе его таково: „Historia de Sibiria sive

---

[1]) См. статью А. В. Оксенова: Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. Литерат. Сборн. изд. Н. М. Ядринцевымъ. Спб. 1885, стр. 438—445. [2]) См. Акт. Ист. I, 179; Собр. Гос. Гр. и Дог. II, 42; Грамоты 1557 г. Миллеръ, гл. II, § 12 sqq; Грам. Як. и Гр. Строгоновымъ 1574 г. у Миллера II, § 18: Пуцилло—Указат. дѣламъ и рукописямъ отн. до Сибири, въ Гл. Арх. М. И. Д. стр. 1—3; Словцовъ—Ист. Обозр. Сиб. Спб. 1886, I, введ. стр. XIV—XVI; Ѳирсовъ—Положеніе инородцевъ etc. Каз. 1866, стр. 28 sqq, 210 sqq. А. Оксеновъ—Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака. Сиб. Сборн., кн. IV. Спб. 1886. 108sqq. Ешевскій—Русская колонизація сѣв.-вост. края, сочин. III, особ. стр. 622, 635, 645 sqq. Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермск. края, ст. А. Крупенина, Пермск. Сборн. М. 1859, кн. I etc. Изъ сопоставленія находящихся здѣсь данныхъ можно заключить, что до покоренія Сибири въ Сѣверн. Вост. части Моск. госуд. происходило, правда, по большей части случайное, взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго элементовъ, что русская колонизація мало-по-малу врѣзывалась въ среду инородческую путемъ ли эксплоатаціи, путемъ ли христіанской церковной проповѣди, или же путемъ насилій и сношеній военно-промышленныхъ.

notitia Regnis (sic) Sibiriae et litoris Oceani Glacialis et Orientalis, idem (item) de Calmucis Nomadibus et nonnullae narratiunculae de Gemmariorum, metallorum et Alchimistarum fraudibus. Anonimi autographum circa anno MDCLXXX". Извѣстный изслѣдователь сибирской старины Г. Ф. Спасскій, издавшій это Повѣствованіе въ 1821 году и повторившій его въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», 1822. ч. XXVII, даетъ и нѣкоторыя извѣстія объ этомъ интересномъ памятникѣ. Первый списокъ, по его словамъ, древнѣе: онъ принадлежалъ нѣкогда смоленскому епископу Котовичу, а потомъ Виленской миссіонерской конгрегаціи (Domus Vilnensis Congregationis missionis). Второй списокъ позднѣйшаго происхожденія: онъ заключаетъ нѣкоторыя добавочныя примѣчанія и, сверхъ того, письмо автора къ Г. Горну, секретарю датскаго короля.

Кто былъ авторомъ этого трактата, Г. Ф. Спасскому не было извѣстно: поэтому, мы постараемся опредѣлить личность автора, на основаніи данныхъ его сочиненія, и увидимъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ его сочиненія, подтвердятъ болѣе поздніе изысканія изслѣдователей.

Изъ приведеннаго письма его къ Горну видно, что авторъ былъ хорошо извѣстенъ ему: въ письмѣ онъ подписался прямо „quem nosti"—т. е. «извѣстный тебѣ». Онъ называетъ его своимъ освободителемъ; далѣе мы узнаемъ, что авторъ былъ въ ссылкѣ въ Сибири, гдѣ прожилъ 15 лѣтъ [1]). Поводомъ къ сочиненію этого трактата было желаніе Горна имѣть описаніе Сибири. Время составленія извѣстно—1680—81 года; о мѣстѣ можно сдѣлать лишь вѣроятныя заключенія. Письмо Горна было адресовано въ Москву, но по ошибкѣ не дошло по назначенію и, послѣ долгихъ странствій по разнымъ мѣстамъ Европы, дошло до автора въ Вильнѣ, что видно изъ приписки къ письму [2]). Слѣдовательно, сочиненіе это писано въ Вильнѣ.

Далѣе, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ трактата, мы можемъ возстановить образъ автора, правда, довольно блѣдный, ибо данныя эти весьма скудны, и прослѣдить нѣкоторые факты изъ его жизни.

Несомнѣнно, авторъ былъ католикъ. Это можно видѣть изъ того мѣста сочиненія, гдѣ приведенъ диспутъ между протестантомъ и папистомъ. Явныя симпатіи автора къ католицизму, подробное

[1]) Qua XV annis exulavi p. VII, по изд. Спасскаго, 1821 г. [2]) Mosquam fuerat missa et illinc a Praefecto Postae meo amico irresigillata Vilnam remissa.

обоснованіѐ догматовъ этой религіи, а также и то, что споръ оканчивается въ пользу католической церкви, къ невыгодѣ протестанта,— заставляютъ думать, что авторъ былъ именно католикъ [1]).

Авторъ жилъ въ Сибири 15 лѣтъ: онъ жилъ тамъ противъ своей воли; «XV annis exulavi, т. е. пятнадцать лѣтъ находился въ изгнаніи», говоритъ онъ самъ. Какимъ образомъ онъ попалъ въ Сибирь и на какіе годы падаетъ пребываніе его въ этой странѣ, изъ сочиненія прямо не видно; относительно втораго можно лишь дать вѣроятное заключеніе. Онъ упоминаетъ между прочимъ о Н. Спаѳаріи, который царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ былъ посланъ въ 1676 году въ Китай, и приводитъ весьма подробно его разсказъ въ г. Тобольскѣ; видно, что авторъ находился въ это время въ Тобольскѣ, въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что авторъ жилъ до тѣхъ поръ въ Сибири: тогда прибытіе его въ эту страну придется отнести къ 1659—1660 годамъ. Также упоминаетъ онъ, что видѣлъ того человѣка, который «первый построилъ на Ленѣ городъ [2]), и былъ знакомъ съ однимъ священникомъ, Дмитріемъ, жившимъ въ Енисейскѣ» [3]). По всей вѣроятности, авторъ былъ въ Енисейскѣ, гдѣ могъ видѣть и «того человѣка, который первый построилъ на Ленѣ укрѣпленіе». Изъ обстоятельствъ его жизни до изгнанія въ Сибирь извѣстны два - его знакомство съ Іоанномъ Карамуэлемъ и боярномъ Б. Морозовымъ, съ которымъ онъ видѣлся въ Москвѣ, и этотъ «почтенѣйшій мужъ, говоритъ онъ, спрашивалъ меня, не читалъ ли я гдѣ-нибудь о царѣ Алтынѣ и прочихъ восточныхъ владѣтеляхъ» [4]).

Вотъ собственно всѣ данныя, которыя можно почерпнуть изъ повѣствованія объ авторѣ. Какъ видно вообще по сочиненію, это былъ человѣкъ, знавшій свѣтъ и людей, много путешествовавшій, а нѣкоторыя мѣста его сочиненія обличаютъ въ немъ высокое раз-

[1]) Relat. de Sib. по изд. г. Спасскаго—29—37. [2]) Vidi ipse hominem, qui primus supra Lenam munitionem extruxit. p. 42, по изд. г. Спасскаго. Нельзя въ точности рѣшить, кого разумѣетъ здѣсь авторъ. Г. Н. Спасскій разумѣетъ здѣсь Бекетова. Но Бекетовъ, построившій Тутурскій острогъ. (Фишеръ Спб. Ист. 385) не былъ первымъ посѣтителемъ тѣхъ странъ; раньше его, въ 1628 году, до Лены доходилъ Василій Бугоръ, ограничившійся только сборомъ дани; затѣмъ въ 1630 г. Ив. Галкинъ построилъ зимовье «Ленскій Волокъ» (впослѣдствіи г. Илимскъ), а въ 1632 г. зимовье на устьѣ рѣки Кута, впадающей въ Лену (Фишеръ, 353—356, 556). Лучше, кажется, разумѣть здѣсь Ивана Галкина [3]) Presbyter quidam erat Ienisseii nomine Demetrius... mihi familiariter notus. p. 12. [4]) Auctoritatis summae vir Morosius Boris, procerum Moscicorum primus, ex me querebat etc. p. 15.

витіе, наблюдательный умъ и весьма развитую діалектику. Онъ интересуется положительно всѣмъ, что встрѣчается ему на пути,—его занимаютъ народности Сибири. ихъ обычаи, промыслы, исторія страны, въ которую онъ невольно попалъ, эксплуатація ея естественныхъ богатствъ; его интересуетъ алхимія, демонологія, и по поводу этихъ двухъ областей онъ приводитъ немало фактовъ изъ прежней своей жизни,—его интересуетъ вопросъ о дѣланіи золота, онъ останавливается съ особенной любовью на религіозныхъ явленіяхъ.... Но обратимся къ его сочиненію. Прежде всего, относительно источниковъ его трактата, необходимо замѣтить, что единственнымъ источникомъ для его описаній служили личныя впечатлѣнія и воспоминанія, а также разсказы, слышанные имъ въ Сибири, которые онъ передаетъ по памяти. Онъ самъ говоритъ, что не велъ записокъ во время пребыванія своего въ Сибири [1]), и описываетъ только то, что самъ имѣлъ случай наблюдать, и что удержалось въ слабой памяти [2]). Прежнихъ иностранныхъ описаній Сибири онъ не касается, да ихъ и немного было: только одно описаніе Массы.

Трактатъ „Relatio de Siberia“. въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть названъ повѣствованіемъ о Сибири, ибо въ немъ идетъ рѣчь не объ одной только Сибири: на ряду съ извѣстіями объ этой странѣ онъ заключаетъ въ себѣ личныя воспоминанія изъ жизни автора, столь обильной фактами; такое заглавіе оправдывается только тѣмъ, что большая часть «Повѣствованія» толкуетъ все-таки объ этомъ краѣ.

Начало трактата занято разсказомъ о покореніи Сибири, весьма обстоятельнымъ и оригинальнымъ, далѣе идетъ географическое описаніе Сибири, которую авторъ дѣлитъ на три полосы, или, какъ онъ говоритъ, климата. — сѣверный, средній и степной. Описаніе каждаго въ отдѣльности имѣетъ предметомъ населеніе, образъ его жизни, пути сообщенія. промыслы. Особенно подробно касается авторъ третьей полосы—степной и ея жителей—калмыковъ (9—17). Онъ говоритъ объ ихъ религіи, жертвоприношеніяхъ, промыслахъ и, наконецъ, опредѣляетъ характеръ ихъ отношеній къ русскимъ. Фактъ, приводимый имъ въ доказательство того, что эти отношенія были болѣе дружественны, относится ко времени воеводы П. И. Годунова, когда посланные имъ въ Китай послы нашли защиту у

---

[1]) Neque cum ibi essem, horum quidquam literis consignabam. [2]) Sed (perscribo) quae ipsemet observabam et debilis retinuit memoria. p. VII. по изд. Спасскаго.

селенгинскаго тайши во время калмыцкихъ междоусобій. Это было въ годахъ 1667—1670 [1]).

Далѣе слѣдуетъ описаніе соляного промысла на Ямышевскомъ озерѣ и происходившей въ это время торговли съ инородцами (17—20), главнымъ образомъ съ бухарцами. При этомъ авторъ передаетъ разные случаи торговыхъ обмановъ. Перешедши на эту тему, онъ пишетъ о коварствѣ двухъ польскихъ оружейныхъ мастеровъ. Здѣсь авторъ передаетъ о развѣдкѣ руды въ Сибири, окончившейся неудачно, благодаря обманамъ воеводъ и мастеровъ. По всей вѣроятности, подъ этимъ разумѣются произведенныя въ 1672—1674 г. развѣдки посланнаго изъ Москвы думнаго дворянина Якова Тим. Хитрова, дѣйствительно окончившіяся неудачно [2]). На стр. 25—29 идутъ разсказы изъ области демонологіи и алхиміи, также о дѣланіи золота, диспутъ протестанта и католика (въ Тобольскѣ) о томъ, въ которой изъ этихъ двухъ церквей сохранились истинные догматы (29—37),—эта часть трактата не имѣетъ отношенія къ Сибири и составляетъ предметъ вспоминаній автора. Послѣ этого приводятся нѣкоторые факты изъ сибирской исторіи, на которыхъ мы и остановимся.

Факты эти: 1) построеніе москвитянами крѣпости на р. Сунгари (fl. Singalum) и разореніе ея китайцами и 2) посольство богдыхана къ нерчинскому воеводѣ для переговоровъ относительно пограничныхъ инородцевъ.

1. «Слишкомъ за 30 лѣтъ предъ этимъ, пишетъ авторъ, москвитяне построили крѣпость около Восточнаго океана на р. Сунгари: посланный китайскій флотъ подплылъ къ крѣпости, и солдаты начали ее брать» [3]). Дѣло окончилось тѣмъ, что крѣпость была разорена. По опредѣленію автора, описанный фактъ относится къ 1650—1652 г. Соображаясь съ данными сибирской исторіи XVII вѣка, на сколько они теперь извѣстны, получимъ слѣдующіе результаты. Рѣку Сунгари впервые посѣтилъ Онуфрій Степановъ, вынужденный искать въ предѣлахъ Китая съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ богдыханъ перевелъ всѣхъ пограничныхъ инородцевъ съ береговъ Амура въ свои владѣнія. Этотъ фактъ относится къ 1653 году. Въ слѣдующемъ году Степановъ повторилъ походъ въ эти страны, но потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ уйти. На Амурѣ

---

[1]) Древн. Рос. Вивл. ч. III, стр. 201. Записки. къ Спб. Ист. служ. [2]) Ibid. стр. 211. [3]) Rel. pag 37: Ante annos 30 et aliquot extruxerant Mosci munitionem prope Orientalen Oceanum supra fluvium Singalum... etc.

было къ этому времени уже нѣсколько русскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ: остроги Ачинскій, Камарскій, но были ли русскія укрѣпленія на р. Сунгари—неизвѣстно. Степановъ засѣлъ въ Камарскомъ острогѣ, гдѣ его осаждали китайцы [1]). Можетъ быть, авторъ имѣетъ въ виду эти событія, не указывая на нихъ точно; вѣрнѣе всего относить этотъ фактъ къ походу Степанова на Сунгари, въ 1654 г., когда онъ встрѣтился на этой рѣкѣ съ китайскимъ флотомъ и сухопутной арміей и долженъ былъ отступать на Амуръ.

2. Относительно другаго факта —посольства къ богдыхану.—Г. П. Спасскій замѣчаетъ, что онъ не нашелъ никакихъ свѣдѣній ни о посольствѣ отъ богдыхана къ нерчинскому воеводѣ, ни отъ послѣдняго къ богдыхану, и предполагаетъ, что это было посольство 1649 г., вслѣдствіе грамоты манджурскаго владѣтеля Джу-Ханди [2]). Но первое русское посольство въ Китай, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, относилось къ 1652 году, оно направлялось изъ Тобольска въ составѣ двухъ лицъ—боярскаго сына Петра Андр. Ярыжкина и бухарца Сеткуна Алблина [3]). Притомъ, противъ предположенія Г. П. Спасскаго говоритъ и обозначеніе времени: авторъ замѣчаетъ, что посольство произошло «за 10 лѣтъ передъ тѣмъ» [4]), и далѣе: «почти по прошествіи 3-хъ лѣтъ послѣдовало отправленіе Спаѳарія» [5]). Слѣдовательно, посольство это, по опредѣленію автора, слѣдуетъ полагать между 1670—1671 годами. Подъ 1670 годомъ, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ извѣстіе о посольствѣ, въ «Запискахъ изъ Сибирской Исторіи служащихъ»: «Присылалъ китайской царь къ Дауры, въ нерчинскіе остроги, августа въ 18-й день, пословъ своихъ Зайсана Мунгучея и подъячева и просили они у Данилы пословъ къ своему царю, а въ томъ аманатовъ въ закладѣ оставливалъ» [6]). Вслѣдствіе этого «нерчинскій воевода Д. Аршинскій послалъ въ Китай Игнатья Милованова да Григорія Кобякова съ товарищи». При отпускѣ изъ Китая имъ былъ данъ листъ къ московскому государю [7]). Основываясь, главнымъ образомъ, на хронологическихъ

[1]) Фишеръ, Сибирск. Истор. Спб. 1774, стр. 615—617. ср. Словцова, Ист. Обозр. Сиб. Спб. 1886, стр. I, 49, 50. [2]) Сиб. Вѣстн. ч. XVIII, стр. 84, 85 и примѣч. 35 къ изданію 1821 г. стр. 47. [3]) Древн. Рос. Впвл. Изд. 2-е ч. III, 180. «Записки etc.» Ср Очеркъ сношеній Россіи съ Китаемъ чрезъ Сибирь ст. Арсеньева, въ Путешествіи Н. Г. Спаѳарія. [4]) ...ante 10 circiter annos, p. 38 по изд. 1821 г. [5]) ...elapso deinde fere triennio... p. 39 ibid. [6]) Древн. Рос. Впвл. Изд. 2-е ч. III, стр. 218. Ср. Словцова Истор. Обозр. Сиб. Спб. 1886, I, 111, 112, II, XI. [7]) Апрѣля 9 7178 г. по указу Государеву посланы: «Васка Миловановъ, Игнашка Миловановъ, Антонко Хилевъ, Гришка Кобяковъ въ Китайское государство». Доп. къ Акт. Ист. VI, 6, I, IV.

данныхъ, можно, кажется, отнести этотъ фактъ къ 1670 году, имѣя въ виду еще и то обстоятельство, что авторъ повѣствованія говоритъ о посольствѣ къ богдыхану.

Остается еще нѣсколько описанныхъ авторомъ событій, относящихся къ исторіи Сибири XVII вѣка, но за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ весьма трудно, даже и предположительно, указать, къ какому времени они относятся. Для полноты обозрѣнія, мы коснемся въ короткихъ словахъ и этихъ фактовъ.

За разсказомъ о посольствѣ Н. Г. Спаѳарія, помѣщеннымъ вслѣдъ за повѣствованіемъ о посольствѣ въ Китай отъ нерчинскаго воеводы, мы читаемъ (стр. 40), что одинъ воевода, оскорбившій сестру енисейскаго полковника, былъ убитъ послѣднимъ. Опасаясь мести, этотъ скрылся съ нѣсколькими товарищами и на р. Абазинѣ построилъ крѣпость Абазинскую [1]). Авторъ относитъ это событіе къ 60-мъ годамъ XVII вѣка. Можетъ быть, фактъ этотъ относится къ 1669 г. и касается возобновленія Албазина [2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ одинъ красноярскій солдатъ собралъ нѣсколько человѣкъ товарищей, отправился съ ними и на р. Селенгѣ построилъ первый городъ [3]). Какой это городъ, также опять рѣшить нельзя; принять г. Селенгинскъ, о которомъ «почти достовѣрно», какъ говоритъ Словцовъ [4]), что онъ существовалъ около 1666 г., нельзя—изъ соотношенія двухъ послѣднихъ событій, а также и потому, что достовѣрно неизвѣстенъ годъ его основанія [5]).

Обращаясь къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя относятся къ покоренію Сибири, мы найдемъ, что они отличаются въ высшей степени оригинальными чертами. Авторъ дастъ весьма цѣнныя данныя, которыя много объясняютъ въ этомъ запутанномъ вопросѣ и которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны будутъ лечь въ основу будущаго построенія начальной сибирской исторіи. Таковы свѣдѣнія автора о фамиліи Строгоновыхъ и собственно о завоеваніи Сибири. Для удобства, разсмотрѣніе ихъ предлагается каждаго въ отдѣльности.

1. Автору хорошо была извѣстна дѣятельность Строгоновыхъ въ

---

[1]) 40 p.: Supra fluvium dictum Abazin munitionen construxerunt. [2]) Ср. Словцовъ. Ист. Об. Сиб. Спб. 1886, I, 101. [3]) 40 p.: pervenerunt ad flumen Selengam... munitionem extruxerunt. [4]) Ист. Об. Сиб. I, 125. [5]) Достовѣрно извѣстно, что г. Селенгинскъ существовалъ въ 1673 году, что видно изъ грамоты Туринскому воеводѣ Ивану Суздальцеву: «А изъ Тобольска велѣно послать ихъ, Демку и проч. Енисейскаго уѣзда въ Селенгинскій острогъ». П. Собр. Зак. т. I, № 562 и Дополн. къ Акт. Ист. VI, 95, II.

сибирской окраинѣ и ихъ выдающееся положеніе въ Московскомъ государствѣ. Такъ какъ дѣятельность ихъ связана съ покореніемъ Сибири, то поэтому является необходимымъ остановиться на тѣхъ извѣстіяхъ, которыя далъ авторъ повѣствованія. а также является необходимымъ замѣтить, что извѣстія эти даютъ весьма прочное основаніе для сужденія о дѣятельности ихъ. Они устраняютъ многое изъ вопроса о Строгоновыхъ, который имѣетъ уже свою весьма обширную литературу, ибо представляютъ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, на основаніи которыхъ можно опредѣлить ихъ юридическое положеніе въ Московскомъ государствѣ. Поэтому, мы представимъ подробный разборъ этихъ свѣдѣній:

a) Значеніе Строгоновыхъ. по словамъ автора, прежде всего выражалось въ томъ. что они имѣли титулъ «Именитые Люди»—Imeniti Luidi. Давно уже идетъ споръ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ, и какому юридическому положенію онъ въ постепенномъ рядѣ классовъ Московскаго государства соотвѣтствуетъ. Не излагая этого вопроса въ его цѣломъ, что̀ представляется излишнимъ для нашей цѣли, обратимъ вниманіе только на слѣдующія подробности и разсмотримъ только ту постановку вопроса, которая соотвѣтствуетъ даннымъ Повѣствованія.

b) Объясняя смыслъ этого названія, авторъ указываетъ на то, что Строгоновы въ просьбахъ къ царю подписываются «syrota twoy»—сирота твоій, по обычаю горожанъ и сельскихъ жителей [1])—more oppidanorum et villanorum, но они никогда не подписываются cholop twoy, холопъ твоій, что̀ обыкновенно дѣлаютъ благородные—non se inscribunt more nobilium [2]).

c) Они не несутъ ни военной, ни гражданской службы —nec ad militiam, nec ad curiam vocantur. Въ то же время они изъяты отъ нѣкоторыхъ повинностей —a nonnullis legibus exempti legantur, но совсѣмъ не освобождены отъ податей—pendunt illi suo Regi amplum quotannis tributum.

Изъ этого опредѣленія круга ихъ правъ и обязанностей можно заключить, что они юридически принадлежали къ категоріи посадскихъ и волостныхъ обывателей, но не къ классу благородныхъ,

---

[1]) Сравн. Бѣляева, Крестьяне на Руси. Спб. 1860, стр. 7. [2]) Замѣтимъ, что такъ было не всегда. Есть грамоты, гдѣ Строгоновы величаютъ себя именно такимъ терминомъ: «Царю, Государю и В. Кн. Алексѣю Михайловичу бьетъ челомъ холопъ твой Гришка Строгоновъ»... Доп. къ Акт. Ист. VI, 67, I.

т. е. служилыхъ людей и бояръ, illi vivunt sua negotiatione, т. е. они промышленники, люди торговые.

Но, принадлежа юридически къ классу посадскихъ и сельскихъ обывателей, въ составъ котораго входили промышленники, торговцы и даже занимавшіеся земледѣліемъ [1]), Строгоновы, однако, имѣли преимущества. Они были, напр., изъяты отъ нѣкоторыхъ повинностей. Но преимущества эти были таковы, что они не позволяли имъ переступить грань, отличавшую посадскихъ обывателей отъ людей служилыхъ: они выдѣлялись, пользовались значеніемъ только, какъ говоритъ авторъ,—prae aliis negotiatoribus, слѣд. только въ предѣлахъ своего класса. Опредѣлить строго-юридически положеніе ихъ внутри своего класса не представляется возможнымъ. Они пользовались нѣкоторыми льготами сравнительно съ другими посадскими и промышленными, званіемъ «Именитые Люди», что было результатомъ ихъ заслугъ предъ государствомъ. Кажется, они примыкали къ разряду гостей,—высшему разряду посадскихъ людей [2]). И дѣйствительно, они обладаютъ всѣми правами гостей, что можно прослѣдить по жалованнымъ имъ грамотамъ отъ 4-го апрѣля 1558 г., 25-го марта 1568 г., 30-го мая 1574 г. [3]), правомъ владѣть вотчинами, они были свободны отъ дачи подводъ, правомъ подсудности непосредственно Государю или лицу по его указу и проч. Впослѣдствіи, заслуги ихъ (особенно въ смутное время и въ первое время царствованія династіи Романовыхъ) поставили ихъ юридически выше гостя, что и можно видѣть въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича [4]). «Фактически же они были поставлены „выше гостя“ и при самомъ пожалованіи ихъ званіемъ «Именитые люди» Иваномъ Грознымъ въ 1582 году. Очевидно, что при желаніи выставить исключительное положеніе Строгоновыхъ въ государствѣ необходимо указать и тѣ исключительныя права, которыя давало бы имъ это исключительное положеніе. При такой постановкѣ вопроса обыкновенно указываютъ на

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Лекціи по Истор. Русск. Права. Спб. 1883. 662. [2]) Ibid. стр. 661, 662. [3]) Ф. Г. Миллеръ, Опис. Сиб. Ц. Спб. 1770, гл. II, § 16 (стр. 76, 87). [4]) Пол. С. Зак. т. I, Улож. гл. X, ст. 94: «и будетъ кто обезчеститъ Имянитыхъ людей Строгоновыхъ или Гостя». Пожалуй, при болѣе строгомъ пониманіи этого текста можно было бы возразить, что здѣсь они совсѣмъ не ставятся «выше гостя», ибо поставленъ союзъ *или*, а не *и*, что показываетъ, что именитые люди Строгоновы, *или* гость — все равно. Этимъ они даже какъ бы возводятся изъ болѣе низкой сферы юридическихъ отношеній до категоріи гостей.

право Строгоновыхъ строить крѣпости и держать въ нихъ гарнизоны. Замѣтимъ, что построеніе крѣпостей Строгоновыми было вызвано лишь мѣстными условіями и скорѣе составляло не ихъ право, а обязанность, отъ которой въ концѣ концовъ выигрывало государство. Во-вторыхъ, построеніе крѣпостей указывало бы на исключительное правовое положеніе лицъ тогда, когда оно было бы возведено въ систему, обособлявшую извѣстный кругъ лицъ въ государствѣ, но Московское государство такого права не знало и въ систему не возводило. Въ-третьихъ, если разсмотрѣть документы о родѣ Строгоновыхъ, извѣстные до сего времени, то окажется, что они даже и не имѣли права строить крѣпости, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны были испрашивать позволенія на то у Государя [1]). Слѣдовательно, построеніе Строгоновыми крѣпостей было лишь, говоря словами Гизо, фактомъ, но не правомъ, и характеризовать исключительное правовое положеніе ихъ не могло. Разсматривая права Строгоновыхъ, мы не находимъ среди нихъ ни одного, какимъ не владѣлъ бы и разрядъ гостей.

Итакъ, на основаніи данныхъ Повѣствованія о Сибири, дополненныхъ данными изъ оффиціальныхъ документовъ, о Строгоновыхъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе.

Они принадлежали къ категоріи посадскихъ и волостныхъ обывателей, но заслуги ихъ передъ государствомъ выдѣляли ихъ, но выдѣляли ихъ только въ предѣлахъ этого класса обывателей; такимъ образомъ, они примыкали къ разряду гостей. Хотя уложеніе юридически и ставитъ ихъ «выше гостя», но въ кругу ихъ правъ нѣтъ такихъ, какихъ не имѣлъ бы гость. Поэтому, поставленіе «выше гостя» фактически не дастъ никакихъ правъ, а это есть лишь почетъ, который выразился въ названіи «именитые люди». При неразграниченности сословій въ Московскомъ государствѣ, весьма трудно указать ихъ юридическое положеніе среди классовъ населенія, но ясно, что они принадлежатъ къ классу городскихъ и волостныхъ обывателей. Поэтому, мы отнюдь не принимаемъ мнѣнія Н. Г. Устрялова, который полагаетъ, что Строгоновы «составляли особенное почетное сословіе» [2]). Такого почетнаго сословія не существовало, ибо не было тѣхъ признаковъ, кои его отличали бы.

---

[1]) «И они де у того росолу безъ нашего вѣдома крѣпости учинить не смѣютъ». Грам. Як. Стр. 25 март. 7076 г. Миллеръ, II, § 17. [2]) Устряловъ, Именитые люди Строгоновы. Спб. 1842, стр. 4.

Таковы результаты, которые можно вывести изъ сопоставленія данныхъ Повѣствованія съ документами, относящимися къ исторіи рода Строгоновыхъ, и которые, кажется, болѣе согласны съ фактическими данными.

II. Привиллегіи Строгоновыхъ были, какъ уже указано, результатомъ ихъ великихъ заслугъ передъ государствомъ, выразившихся и въ покореніи Сибири. Объ участіи ихъ въ этомъ дѣлѣ авторъ Повѣствованія передаетъ въ такихъ словахъ.

«Въ числѣ многихъ разбойниковъ, производившихъ повсюду грабежи въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго и старавшихся отъ него укрыться, былъ одинъ разбойникъ, который грабилъ путниковъ по Волгѣ на судахъ и на сухомъ пути,—по имени Ермакъ (quidam pirata nomine Jarmacus). Услышавъ, что противъ него выслано сильное войско, онъ, оставивъ суда (relictis scaphis), собрался со своими товарищами и отправился по направленію къ востоку. Когда они достигли города Вычегды, то встрѣтили здѣсь одного солепромышленника, человѣка богатаго, по прозванію Строгонова (cognomento Strogonem), потомки котораго еще и до сего времени занимаютъ тѣ мѣста, владѣютъ обширными дачами и ведутъ большія дѣла. Когда этотъ промышленникъ увидѣлъ себя окруженнымъ разбойниками, то по необходимости долженъ былъ оказать имъ щедрость [1]). Онъ обѣщаетъ снабдить ихъ и немедленно, и на будущее время запасами, оружіемъ, одеждой, вьючнымъ скотомъ, телѣгами,—лишь бы они не раззорили его промысловъ [2]).

Разбойники приняли это условіе и, въ изобиліи снабженные всѣмъ для долгаго путешествія, отправились въ Сибирь.

Когда они прибыли къ р. Тоболу (въ началѣ весны), то приготовили себѣ лодокъ (такъ какъ казаки не невѣжды въ этомъ искусствѣ) и, сжегши телѣги, перебивши скотъ, по теченію р. Тобола спустились къ Иртышу.

Здѣсь немедленно они построили укрѣпленіе и занимались грабежемъ татаръ; изъ нихъ, кого захватывали, принуждали къ выкупу.

На разстояніи 6 миль [3]) оттуда находился городъ Сибирь (oppidum dictum Sibir), мѣстопребываніе одного татарскаго царька—Кучума. Высылаемые имъ татары много разъ вступали въ битвы съ казаками, но почти всегда отступали разбитыми, поражаемые

[1]) Ex necessitate finxit liberalitatem. [2]) Dummodo negotia ipsius illi non inverterent. [3]) Illinc autem leucis sex distabat.

огнестрѣльнымъ оружіемъ, пока наконецъ Ермакъ, подавленный превосходствомъ силы, не палъ.

Оставшіеся казаки засѣли въ укрѣпленіи. Немедленно посылаютъ они въ Москву гонцовъ съ извѣстіемъ, что если царь проститъ ихъ и подастъ во время помощь, то они добудутъ ему новое царство.

Царь согласился на ихъ просьбу и послалъ начальника съ оружіемъ, жалованьемъ и отрядомъ войска.

Немного спустя послѣ этого царекъ Кучумъ умеръ.

Сынъ же его, приглашенный начальникомъ казаковъ яко бы для переговоровъ по заключенію мира, былъ убитъ [1]) во время пира, потому-де не съ такимъ усердіемъ пилъ за здоровье московскаго царя. Городъ Сибирь былъ разрушенъ казаками.

Отъ этого городка, бывшаго первымъ пріобрѣтеніемъ, русскіе назвали всѣ провинціи, вблизи и вдали отъ него лежащія, именемъ Сибири, хотя каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе или отъ рѣки, которой орошается, или отъ имени народа, обитающаго въ ней.

Впослѣдствіи москвитяне, подвигаясь къ востоку, покорили и остальныя провинціи, воздвигая тамъ и сямъ укрѣпленія и наполняя ихъ гарнизонами».

Такимъ образомъ, отсюда ясно, что въ этомъ повѣствованіи отразились различныя легенды, ходившія по Сибири послѣ ея завоеванія въ средѣ туземнаго населенія. Можно предполагать, что авторъ не былъ знакомъ съ письменными памятниками, имѣвшими предметомъ описаніе покоренія Сибири. Онъ писалъ свое сочиненіе уже по возвращеніи изъ Сибири, въ Вильнѣ, спустя 5—6 лѣтъ послѣ возвращенія, описывалъ „quod debilis retinuit memoria“—то, что удержала слабая память. Если бы онъ читалъ какія-либо записки или лѣтописи, онъ, безъ сомнѣнія, упомянулъ бы о нихъ. Но онъ этого не дѣлаетъ. Притомъ, въ его записки вошли такія преданія, которыя вошли потомъ, уже гораздо позже, въ русскую лѣтопись С. Ремезова. Отсюда мы въ правѣ предположить, что авторъ писалъ это повѣствованіе о покореніи Сибири на основаніи мѣстныхъ разсказовъ, что̀ еще болѣе возвышаетъ цѣнность его записокъ.

Итакъ, прослѣдимъ главные моменты его разсказа, опредѣливъ, по возможности, отношеніе его записокъ къ русскимъ источникамъ.

1) Ермака считаетъ авторъ разбойникомъ, укрывшимся къ Строгонову, который по необходимости дастъ ему все нужное для по-

---

[1]) Epulis exceptus.

хода. Такимъ образомъ участіе Строгоновыхъ представляется невольнымъ. Въ этомъ отношеніи авторъ записалъ тѣ преданія, которыя затѣмъ, въ концѣ того же вѣка, лѣтъ черезъ 20 слишкомъ, были записаны тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ и вошли потомъ въ его лѣтопись. Также сходны описанія ихъ и въ томъ, что Ермакъ зимовалъ у р. Тобола, только Ремезовъ говоритъ, что Ермакъ дѣлалъ набѣги, и «кормился отъ вогуличей», и затѣмъ уже, вытребовавъ пособіе отъ Строгоновыхъ, двинулся въ походъ.

2) Извѣстіе о смерти сына Кучума, убитаго во время пира, есть отголосокъ тѣхъ преданій, которыя записалъ въ своей лѣтописи одинъ лѣтописецъ, какъ полагаютъ, въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка, Савва Есиповъ, по мнѣнію однихъ—казакъ, сподвижникъ Ермака, по мнѣнію другихъ—дьякъ сибирскаго митрополита. Но авторъ «Повѣствованія о Сибири» и Есиповъ передаютъ различно: легенда эта потерпѣла здѣсь уже измѣненія: на мѣсто Сайдака, вѣроломно убитаго воеводой Чулковымъ [1]), въ Повѣствованіи подставленъ сынъ Кучума.

Таковы данныя Повѣствованія, касающіяся исторіи Сибири. Разсматривая ихъ въ общемъ, нельзя не замѣтить между ними нѣкоторой разницы, состоящей въ томъ, что одни описаны весьма точно и обстоятельно, таковы только-что разобранныя извѣстія, которыя касаются Строгоновыхъ и завоеванія Сибири: они предварили въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстія русскихъ лѣтописей и, по нашему мнѣнію, должны быть приняты за основу для будущаго описанія этого момента сибирской исторіи: на другихъ же извѣстіяхъ (сюда относятся отправленіе посольства отъ перминскаго воеводы, построеніе крѣпости на рр. Сунгари, Селенгѣ и проч.) какъ бы отразились слова автора, сказанныя имъ въ письмѣ къ Горну: «Sibiriam tibi non tam describo, quam delibo»: и дѣйствительно, его слова оправдались на описаніи указанныхъ выше фактовъ.—онъ ихъ только лишь касается. Историческое значеніе этой части Повѣствованія обусловливается вообще состояніемъ документовъ по исторіи Сибири XVII в. Вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы опредѣлить мѣсто и время для фактовъ, указанныхъ бѣглою авторомъ Повѣствованія; по этого пока сдѣлать, кажется, невозможно, вслѣдствіе пробѣловъ въ сибирской исторіи XVII в. Но разъ пріуроченные, они дадутъ весьма цѣнный матеріалъ, ибо заключаютъ въ себѣ много новыхъ и оригинальныхъ чертъ.

---

[1]) Есиповск. л., гл. XXXII, по изд. Небольсина.

Кто же былъ авторомъ этого «Описанія Сибири»?

Г. Безсоновъ въ своей біографіи извѣстнаго славянскаго дѣятеля XVII в., Юрія Крижанича, помѣщенной въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1870 годъ, упоминаетъ, между прочимъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ «современникъ и знакомъ съ І. Карамуэлемъ», и въ примѣчаніи объясняетъ, что извѣстіе это почерпнуто «изъ сочиненія, котораго мы пока не цитуемъ» [1]). Далѣе онъ упоминаетъ, что былъ, впрочемъ, на Москвѣ одинъ человѣкъ, и только одинъ, съ кѣмъ Юрій ознакомился близко. Это былъ знаменитый Б. И. Морозовъ» [2]), и затѣмъ г. Безсоновъ снова приводитъ цитату изъ сочиненія Ю. Крижанича, но также безъ означенія названія этого сочиненія, а дѣлаетъ ссылку на предыдущее указаніе. Говоря о послѣднихъ годахъ жизни Ю. Крижанича, біографъ приводитъ изъ сочиненія Кукулевича-Сакцинскаго выписку такого рода: «Изъ Сибири переписывался Крижаничъ съ славнымъ географомъ Н. Витзеномъ, который помѣстилъ его отзывы въ своихъ сочиненіяхъ» [3]) и, поправляя этого автора, замѣчаетъ: «Сочинитель (т. е. Н. Витзенъ) цѣликомъ приводитъ данныя, полныя живѣйшаго интереса, описанія Сибири со словъ очевидца, долго тамъ живнаго, нашего Крижанича! Однако, вовсе не изъ переписки его, какъ полагалъ г. Кукулевичъ, а изъ цѣлаго сочиненія, которое написалъ Юрій по освобожденіи изъ Тобольска, и притомъ въ качествѣ польскаго духовнаго лица» [4]).

Отсюда мы узнаемъ, что Крижаничъ написалъ отдѣльное сочиненіе о Сибири, по возвращеніи изъ Тобольска, но какое это сочиненіе, изъ біографіи г. Безсонова остается неизвѣстнымъ. Сличивъ всѣ цитаты, приведенныя біографомъ Крижанича изъ его труда [5]), а также извѣстія Витзена съ извѣстіями «Повѣствованія о Сибири» [6]),

---

[1]) Прав. Обозр. 1870, т. I, стр. 705. [2]) Ibid. II, 824, 825. [3]) Ibid. I, 391. [4]) Ibid. I, 393. [5]) Relat. 15: Auctoritatis summae vir... etc. Упоминаніе объ І. Карамуэлѣ. [6]) Noord een Oost Tartarye v. II, p. 737 со словъ: Fredericus Krizanicz, Poolsch Monnik... до словъ: ...van hunne Tzaerische Majesteiten eertyds zijn geschonken. Relat. de siberia, по изд. 1821 г., стр. 2: Cujus posteri etiamtum .. до словъ: ..significanti orphanellum sive pupillum. II со словъ: De Fliet Tom, die boven in de Oby stont... до словъ: ...ten einde de Rivirier de Ket mede geschied, и R. d. Sib. Стр. 4: Quo flumine adverso intrant Tomum... Jenisseio flumini important. Авторъ опровергаетъ мнѣніе О. Бодянскаго, утверждающаго, что Крижаничъ былъ первопачально сосланъ не въ Тобольскъ (пред. къ Граматично Исказаніе. Чт. московск. общ. ист., годъ IV, кн. I, стр. XV), а въ другое какое-то мѣсто Сибири, на что есть указаніе и въ Relatio: Presbyter quidam erat Jenisseii nomine Demetrius... mihi familiariter

и, припомнивъ нѣкоторыя данныя объ авторѣ, которыя были выведены выше изъ этого сочиненія, мы убѣждаемся, что Relatio de Siberia принадлежитъ Юрію Крижаничу.

III. Николаій Витзенъ (Nicolaes Witzen, Witsen: род. 1640, ум. 1717), бургомистръ города Амстердама, знаменитый географъ и одинъ изъ видныхъ государственныхъ людей своего времени [1]),— принадлежалъ къ числу весьма образованныхъ и ученыхъ людей конца XVII и начала XVIII вѣка. Мы не намѣрены здѣсь излагать его біографію, ибо, съ одной стороны, не имѣемъ для этого средствъ, съ другой-же—жизнь его должна разсматриваться въ связи съ политической и умственной жизнью Западной Европы его времени; здѣсь мы намѣрены лишь указать бѣгло на самые выдающіеся факты его жизни, преимущественно останавливаясь на русскихъ его отношеніяхъ.

Происходилъ онъ изъ знатнаго рода, пользовавшагося издавна уваженіемъ въ Голландіи и давшаго ей не мало дѣятелей. Отецъ Николая Витзена, Корнелій, былъ извѣстенъ, какъ знатокъ морскаго дѣла; онъ оставилъ послѣ себя записки, обработанныя и изданныя впослѣдствіи сыномъ [2]), а племянникъ Ламбертъ былъ извѣстенъ, какъ теологъ: онъ велъ переписку съ выдававшимися учеными, напр. съ извѣстнымъ въ свое время Гопертомъ [3]).

---

notus. Показаніе же Витзена, если на немъ основываться, неопредѣленно: welke longe jaren tot Toboll heeft gewoont. N. e. O. T. II, 737. Въ 1675 Крижаничъ жилъ въ Тобольскѣ, что видно изъ помѣты на «Обличеніи соловецкой челобитной». По словамъ г. Маркевича, у г. Безсонова хранится «большое сочиненіе Крижанича, написанное имъ по пріѣздѣ изъ Сибири». Достойно сожалѣнія, что тѣ свѣдѣнія, которыя находятся у г. Безсонова, еще неизвѣстны. См. Маркевича Юрій Крижаничъ. В. 1876 г., стр. 223. У преосв. Филарета въ его Обзорѣ духовной литературы (I, 239) о Relatio de Siberia никакихъ свѣдѣній не имѣется. [1]) Biographie Universelle, vol XLIV. pag 735 Sqq. et Supplementa. pag 189. На русскомъ языкѣ нѣтъ біографіи Витзена; есть только извлеченіе изъ біографіи, написанной Миллеромъ, сдѣланное г. Клеваповымъ, (Врем. Моск. Общ. Ист. и др. II, 13–16), но весьма неудовлетворительное. Свѣдѣнія о Витзенѣ вообще можно найти у Миллера, написавшаго краткую его біографію Samml. Rus. Gesch. Bd. I, у Схельтемы Rusland en de Nederlanden, также у Пекарскаго. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться книгою: Prospectus de l'ouvrage de Witzen etc. Amst. 1785. [2]) Aeloude en hedendaegsthe Scheens-Bouw en Bestier etc., т. е. старинное и современное искусство судостроенія и мореплаванія и проч. См. Müller, Samml. Rus. Gesch Bd. I. 197. [3]) Scheltema. Rusland en de Nederlanden. Amst. 1818, Bd. III, 137 138; II, 67.

Будучи весьма любознательнымъ, Витзенъ много путешествовалъ. Онъ посѣтилъ всѣ главнѣйшія государства Европы [1]); особенно привлекали его неизвѣстныя страны Восточной Европы, и онъ искалъ случая посѣтить и изслѣдовать ихъ. Случай этотъ представился въ 1664 году, когда Голландія посылала посольство, подъ начальствомъ I. Бореля (I. Borεel) въ Москву [2]). Витзенъ присоединился къ этому посольству и отправился съ нимъ въ Московію. Здѣсь онъ оставался въ продолженіе трехъ лѣтъ и въ это время объѣздилъ почти всѣ страны, входившія тогда въ составъ Московскаго государства: [3]) такъ онъ былъ на берегахъ Каспійскаго моря, и, какъ видно изъ одного мѣста его сочиненія о Россіи, изданнаго имъ впослѣдствіи, онъ доѣзжалъ даже до границъ Сибири и былъ на р. Чусовой [4]). Во время пребыванія своего въ Москвѣ Витзенъ научился русскому языку [5]). Позднѣе, чрезъ 20, 30 лѣтъ своей жизни, Витзенъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ своемъ пребываніи въ Московіи [6]),—здѣсь онъ вполнѣ могъ удовлетворить своимъ научнымъ стремленіямъ: здѣсь онъ собралъ обширный матеріалъ, вошедшій потомъ въ его сочиненіе о Татаріи; здѣсь же, говоритъ Схельтема, въ немъ впервые зародилась мысль о томъ, чтобы описать эти никому невѣдомыя страны [7]). Благодаря своему умѣнью сходиться съ людьми, Витзенъ скоро познакомился съ выдававшимися лицами, которыя по своему общественному положенію или знаніямъ могли быть ему полезными: такъ познакомился онъ съ Избрандесомъ, Я. Долгорукимъ, Украинцевымъ [8]), а его знакомство съ Виніусомъ, извѣстнымъ сподвижникомъ Петра Великаго, человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ [9]), которое поддерживалось и послѣ отъѣзда Витзена изъ Москвы, было для него чрезвычайно важно въ научномъ отношеніи, ибо чрезъ него онъ получалъ этнографическіе матеріалы и для себя, и для Лейбница [10]). Кромѣ того онъ пользовался всякимъ

[1]) Ibid. II, 67. [2]) Scheltema, ibid. I, 266. Adelung II, 338. [3]) Noord en oost Tartarye, 1705, Praef. 2 Въ Москвѣ онъ завелъ сношенія съ Дворомъ и два раза былъ представленъ царю Алексѣю Михайловичу. Ibid. 715. Müller. Samml. Rus. Gesch. Bd. I, 200. Ж. М. Н. Пр. ч. 147, 34. [4]) Noord en oost Tartarye, Amst. 1705. II, 736. Jermakowa gora... als ik zelfs gezien hebbe. [5]) Письмо къ Лейбницу отъ 19 янв. 1701 г. въ ст. Герье: Отношенія Лейбница къ Петру. В. Журн. М. Н. Пр. ч. 147, 30. [6]) Ibid., стр. 34, 35. [7]) Scheltema I, 280, 281. [8]) Ibid. II, 70. [9]) Думный дьякъ Андр. Анд. Виніусъ. «Иностранецъ великаго искусства и чрезвычайнаго прилежанія и усердія къ распространенію общей пользы»—такъ характеризуетъ его Миллеръ. Сиб. Ист. въ Ежем. Сочин. 1764, т. I, стр. 527. Въ 1702 году съ 15 окт. до 20 ноября онъ былъ въ Тобольскѣ. [10]) Письмо къ Лейбницу, 22 янв. 1699 г. указ. ст. проф. Герье. Ж. М. Н. Пр ч. 147, 31.

случаемъ, чтобы получить свѣдѣнія объ интересовавшихъ его предметахъ: въ введеніи къ своему труду онъ самъ говоритъ, что не пропускалъ ни одного случая, «я разговаривалъ, пишетъ онъ, съ природными татарами, греками, персами и тѣми людьми, которые такъ или иначе побывали въ Татаріи»; а природныхъ китайцевъ онъ заставлялъ переводить татарскія и китайскія рукописи [1]). И позже, уже по выѣздѣ изъ Московіи, Витзенъ интересовался тѣмъ, что въ ней происходило: онъ переписывался съ нѣкоторыми изъ придворныхъ русскихъ [2]) и съ Виніусомъ, который доставлялъ ему образцы иногородческихъ нарѣчій. Его занимало распространеніе христіанства въ Азіи, хотя бы въ формѣ православія, ибо въ распространеніи его онъ видѣлъ и распространеніе европейской цивилизаціи [3]).

Результатомъ путешествія Витзена по Московіи была изданная имъ въ 1687 году карта восточной и южной части Европы и Азіи, стоившая ему 20 лѣтъ труда [4]). Это была первая карта, дававшая болѣе или менѣе вѣрное понятіе о тѣхъ странахъ [5]): она была посвящена царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и была поднесена имъ чрезъ голландскаго посла въ Россіи, барона фонъ-Келлера. Въ отвѣтъ на это поднесеніе, которое особенно пріятно было Петру, Витзенъ получилъ привиллегію на продажу ея въ Россіи, а нѣсколько позже и письмо отъ имени обоихъ царей, въ которомъ они заявляли ему свою благодарность [6]).

Этому амстердамскому сановнику и ученому весьма многимъ обязанъ Петръ Великій. Когда государь этотъ отправился въ 1697 г. въ путешествіе и прибылъ, между прочимъ, въ Голландію, то генеральные штаты и магистратъ Амстердама поручили Витзену, какъ лицу, знакомому съ русскимъ языкомъ и обычаями, принять и сопровождать

---

[1]) Noord en Oost Tart., Praef. 2. [2]) Къ нему были отправляемы, между прочимъ, образцы рудъ для изслѣдованія, и даже, какъ передаетъ Схельтема, чрезъ него былъ заказанъ въ 1685 г. славянскій шрифтъ для типографіи въ Москвѣ и грузинскій для кн. Багратіона. На его пожертвованіе была выстроена въ Москвѣ въ 1684 г. реформатская церковь. Scheltema, II, 71. [3]) Указ. ст. Герье. Ж. М. Н. Пр. ч. 147, 30. [4]) Nieuwe Landkaart van het Noorder en oster-deel van Asie en Europa, strekkende van Nova Sembla tot China. [5]) Отзывы о ней см. у Миддендорфа Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, т. IV, 1, 34. Ср Филаретъ. Обзоръ Духовн. Литер. Изд. 3-е Спб. 1884, стр. 223. Она помѣщена въ прил. къ Recueil des voyages au Nord, vol VIII. Впослѣдствіи она была издана съ исправленіями Избрандеса, который имѣлъ первое изданіе ея во время своего путешествія въ Китай. Scheltema II, 92. [6]) Оно приведено въ переводѣ на гол. яз. у Схельтемы въ ук. соч.

царя въ его поѣздкахъ по Голландіи [1]). И дѣйствительно, выборъ былъ произведенъ какъ нельзя удачнѣе. Витзенъ могъ дать именно то, чего искалъ Петръ. Онъ былъ знатокомъ морскаго дѣла, извѣстенъ, какъ авторъ трактата о мореплаваніи, а такіе люди и были нужны Петру; Витзенъ былъ знакомъ съ людьми, выдававшимися по своимъ знаніямъ. И вотъ Витзенъ ведетъ его къ математику Альбертсону фонъ-Дамъ, который учитъ царя математикѣ: задумалъ царь поучиться черченію, и Витзенъ представляетъ его Адаму Силю; Витзенъ сопровождаетъ Петра во всѣхъ его экскурсіяхъ—и въ кабинетъ знаменитаго анатома Рюйша они ходили вмѣстѣ [2]). Морское дѣло, бывшее для Петра дороже всего на свѣтѣ, интересовало и Витзена; неудивительно поэтому, что при такомъ сходствѣ вкусовъ и стремленій отношенія ихъ получили дружескій характеръ. Въ Гагѣ Петръ Великій жилъ нѣкоторое время у Витзена, а въ Амстердамѣ часто его навѣщалъ [3]), осматривалъ его кабинетъ рѣдкостей и даже выпросилъ себѣ одну вещь [4]). По ходатайству Витзена Петръ Великій получилъ возможность работать на верфи ость-индской компаніи, гдѣ для этого случая былъ даже заложенъ новый корабль [5]).

Но и Витзенъ, все объясняя царю и дѣлая ему услуги, самъ въ свою очередь не упускалъ случая удовлетворять своей любознательности: по-прежнему его занимаютъ невѣдомыя страны, и онъ разспрашиваетъ царя о разныхъ отдаленныхъ областяхъ того царства, которымъ править выпало на его долю, о народахъ, подвластныхъ царю, и «Государь, писалъ онъ потомъ къ Лейбницу, всегда отвѣчалъ на мои любознательные вопросы» [6]). И впослѣдствіи сношенія ихъ не прерывались, Петръ Великій давалъ ему даже политическія порученія. Изъ писемъ, которыя напечаталъ Пекарскій въ приложеніи къ своему труду, видно, что въ 1698 г. Петромъ были посланы Витзену двѣ граматы, —одна —для передачи англійскому королю, другая—голландскимъ штатамъ [7]). Въ 1699 г. въ апрѣлѣ Витзенъ поздравляетъ царя съ «здравымъ возвращеніемъ изъ такого своего преславнаго похода изъ-подъ Азова» [8])

---

[1]) Ук. ст. Герье. Ж. М. Н. Пр. ч. 147, 35. [2]) Пекарскій. Наука и Литература при Петрѣ. Великомъ, т. I, стр. 6. 8, 9. [3]) Ук. ст. Герье. Ж. М. Н. Пр. ч. 147, 35. [4]) Lettres de Critique, d'histoire etc. par. G. Cuper. Ams. 1742, pag. 212: une chose aussi extraordinaire plut tant au Czar de Moscovie, que sa Majesté demanda la premier Phiole dont M. Witsen lui fit présent. (Письмо Купера къ Аб. Биньону 23 дек. 1708). [5]) Соловьевъ, Истор. Рос. т. XIV, 238 [6]) Ук. ст. Герье. Ж. М. Н. Пр. ч. 147, 35. [7]) Пекарскій. Наука и Литер. при Петр. Вел. I, 517, 519. [8]) Ibid, I, 518.

Царь не забываетъ Витзена и среди треволненій Сѣверной войны: онъ ведетъ чрезъ него сношенія съ другими учеными: въ 1701 году онъ послалъ бургомистру «скляницу съ яцерицами и червяками» для передачи Рюйшу [1]). Въ 1705 году Петръ послалъ Витзену одежду и описаніе трупа одного неизвѣстнаго человѣка, прибитаго къ берегу волнами сѣвернаго океана, присоединяя просьбу опредѣлить его національность [2]). Изъ переписки Купера видно, что царь посылалъ иногда своему амстердамскому пріятелю рѣдкія вещи [3]).

Какъ было уже замѣчено выше, отношенія Витзена и Петра Великаго отличались дружественнымъ характеромъ, чему много способствовало и сходство ихъ интересовъ. Но кромѣ этой сферы частныхъ отношеній, были такого рода отношенія, гдѣ Витзенъ выступалъ не какъ ученый географъ, но какъ лицо оффиціальное, представитель генеральныхъ штатовъ, и это послѣднее обстоятельство должно было имѣть свое вліяніе и вносить въ эти отношенія черты, на первый разъ непонятныя, но которыя можно объяснить, принявъ указанную точку зрѣнія. Уже упомянуто о томъ, что Петръ В. иногда давалъ Витзену порученія политическаго характера, и порученіе 1698 г. не было единственнымъ. Имѣется еще донесеніе Витзена царю отъ 1700 г. Но слѣдуетъ прежде замѣтить, что измѣненіе политическихъ отношеній ко времени карловицкаго конгресса было не въ пользу Россіи, и посредничество Англіи и Голландіи, въ виду предстоявшей войны за испанское наслѣдство, болѣе склонялось на сторону Австріи [4]). Относительно дѣйствій голландскаго посла на конференціи 1699 года Витзенъ доносилъ государю, о чемъ извѣстно изъ письма Виніуса къ Петру. «Съ сею почтою, государь, пишетъ Виніусъ, Витзенъ доноситъ, что Голландскій писалъ къ Статамъ, что турки посредство англійскаго посла и голландскаго пріятно воспріяли, и въ дѣло тѣ послы вступили и обѣщали все дѣлать, что къ пользѣ вашей государской принадлежитъ» [5]). Но этимъ дѣло и ограничилось, такъ какъ послы дѣйствовали совершенно въ обратномъ смыслѣ, что видно изъ донесеній Украинцева. Онъ писалъ: «съ послами цесарскимъ, англійскимъ... по сіе время не видался, потому

---

[1]) Письмо Рюйша къ Петру Вел. у Пекарскаго ук. соч. I, 520—521. [2]) Scheltema, Rusland en de Nederlanden. III, 132. [3]) Lettres de Critique, d'histoire etc. par G. Cuper. Amst. 1742, p. 74, 75. Письмо Купера къ Ла-Крозу: Le Czar lui fait envoyer les raretés qui s'y trouvent. Il m'a communiqué les empreintes de quatre figures d'or. 1710 a. [4]) Соловьевъ, Ист. Рос. XIV, 302; Устряловъ. Исторія царств. Петра Вел. Спб. 1858, т. III. 252. 254. [5]) Пекарскій, Наука и Литер. при П. В. I, 519.

что порта не допускаетъ... а между собой и съ турками безпрестанныя имѣютъ конференціи, а ко мнѣ ни съ чѣмъ не отзываются... Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турецкую сторону, и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому Государю» [1]).

Это завѣдомо ложное донесеніе Витзена Петру Великому относительно дѣйствій голландскаго посла объясняется, кажется, именно этой указанной выше точкой зрѣнія: съ этой же точки зрѣнія становятся понятными нѣкоторые, на первый взглядъ странные, факты изъ личныхъ сношеній Витзена съ Петромъ В., во время пребыванія послѣдняго въ Голландіи. Между прочимъ, Петру желательно было послать въ Россію нѣсколько желѣзныхъ мастеровъ, и онъ обратился за этимъ къ Витзену. Какъ поступилъ послѣдній, видно изъ письма Петра В. къ Виніусу: «что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, то въ томъ дѣлѣ бургомистръ Витцынъ можетъ радѣніе показать и сыскать, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ»... и въ другомъ письмѣ: «о желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витзену—только онъ отъ меня отходилъ московскимъ часомъ» [2]).

Изъ приведенныхъ фактовъ можно, кажется, видѣть, что, помогая Петру въ его просвѣтительныхъ стремленіяхъ, Витзенъ поступалъ нѣсколько иначе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло заходило въ сферу государственныхъ отношеній, или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось прямо усиленія матеріальной силы Россіи. Здѣсь видна боязнь передъ возникавшимъ могуществомъ новой державы и обычный способъ дѣйствій иностранцевъ по отношенію къ ней, начавшійся еще съ временъ Ивана Грознаго.

Витзенъ находился въ перепискѣ съ многими учеными своего времени. Кромѣ сношеній, которыя онъ велъ съ Лейбницемъ [3]), Витзенъ переписывался съ лейденскимъ проф. Гронертомъ, Г. Блейсвикомъ, Кунеромъ, Граафіемъ и проч. Изъ переписки его съ Лейбницемъ обнаруживается, что послѣдній просилъ Витзена, какъ человѣка, приближеннаго къ Петру, повліять на послѣдняго въ рѣшеніи восточнаго вопроса, состоявшаго въ то время въ изгнаніи турокъ изъ Европы, а также, чтобы царь позаботился о распространеніи православія въ Азіи въ оппозицію католицизму. Лейбницъ получалъ

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос, XIV, 308, 309. [2]) Соловьевъ, Ibid. 240. [3]) Нѣкоторыя письма между ними напечатаны въ статьѣ Герье: «Отношенія Лейбница къ Петру Великому». Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 147.

отъ Витзена нѣкоторые этнографическіе матеріалы и образцы инородческихъ нарѣчій. Изъ переписки Купера [1]) можно видѣть, что Витзенъ интересовался вопросами сибирской археологіи и этнографіи: въ письмѣ Купера къ Ла-Крозу [2]), мы находимъ такое извѣстіе: «знаменитый Витзенъ сообщаетъ мнѣ, что недавно вблизи Тобола, Тюмени и Верхотурья на равнинѣ найдены курганы, и открыты пещеры со сводами...» [3]) и т. д. Витзенъ имѣлъ свой археологическій музей [4]), въ которомъ находились нѣкоторыя древности, дошедшія къ нему изъ Сибири [5]).

Теперь переходимъ къ учено-литературнымъ трудамъ Витзена. Кромѣ трактата о мореплаваніи и карты, о которыхъ упомянуто выше, Витзенъ издалъ путешествіе Избрандеса въ Китай на голландскомъ языкѣ [6]) и путешествіе Байкова на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Eine Moscowitisch-Tartarische Reisebeschreibung etc. (Leipz. 1699) [7]). Но главный трудъ, составляющій его славу—это Noorden Oost Tartarye.

Трактатъ—«Сѣверная и Восточная Татарія» представляетъ собою громадное (около 200 листовъ) собраніе географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ свѣдѣній; оно обнимаетъ собой тѣ страны, которыя извѣстны были въ его время подъ общимъ терминомъ Татаріи,—сюда входили земли приблизительно отъ береговъ Каспійскаго моря, Волги, Камы къ востоку до береговъ Тихаго океана, включая сюда и острова, слѣдовательно, южную и восточную части нынѣшней Россіи, Азію и прилегающіе къ ней острова. Только тѣ обширныя сношенія, которыя велъ Витзенъ съ людьми

---

[1]) Куперъ, классикъ и археологъ, впослѣдствіи бургомистръ Девентера, и проф. исторіи. [2]) La Croze, библіотекарь королевской библіотеки (1661—1734) о немъ см. Запис. Ак. Н. IV, стр. 12—13, ст. Грота. [3]) L'illustre M-r. Witsen me mande, que depuis quelque temps on a découvert proche de Tobol, Tumen et Vergaturia des collines dans le plat-pays: qu'on y a trouvé des caves voutées... etc. Lettres de Critique... par Cuper, p. 18, 19. [4]) Biographie universelle, vol. XLIV, pag. 736. [5]) Куперъ въ письмѣ къ аббату Бипьону: M-r le Bourguemaître Witsen m'a mandé, qu'il a reçu enfin des raretés Sibiriennes, qui consisent en quelques petits idoles, bracelets etc. Lettres de Critique, d'histoire etc. p. 339. [6]) Соловьевъ, Ист. Рос., XIV, 238. Müller, Sam. Rus. Gesch. I. 219. Scheltema, Rusland en Nederlanden, II, 93. [7]) Оно было издано безъ имени автора. Въ Voyages historiques de l'Europe (изд. 1699) находится такого рода замѣтка: Eine Mosc.-Tart. Reisebeschreibung, welche vor 70 Jahren durch einen Moscoviten von Jeresla gebürtig in russische Sprache verfertigt, und im Jahre 1665 durch Nicolas Witsen aus Moscau gebracht und von demselben in die holländische (?) Sprache übersetzt... etc. Beckmann Literatur der aelteren Reisebeschreibungen G. 1807, Bd. I, 278, 279.

различныхъ странъ, и собственныя неутомимыя изслѣдованія могли доставить ему такой обширный матеріалъ. Авторъ работалъ надъ нимъ 25 лѣтъ, и 5 лѣтъ ушли еще на дополненія и исправленія втораго изданія [1]). Но первое изданіе было распространено въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, такъ что, по словамъ Миллера, даже Лейбницъ не зналъ о немъ [2]) и у современниковъ находилъ указанія на то, что книга Витзена была весьма рѣдка [3]). Форстеръ говоритъ, что Витзенъ скрывалъ свой трудъ «по неизвѣстнымъ намъ причинамъ», а Куперъ въ письмѣ къ Ла-Крозу, повторяя то же самое, присоединяетъ: «его Татарія не была обнародована, но я владѣлъ полнымъ изданіемъ: этотъ сановникъ подарилъ мнѣ его, подъ условіемъ, чтобы я не выносилъ его изъ своего дома» [4]).

Такъ какъ анализъ Витзенова труда не входитъ въ нашу задачу, то мы укажемъ только на главныя составныя его части, пользуясь тѣми указаніями, которыя даетъ Аделунгъ [5]). Сначала идетъ извѣстіе о государствѣ Китайскомъ, со стр. 602: путешествіе неизвѣстнаго чрезъ Сѣверную Сибирь.—со стр. 781: краткое извлеченіе изъ описанія путешествія посольства, отправленнаго ихъ Царскими Величествами,—со стр. 857: извѣстія о самоѣдахъ и прилежащихъ къ нимъ странахъ,—со стр. 887; извлеченіе изъ сборника путешествій Перчеса (Purchas) о самоѣдахъ,—со стр. 899: извлеченіе изъ замѣтокъ Ричарда Джонсона,—со стр. 929; нѣкоторыя извѣстія о сѣв. и вост. странахъ, изъ сборника Перчеса,—со стр. 935: извѣстія изъ сборника Перчеса о пермякахъ, со стр. 942.

Изъ этого перечисленія видно, что книга Витзена составлена изъ отдѣльныхъ частей, ничѣмъ между собой несвязанныхъ, и при огромномъ количествѣ свѣдѣній, напоминаетъ скорѣе какую-либо географическую хрестоматію. Кажется, справедливо предположеніе Миллера, что Витзенъ располагалъ свой матеріалъ по мѣрѣ его полученія [6]), оттого оно и получило такой нестройный

---

[1]) Оно было издано три раза въ 1692, 1705 и 1795 г. Сравн. Forster, Geschichte der Entdeckungen im Norden S. 196, и Müller, Sam. Rus. Gesch. I, 220. [2]) Müller, Ibid., 218. [3]) Напр. Strahlenberg, Das N. und oestl. Th. v. Eur. und A. S. 2, 3; Forster, 196. [4]) Sa Tartarie n'est pas publiée, mais je la possède presque toute entière imprimée; cet illustre Magistrat m'en a fait présent il y a peut-être vingt ans à condition que je ne la laisserais pas sortir de ma maison. Lettres de Critique etc. p. 25. [5]) Kritisch—Letter. Uebers. der Reisend. Bd. II, 385. [6]) Samml. Rus. Gesch., I, 217.

видъ [1]). Благодаря указателю, составленному Миллеромъ, пользованіе его трудомъ значительно облегчено [2]).

Мы остановимся здѣсь лишь на той части Витзенова труда, которая носитъ заглавіе Siberia (съ 737 стр. II тома изд. 1705 г.), и которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Въ этой части, составляющей отдѣльный трактатъ, Витзенъ прежде всего даетъ опредѣленіе слову «Сибирь».

Затѣмъ идетъ географическое описаніе Сибири съ краткимъ обзоромъ флоры и фауны, преимущественно, западной части страны, (732 и 733 стр. II тома); затѣмъ весьма обстоятельный этнографическій очеркъ, имѣющій предметомъ вогуловъ—жителей по обоимъ склонамъ Урала и около Верхотурья. Этой части Siberia мы касаться не будемъ; замѣтимъ только, что она даетъ превосходное географическо-этнографическое описаніе западной части Сибири, примыкающей непосредственно къ Уральскому хребту, описаніе, изъ котораго можетъ почерпнуть не мало цѣнныхъ свѣдѣній и современный этнографъ, изучающій обычаи и первобытную культуру. Нельзя при этомъ не отмѣтить того факта, что въ то время, какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разсказами о сѣверныхъ странахъ, «гдѣ живутъ люди, у коихъ и рты на темени, а не говорятъ; а образъ въ поплину человѣчь; а коли ядятъ и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ или подъ шапку; и какъ почнутъ ясти, и они плечима движютъ вверхъ и внизъ» [3]) въ то же самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ-же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія и даже образцы широтическихъ картъ!

Относительно завоеванія Сибири Витзенъ передаетъ свѣдѣнія, взятыя имъ явно изъ разныхъ источниковъ. Эти свѣдѣнія онъ не старается критически провѣрить, но только ихъ излагаетъ, такъ что у него въ концѣ концовъ получается рядъ описаній завоеванія Сибири, мѣстами между собою несвязанныхъ. Очевидно, онъ старался дать всѣ извѣстія, какія только могъ достать или вычиталъ изъ путешествій и т. под., такъ что и на этомъ отдѣлѣ от-

---

[1]) «Dass Witsen's Werk bei seinem hohen Interesse keinen Uebersetzer in irgend eine Sprache gefunden hat, ist wohl sehr zu bewundern und lässt sich vielleicht nur durch den Umfang und durch die Sprache des Originals erklären». Adelung, Uebers. [2]) S. R. G. I, 222—272. [3]) Изъ Сборника Солов. Библ. См. Опресовъ, Положеніе инородцевъ С. В. Россіи въ Моск. Гос. Каз. 1886, 30. Ср. Оксеновъ, Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака. Сибирск. Сбор. кн. IV. Спб. 1887, стр. 108, 112. Также Поповъ, Изборникъ, стр. 402 sqq.

развился отчасти характеръ его труда — нѣкоторая безсистемность, происшедшая, можетъ быть, вслѣдствіе расположенія матеріала по мѣрѣ того, какъ онъ его получалъ.

Переходимъ теперь къ самому изложенію его повѣстей, передавая, по возможности, только самое существенное.

«Никогда еще ни одна страна, замѣчаетъ Витзенъ, не была покоряема съ такимъ рвеніемъ и съ такимъ малымъ числомъ людей, какъ Сибирское царство царемъ Иваномъ».

1. Около 100 лѣтъ тому назадъ жилъ одинъ бравый казакъ, Ермакъ Тимофеевичъ, родомъ изъ Мурома (Moermits). Отправился онъ съ шайкой на грабежъ на р. Волгу и разбилъ нѣсколько струговъ, принадлежавшихъ царю, и вотъ на всѣхъ мѣстахъ по этому случаю было отдано приказаніе преслѣдовать Ермака и изловить его. Но послѣдній съ преданными ему товарищами бѣжалъ по р. Камѣ на р. Чусовую, гдѣ есть островъ выше Казани на 500 или 600 верстъ, принадлежащій знатному русскому купцу Даніилъ Строгонову [1]), у котораго на этомъ островѣ былъ поставленъ и городокъ — по имени «Строгоновскій городокъ. — нынѣ, впрочемъ, опустѣвшій [2]). Этотъ Строгоновъ, ничего не зная о прежнихъ разбояхъ Ермака, или, можетъ быть, дѣлая изъ нужды доброе дѣло, окруженный разбойниками, далъ имъ все необходимое, чтобы попытать счастья въ Сибири. Такимъ образомъ, онъ снабдилъ ихъ военными припасами, оружіемъ и проч. Отсюда Ермакъ отправился по рѣкѣ Тангѣ (Tanga) на стругахъ до р. Туры, гдѣ расположено мѣсто, называемое Япанчино, населенное татарами. Они были прогнаны. Тогда Ермакъ съ шайкой преслѣдовалъ далѣе, и пришли они къ гор. Тюмени. Этотъ городъ былъ взятъ. Отсюда, продолжая путь, прибыли они по р. Тоболу, къ резиденціи князя страны, къ гор. Тобольску, который также былъ ими завоеванъ. На пространствѣ 50 миль преслѣдовалъ онъ по Иртышу безсильнаго князя, нападалъ на него и обращалъ въ бѣгство. Остановившись затѣмъ, онъ послалъ 300 человѣкъ изъ своего войска, чтобы преслѣдовать упомянутаго князя далѣе, самъ же съ 200 оставался около 6 недѣль. Но изъ посланныхъ немногіе избѣгли татарскихъ рукъ, такъ что вскорѣ и самъ Ермакъ съ остальными 200

---

[1]) na Tzesowa, welk is een eiland boven Kasan vyf of zes hondert Wurst, toebehoorende zekeren grooten Russ. koopman Danilo Stroganoff. Nord en Oost Tart. Ams. 1705. v. II, 734. [2]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Витзенъ объясняетъ, что по другимъ извѣстіямъ городокъ этотъ лежалъ на небольшомъ островѣ на притокѣ Камы наз. Tzotrawa.

долженъ былъ скрываться на лодкахъ, и однажды, загнанный въ воду, онъ былъ убитъ. Уцѣлѣвшіе отъ его войска, около 40 чел., отправились на Москву, чтобы объяснить царю Ивану объ этомъ происшествіи и попросить о помощи. Тотъ немедленно отрядилъ 600 человѣкъ, которые и отправились съ остатками Ермаковой шайки. Занявши завоеванныя прежде мѣста и высылая отряды, побѣждавшіе окрестныхъ татаръ, русскіе утвердились въ новой странѣ. «Таково сообщенное мнѣ извѣстіе», заканчиваетъ Витзенъ эту повѣсть.

2) «По другому извѣстію, продолжаетъ авторъ, Сибирь была завоевана отрядомъ казаковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, отдѣлившихся отъ своихъ товарищей. Потомки этихъ завоевателей и до сего дня состоятъ на службѣ ихъ царскихъ величествъ и наравнѣ съ тѣми, которые посылаются въ тотъ край вслѣдствіе какихъ-либо немилостей, носятъ имя сибирскихъ казаковъ».

3) Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе, взятое изъ „Relatio de Siberia“ Юр. Крижанича: его, какъ уже разсмотрѣнное, мы передавать не будемъ.

4) Слѣдующее извѣстіе касается болѣе рода Строгоновыхъ.

Предокъ богатыхъ мужиковъ (Boeren) Строгоновыхъ былъ выходецъ изъ Золотой Орды, расположенной недалеко отъ Астрахани; происходилъ онъ изъ княжескаго рода. Имѣя влеченіе къ христіанству, онъ пришелъ на Русь, гдѣ и былъ крещенъ по греческому обряду, а затѣмъ передался вмѣстѣ съ женой и дочерью на сторону царя. Эти Строгоновы, живя на Руси, были для татаръ причиной безпокойства, и вотъ однажды во время войны съ ордой царь послалъ этого Строгонова воевать, но татары случайно взяли его въ плѣнъ, изстрогали ему тѣло и такимъ образомъ умертвили: отсюда онъ и получилъ свое прозваніе (...want geschaeft—het opt' Rusch strogan). Онъ оставилъ послѣ себя беременную жену, и когда родился сынъ, то и ему было дано прозваніе Строгонова. Этотъ Строгоновъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, принесъ на Русь счеты (Cyfer of Rekenkonst).

Далѣе, Строгоновы были первыми людьми, открывшими Сибирь (De Stroganowi sijn wyders de eerste vinders von Siberien geweest). Они оказали Ермаку Тимофеевичу помощь оружіемъ, запасами. Этотъ изъ р. Чусовой прибылъ на судахъ и, такъ какъ выше подняться не могъ, какъ только до р. Утки, то—перетащилъ суда по землѣ и пѣшимъ прибылъ въ Сибирь, гдѣ послѣ многихъ стычекъ достигъ рѣки Тобола и продолжалъ путь по этой рѣкѣ.

Но ночью, наконецъ, онъ подвергся нападенію и, намѣреваясь скрыться на свои лодки, по несчастію упалъ въ воду и пошелъ ко дну, какъ камень, ибо былъ въ тяжеломъ панцырѣ. Тѣла его не могли найти. Оставшіеся въ живыхъ товарищи его по той же самой дорогѣ возвратились домой, а сокровища свои должны были скрыть въ одной каменной горѣ; гора эта крута и высока и имѣетъ на своей вершинѣ пещеру, какъ я самъ видѣлъ; эту гору называютъ до сихъ поръ Ермаковой горой (en noemen de Russen deze berg noch Iermackowa gora of Iermacogora, dat is Iermaks berg). Нѣкоторые русскіе, съ которыми я говорилъ объ этомъ, по моему приглашенію, спускались по веревкѣ въ эту пещеру, съ опасностью для своей жизни, разрывали тамъ землю, но послѣ долгихъ исканій ничего не нашли, кромѣ стараго оружія, ружья, пики и другихъ вещей самой малой цѣнности. На р. Чусовой находятся городки, принадлежащіе Строгоновымъ: Нижнее Усолье и Верхнее Усолье (Nisne Usolia, Vergno Usolia). Здѣсь нагружаютъ много соли, которая идетъ въ Нижній Новгородъ, а оттуда расходится по Руси. На разстояніи 25 верстъ оттуда стоитъ г. Камассина (Kamassina) [1]), на разстояніи 20 верстъ отъ него и лежитъ упомянутая Ермакова Гора, на лѣвой сторонѣ. Тутъ же, въ окрестностяхъ на 30—40 верстъ, живутъ вогуличи, имѣющіе жилища. На разстояніи 6 или 7 верстъ отсюда лежатъ суда этого Ермака, хотя, правда, уже испорченныя. Рѣка въ этомъ мѣстѣ течетъ между каменистыми берегами, русло ея также каменисто и образуетъ много водопадовъ.

Русскіе, живущіе въ этой странѣ, еще до сего времени молятся за этого Ермака, смотря на дѣло, совершенное имъ, какъ на святое»...

5) О завоеваніи Сибири передается еще такое письменное извѣстіе.

«Въ 1572 году по Р. Христ., въ царствованіе царя Ивана Васильевича, нѣкоторые вольные донскіе казаки, а между ними и атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ, убѣжали съ Дона и тайно прибыли на р. Волгу, гдѣ они сдѣлали много зла русскому царству, грабя всякихъ людей, а нѣкоторыхъ даже и убивая. Рѣку Волгу они держали какъ бы въ заключеніи, не позволяя никому пройти изъ Астрахани съ товарными судами. Многіе русскіе люди начали соединяться съ этимъ низовскимъ (Nisofsche) войскомъ.

Въ 1573 году его царское величество собралъ много войска,

---

[1]) Ср. Прилож. къ черт. кн. Сиб. Ремезов. Спб. 1882, стр. 29 (лист. 17).

сухопутнаго и рѣчнаго, и послалъ противъ этихъ казаковъ. Но послѣдніе, не дожидаясь его, лишь только какъ прослышали немедленно отправились отъ г. Казани, въ 60 верстахъ выше, покоряя бывшихъ подданныхъ казанскаго царя Симеона — черемисъ, мордву, вотяковъ, башкиръ и иныхъ живущихъ татаръ по этой рѣкѣ и по р. Вяткѣ. Всѣ эти народности въ высшей степени просты, не знаютъ огнестрѣльнаго оружія. Ермакъ легко покорилъ ихъ подъ власть е. ц. величества, взялъ у нихъ заложниковъ и дань мѣхами. Города Рыбный (Ribnay), Чортовъ городокъ (Zortof Gorodock), Елабуга (Alabucha), Сарапулъ (Sarapul), Оса (Osu) были завоеваны. Продолжая путь по этой рѣкѣ, онъ достигъ того мѣста, гдѣ жилъ Строгановъ.

Этотъ человѣкъ былъ уроженецъ Новгорода. Когда, незадолго передъ тѣмъ, царь Иванъ Васильевичъ пошелъ съ большимъ войскомъ, чтобы наказать новгородцевъ за возстаніе и сопротивленіе, этотъ Строгановъ съ доброй частью своихъ сокровищъ и со всѣмъ домомъ убѣжалъ за Пермь, Устюгъ, мимо г. Кайгородка, и поселился въ этихъ мѣстахъ, видя богатство страны.

Хотя Ермакъ былъ не особенно пріятенъ для Строганова, однако онъ держалъ его у себя, такъ какъ былъ человѣкъ весьма богатый. Онъ разсказалъ ему, между прочимъ, о дѣлахъ Сибирскаго царства,—это-де край весьма богатый, въ немъ-де много пушныхъ звѣрей, а люди тамъ совсѣмъ не храбрые; что главный городъ находится на разстояніи 4 тысячъ верстъ, граница же удалена на 500 верстъ; что теперь самое удобное время для того, чтобы оказать услугу царю Ивану и получить отъ него прощеніе, а онъ-де со своей стороны желаетъ ему содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ и снабдитъ его всѣмъ необходимымъ.

Атаману Ермаку и его товарищамъ всѣ эти рѣчи пришлись по сердцу, и когда все было приготовлено для похода, они отправились. Сначала плыли они по р. Уткѣ, а рѣка эта протекаетъ черезъ лѣса, луга, степи: она беретъ начало изъ Верхотурскихъ горъ и впадаетъ въ большую р. Каму... [1]).

...У этихъ Верхотурскихъ утесовъ, около истоковъ р. Утки, Ермакъ въ 1574 году оставался до перваго зимняго пути. Потомъ онъ бросилъ свои суда и, сдѣлавши лыжи и нарты (Lischen en

[1]) Далѣе слѣдуетъ описаніе Верхотурскихъ (Уральскихъ) горъ и рѣкъ, берущихъ съ нихъ начало. Это описаніе мы опускаемъ. (Р. Утка впадаетъ въ Чусовую съ правой стороны).

Narten), перешелъ чрезъ каменную Верхотурскую гряду, направляясь приблизительно къ истокамъ Ницы (Nice). Рѣки Ница, To. Werkatunsche (Верхотурка?), Тоболъ, Obdar (Обдора?). Pelin (Нелымъ?), Исеть и много другихъ всѣ выходятъ изъ названныхъ горъ и впадаютъ въ большую рѣку Обь, а Обь впадаетъ въ Океанъ, или въ Сибирское Мангазейское Холодное море (S.berische Mangaseische Koude Zee), откуда городъ Мангазея получилъ свое названіе.

Городъ этотъ стоитъ на р. Мангазеѣ, изливающейся въ море. Отъ устья Мангазеи въ 2 или 3 недѣли, мимо Пустозерска или Печоры, можно доѣхать до Архангельска... [1]).

Между Верхотурьемъ и Тоболомъ живутъ по большей части данщики, люди сибирскаго царя Кучума. Атаманъ всѣхъ ихъ привелъ въ подданство его ц. величеству, увѣщевая ихъ не измѣнять царю и беря заложниковъ и дань мѣхами. По рѣкамъ Ницѣ, Исети, Pelink, Тавдѣ, онъ достигъ г. Тюмени. Послѣ упорнаго штурма городъ былъ взятъ.

Въ это время царь Кучумъ услышалъ, что атаманъ беретъ его города и приводитъ ихъ въ послушаніе его царскаго величества. Такъ какъ Тюмень была удалена только на 180 верстъ отъ главнаго города Тобольска, то онъ былъ весьма пораженъ и отправилъ своего любимаго совѣтника мурзу Канчея (Mursa Kantschey) съ войскомъ, чтобы не позволить атаману двинуться далѣе и даже, если окажется возможнымъ, отнять завоеванные города. Но атаманъ прогналъ этого мурзу со всѣмъ его войскомъ, въ 5 верстахъ отъ той же Тюмени; самъ мурза попалъ въ плѣнъ, и лишь немногіе уцѣлѣвшіе принесли къ Кучуму извѣстіе о пораженіи.

Царь Кучумъ еще болѣе былъ устрашенъ такой неудачей и, посовѣтовавшись со своими приближенными, рѣшилъ разослать по всему царству гонцовъ съ золочеными стрѣлами, приказывая, чтобы всѣ его подданные, отъ мала до велика, безъ всякихъ промедленій явились къ нему на защиту отечества отъ сильнаго непріятеля, который намѣренъ покорить ихъ чужой власти. Онъ прибавилъ, что всѣ ослушники будутъ казнены смертью. Тогда подданные съ большимъ рвеніемъ начали собираться къ нему, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, вслѣдствіе чего около него составилось большое полчище, и онъ нѣсколько ободрился. Высылаемые ежедневно гонцы для провѣдыванія непріятеля доложили, что атаманъ идетъ прямо на него.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ описаніе воднаго пути въ Сибирь; его мы опускаемъ.

Услышавъ это, Кучумъ отправилъ свою жену Симбулу съ дѣтьми на лошадяхъ и верблюдахъ далѣе, въ глубь страны, въ свое увеселительное мѣсто Наобалакъ (in zijne vermakelijke plaetz Naobalak), гдѣ теперь стоитъ большая деревня.

Между тѣмъ, Ермакъ, спустившись по р. Тоболу, доплылъ до Тобольска, главнаго города, находящагося не въ дальнемъ разстояніи на р. Иртышѣ, гдѣ Тоболъ впадаетъ въ него, и на р. Курдюмкѣ. Онъ стоитъ на высокой горѣ и окруженъ деревянной стѣной [1]). Но атаманъ расположился на разстояніи 7 верстъ отъ города, на мѣстѣ, гдѣ теперь деревня, подъ названіемъ Хискина (Khiskina). Здѣсь онъ ночевалъ.

На другой день передъ восходомъ солнца, когда эти люди, по своему обычаю, еще спали (такъ какъ вечеромъ они сидятъ долго, а утромъ встаютъ поздно), атаманъ прорвался чрезъ это мѣсто и на судахъ поплылъ прямо къ гор. Тобольску, подвергая себя явной гибели. Утромъ, когда взошло солнце, царь Кучумъ увидалъ своего непріятеля прямо передъ городомъ, куда онъ и вывелъ свое войско. Атаманъ, видя такое множество народа на берегу, и еще болѣе на верху горы, чтобы придать врагамъ болѣе мужества, приказалъ зарядить ружья одними пыжами. Съ величайшимъ крикомъ бросились татары на казаковъ: послѣдніе же, держась въ замкнутомъ строѣ, стрѣляли одними только пыжами, вслѣдствіе чего никто изъ враговъ не былъ убитъ, и это обстоятельство придало имъ еще болѣе храбрости. Казаки, наконецъ, должны были отступить къ судамъ, гдѣ оставался атаманъ, и поѣхать по Иртышу 2 версты до того мѣста, гдѣ въ него вливается Тоболъ.

Здѣсь онъ оставался двое сутокъ, приказавъ казакамъ держать наготовѣ свое оружіе, зарядивъ его четырехугольными кусками желѣза и пулями, —такими зарядами, какіе можетъ только выдержать оружіе. Затѣмъ онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, сказалъ, чтобы они подумали о всемъ томъ злѣ, который они сдѣлали его царскому величеству Ивану Васильевичу и христіанству, проливъ столь много невинной крови; что они должны теперь мужественно сражаться и разбить этихъ невѣрныхъ. Со слезами на глазахъ слушали казаки своего атамана, и всѣ отвѣчали ему, что готовы сражаться за его царское величество и христіанскую вѣру и готовы повиноваться ему, атаману, во всемъ, что онъ ни прикажетъ. Тогда

---

[1]) Прим. Витзена: теперь эта стѣна каменная.

атаманъ со своими судами и 600 человѣкъ снова сталъ на прежнее мѣсто предъ Тобольскомъ.

Кучумъ, увидавъ своихъ враговъ передъ городомъ во второй разъ, также собралъ своихъ подданныхъ и говорилъ имъ такую рѣчь: «мои храбрые герои, любезные и испытанные воины! Нападайте безъ боязни и малодушія на этихъ нечистыхъ собакъ казаковъ; ихъ оружіе не можетъ намъ повредить, ибо боги наши защищаютъ насъ. Стойте храбро, что бы ни случилось, и я васъ одарю. «Эти люди разныхъ національностей и религій, услышавъ такую рѣчь отъ своего повелителя, съ великой радостью бросились изъ города, призывая другъ друга къ мужеству. Въ городѣ остались только царь Кучумъ съ нѣкоторыми приближенными, чтобы съ высоты смотрѣть на битву. Кучумовцы съ крикомъ бросились на казаковъ, многіе съ крикомъ «Магометъ съ нами» и всякій съ увѣренностью, что идетъ за свою вѣру.

Атаманъ приказалъ только одной половинѣ казаковъ стрѣлять, а другая половина должна была только лишь заряжать ружья; въ послѣдній разъ онъ ободрялъ ихъ, называлъ братьями, уговаривалъ не бояться этой невѣрной толпы, ибо съ нами (говорилъ онъ) Богъ. Это было 21-го мая 1574 года.

Битва началась со втораго часа дня и продолжалась до вечера. Наконецъ, атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ побѣдилъ своихъ непріятелей. Казаки почти въ одно время съ бѣгущими вошли въ городъ. Кучумъ, видя великое пораженіе своего войска, убѣжалъ къ своей женѣ и дѣтямъ, находившимся на разстояніи около 20 верстъ отъ города. Въ городѣ Тобольскѣ лежали двѣ небольшія литыя пушки, длиной въ 6 футовъ, стрѣлявшія ядрами въ 40 фунтовъ. Кучумъ приказалъ во время битвы зарядить ихъ и стрѣлять въ непріятеля; но изъ нихъ не могли сдѣлать ни одного выстрѣла, почему съ проклятьями онъ велѣлъ сбросить ихъ съ высоты въ Иртышъ. Атаманъ оставался въ городѣ около 6 недѣль. Лучшихъ изъ жителей онъ взялъ въ заложники, на окрестные народы наложилъ дань—по десяти соболей на каждаго охотника. Въ то же время онъ позволилъ вытащить изъ рѣки одну изъ пушекъ и снова привезти въ городъ, гдѣ она и стоитъ до настоящаго времени.

Изъ Тобольска послалъ Ермакъ одного изъ лучшихъ своихъ товарищей, вмѣстѣ съ пятью другими, по имени Грозу Ивановича, къ царю съ просьбой о помилованіи; съ ними послана была и собранная дань—60 сороковъ соболей, 50 бобровъ, 20 черныхъ лисицъ, и сверхъ того были отправлены 3 знатныхъ плѣнника; онъ просилъ

также послать кого-нибудь начальникомъ въ Тобольскъ, чтобы принять и защищать его.

Когда посолъ этотъ явился въ Москву, то палъ въ ноги царю и просилъ о забвеніи всѣхъ прежнихъ злодѣйствъ ради тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, которые были приняты ими за его величество. Они поднесли ему дань и просили послать кого-либо изъ воеводъ въ Тобольскъ.

Всѣми этими извѣстіями царь былъ такъ обрадованъ, что со всѣмъ духовенствомъ отблагодарилъ Бога въ великой апостольской церкви [1]) за новое пріобрѣтеніе и роздалъ много милостыни, а казакамъ простилъ всѣ ихъ прежніе разбои и допустилъ ихъ къ цѣлованію своей руки. Отправляя ихъ обратно, онъ послалъ подарки всѣмъ казакамъ, каждому особо: Ермаку послалъ онъ плащъ изъ шелковой матеріи (Fluweel-sammet), вышитый золотыми цвѣтами, съ бархатными украшеніями, и двойной дукатъ, а каждому казаку сукна на платье, бархату на шапку и золотую копейку (een stuk Laken tot een Rok een stuk Damast en tot een Muts, een stuk Fluweel, ook elk een Goude copeke). При этомъ письмо было послано съ золотой печатью, въ которомъ онъ, прощая ихъ прежнія злодѣянія, выражаетъ желаніе, чтобы они и на будущее время продолжали свою вѣрную службу, что зимой онъ пошлетъ къ нимъ начальника, а теперь пока пусть управляетъ Сибирью Ермакъ.

Осенью того же года Грозa прибылъ изъ Москвы въ Тобольскъ, привезя съ собой почетные дары и письмо царя. Атаманъ съ казаками весьма этому обрадовались и молили Бога, чтобы Онъ далъ его царскому величеству здоровье и продолжительную жизнь.

Послѣ этого Ермакъ рѣшилъ преслѣдовать Кучума; въ Тобольскѣ онъ оставилъ Грозу Ивановича съ 60-ю казаками, а въ другихъ мѣстахъ—атамана съ 30-ю казаками.

Когда царь Иванъ Васильевичъ отправлялъ казаковъ изъ Москвы къ Ермаку, то далъ Грозѣ открытую грамату (Open Brief) съ большой висячей печатью, которой дозволялось всѣмъ, кто имѣлъ желаніе ѣхать въ Сибирь, въ Тобольскъ или другія завоеванныя мѣста,—безпрепятственно туда отправляться, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми: было приказано давать такимъ людямъ свободный пропускъ. И въ тотъ же годъ съ Грозой переселилось въ Сибирь 500 человѣкъ съ своими семьями, а изъ Вологды приказалъ его царское величество

[1]) In de Grote Apostolische Kerke.

перевести въ Сибирь 10 священниковъ съ женами и дѣтьми: для нихъ были назначены вольныя подводы и каждому дано 20 рублей.

Устроивъ порядокъ во всѣхъ завоеванныхъ пунктахъ, Ермакъ съ 600 казаковъ отправился на судахъ по р. Иртышу, на разстояніи 15 верстъ отъ города, гдѣ держался еще царь Кучумъ. Не доѣзжая 1½ верстъ до этого мѣста, онъ остановился съ казаками въ полѣ, чтобы переночевать, приказавъ, по старому своему обычаю, поставить кругомъ стражу. Въ полночь два казака, стоявшіе на стражѣ, были схвачены осторожно подкравшимися татарами Кучума. Въ лагерѣ поднялась суматоха, а затѣмъ непріятель напалъ на казаковъ. Атаманъ, спавшій въ палаткѣ посреди лагеря, услышавъ крики, выбѣжалъ и началъ звать своихъ товарищей, но ничего не успѣлъ сдѣлать и обратился на суда. Здѣсь, чтобы скорѣе достигнуть своей лодки, онъ прыгнулъ съ высокаго берега, но, сдѣлавъ слишкомъ длинный прыжокъ черезъ три лодки, попалъ въ воду на глубокое мѣсто и, имѣя на себѣ два панцыря, а сверхъ того еще желѣзные нарукавники, какъ камень погрузился на дно и самымъ жалкимъ образомъ погибъ. Со стороны Кучума остался на мѣстѣ въ этой свалкѣ братъ его жены, мурза Булатъ (Mursa Bulat), и 65 простыхъ людей.

Такъ казаки потеряли своего предводителя Ермака Тимофеевича. Послѣ этой битвы они возвратились въ Тобольскъ, взявъ, впрочемъ, 5 человѣкъ плѣнными.

Какъ только казаки удалились, Кучумъ приказалъ рыбакамъ искать тѣло утонувшаго Ермака, обѣщая тому, кто найдетъ, столько серебра, сколько вѣситъ тѣло: «Я, говорилъ онъ, долженъ найти его, разрубить на мелкіе куски и съѣсть его самъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ, какъ притѣснителя моего царства».

Послѣ смерти Ермака казаки выбрали на его мѣсто Грозу Ивановича. Этотъ въ 1575 году, совершивъ по своему обычаю службу въ церкви, съ 1000 казаковъ отправился по р. Иртышу и дошелъ до мѣста Абалака, гдѣ держался еще Кучумъ. Послѣдній выслалъ противъ него своего шурина Iki Irku съ 540 человѣками, но атаманъ прогналъ его, взявши 20 человѣкъ въ плѣнъ. Царь Кучумъ, видя, что его народъ какъ бы таетъ, убѣжалъ съ женой и дѣтьми къ калмыцкому хану Абдаръ-Тайшѣ (an een Kalmaksche Chan Abdar Taysche), который приходился ему дядей. Этотъ Кучумъ имѣлъ 7 женъ и 25 наложницъ; отъ первыхъ онъ имѣлъ 5, отъ послѣднихъ 12 сыновей.

Надѣясь возвратить себѣ царство, сыновья и самъ Кучумъ

много разъ нападали на русскихъ, но, съ Божьей помощью, всегда были разбиваемы.

Между тѣмъ Гроза Ивановичъ съ своими товарищами отправился по р. Иртышу до Оби, а потомъ по этой рѣкѣ спустился до Березова, который теперь представляетъ изъ себя городокъ: отсюда онъ дошелъ до океана. На всѣ народы, живше по берегамъ этой рѣки, онъ наложилъ данъ: построивъ городокъ Березовъ, онъ помѣстилъ въ него заложниковъ, взятыхъ отъ окрестныхъ народцевъ, съ условіемъ перемѣнять ихъ каждые полгода. Знатнѣйшихъ же взялъ въ Тобольскъ. Этотъ походъ совершилъ онъ въ полгода, привелъ въ подданство не только эти народы, но также и тѣ, которые живутъ по берегамъ Обдоры (Obdori), Сосвы (Soswa), Вагулки (Wagulka), Конды (Konda), Мрассы (Mrase) и по др. рѣкамъ».

Далѣе Витзенъ приводитъ еще извѣстіе, заимствованное имъ изъ путешествія Адама Бранда, но такъ какъ это послѣднее самостоятельнаго значенія не имѣетъ, то мы и не будемъ его здѣсь излагать.

Изъ всѣхъ этихъ повѣствованій, очевидно, центральное мѣсто занимаетъ пятое; не лишено также самостоятельнаго значенія и четвертое, остальныя же передаютъ событіе въ общихъ чертахъ и заимствованы Витзеномъ изъ другихъ источниковъ. Относительно первыхъ двухъ естественнымъ является вопросъ: въ какой мѣрѣ можно придавать имъ цѣну, въ какой степени они являются достовѣрными? Извѣстно, что Миллеръ пользовался извѣстіями Витзена, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не выдержали его строгой критики [1]). Мы не можемъ здѣсь, въ этомъ краткомъ обзорѣ, изслѣдовать критически каждый пунктъ его разсказа, а обратимъ вниманіе лишь на общій характеръ его повѣствованія.

Выше было замѣчено, что Витзенъ часто получалъ отъ Виніуса различные матеріалы по археологіи и лингвистикѣ, касающіеся сибирскихъ инородцевъ. По всей вѣроятности, и это повѣствованіе о покореніи Сибири было прислано ему тоже Виніусомъ, приказавшимъ собрать ихъ на мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что они были записаны около этого времени, т. е. приблизительно въ 70—80 годахъ XVII столѣтія. По своему характеру они являются съ чертами позднѣйшаго происхожденія, и въ нихъ слѣдуетъ различать двѣ стороны: одна сторона—чисто-фактическая.

---

[1]) См. Миллеръ: Опис. Сиб. Ц., гл. II, § 23, 82, 86; гл. III, § 5, 31.

описывающая событіе, другая позднѣйшаго образованія, происхожденія легендарнаго. Эта послѣдняя видна въ нѣкоторыхъ подробностяхъ чисто-эпическаго свойства. въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, вообще въ драматизаціи разсказа. На этой сторонѣ мы остановимся.

Замѣтимъ только сначала, что собственно фактическое описаніе весьма сходно съ одной изъ русскихъ лѣтописей туземнаго происхожденія, съ столь нелюбимой русскими историками Ремезовской лѣтописью, и въ значительной мѣрѣ подкрѣпляетъ ея разсказъ. Что касается общей характеристики завоевателя, то оба эти источника согласны. Согласны они и въ томъ, что участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири было пассивное. Порядокъ событій, взятый въ общемъ, у Витзена помѣщенъ ранѣе нѣсколькими годами [1]), но, если разсматривать ихъ повѣсти въ частностяхъ, между ними можно найти соотвѣтствіе.

Такъ, Ермакъ встрѣчается съ мурзой Канчемъ прежде, чѣмъ добраться до Кучума: въ этомъ можно видѣть битву Маметкула подъ Бобасанскими юртами [2]), битва подъ деревней Chiskina напоминаетъ битву подъ Чувашевымъ. Тобольскъ замѣняетъ у Витзена Некеръ и т. п. Очевидно, основа событій подверглась значительному измѣненію въ преданіяхъ народныхъ, хотя уцѣлѣвшіе обломки говорятъ именно въ пользу достовѣрности Ремезовской лѣтописи, въ которую вошло также не мало преданій и туземныхъ—татарскихъ и русскихъ.

Послѣ перваго натиска русскихъ въ среду враждебныхъ элементовъ, наступаетъ затѣмъ періодъ совмѣстнаго житья двухъ народностей, и изыскиваются тѣ основанія, которыя дѣлали бы это совмѣстное существованіе возможнымъ, словомъ, наступаетъ процессъ, если можно такъ выразиться, этнографическій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ трехъ или четырехъ поколѣній, самый фактъ столкновенія начинаетъ окружаться таинственнымъ ореоломъ, лица становятся героями, и въ средѣ той и другой народности образуются легенды.

Легенды эти могутъ послужить прекраснымъ матеріаломъ для изученія характера народностей и того процесса, который послѣдовалъ за первымъ ихъ столкновеніемъ. Въ то время, какъ пре-

---

[1]) По Витзену начало воровскихъ подвиговъ Ермака относится къ 1572 г. (Neen O. T. II, 736), а рѣшительная битва съ татарами 1574; у Ремезова событія совершаются въ предѣлахъ 1571—87 гг. [2]) Кунгурск. лѣт. стр. 43.

данія русскихъ о завоеваніи Сибири и Ермакѣ въ концѣ концовъ прикрѣпились къ готовымъ уже образамъ народной фантазіи [1]) и вошли, такъ сказать, въ колею общерусскихъ преданій, въ преданіяхъ татарскихъ мы находимъ весьма оригинальныя черты. Легенды, вошедшія въ разсказъ Витзена, принадлежатъ къ древнѣйшему сравнительно періоду и почти современны такимъ же преданіямъ, вошедшимъ въ Ремезовскую лѣтопись. Но, разсматривая ихъ параллельно, можно ясно видѣть ихъ различіе. Въ только что переданныхъ легендахъ Витзена можно видѣть, что Ермакова сила основывалась, главнымъ образомъ, на огнестрѣльномъ оружіи съ прибавленіемъ своего рода стратегической хитрости. Преданіе о двухъ пушкахъ и о поискахъ Кучумомъ тѣла Ермака указываетъ на то, что источникъ Витзеновыхъ легендъ русскій. Это подтверждаетъ и тонъ рѣчи Кучума предъ началомъ битвы. Характеръ главныхъ дѣйствующихъ лицъ легенды, враждебныхъ одинъ другому, отразилъ на себѣ характеристику двухъ народовъ, пришедшихъ въ столкновеніе, побѣда одного надъ другимъ есть побѣда матеріальнаго и умственнаго превосходства. Такъ передаютъ русскія легенды. Изъ преданій татарскаго происхожденія видно, напротивъ, что туземцевъ наиб лѣе поразило умственное превосходство завоевателя: онъ является здѣсь съ чертами высшаго сверхъестественнаго существа, какъ, напримѣръ, и видимъ это въ Ремезовской лѣтописи. Замѣчательно, что въ позднѣйшихъ татарскихъ преданіяхъ личность Ермака подвергается какъ бы дифференціаціи. Здѣсь отразились уже различныя стороны дальнѣйшаго взаимодѣйствія двухъ народностей [2]).

Изъ этого бѣглаго очерка иностранныхъ извѣстій о Сибири съ половины XVI вѣка можно видѣть, что нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ факты, которые необходимо положить въ основу для будущаго изложенія исторіи Сибири за это время: на этомъ мѣстѣ мы ставимъ извѣстія Юрія Крижанича и Массы. У нихъ находимъ мы фактическія данныя для сужденія о колонизаторской дѣятельности Строгоновыхъ и о тѣхъ подготовительныхъ событіяхъ, которыя привели къ завоеванію Сибири: далѣе слѣдуетъ Витзенъ,

[1]) См. ук. ст. А. Оксенова: Ермакъ въ истор. пѣсн. русск. нар. Сиб. сб. кн. I и II. См. также Этногр. Сборн. Рус. Геогр. Общ. т. VI. [2]) См. W. Radloff, Aus Sibirien, Leipz. 1884. Bd. I, S. 153—157.

повѣствованіе котораго представляетъ двѣ стороны. Одна сторона, такъ сказать, фактическая: въ ней можно найти изложеніе самаго покоренія Сибири, хотя и не выдерживающее критики во всѣхъ пунктахъ, но, въ связи съ лѣтописью Ремезова, объясняющее самый порядокъ событій; другая сторона легендарная, выросная на исторической основѣ: она, поставленная въ связь съ преданіями сибирскихъ туземныхъ лѣтописей и съ преданіями татаръ, обнаружитъ предъ изслѣдователемъ характеръ тѣхъ процессовъ, кои слѣдовали за утвержденіемъ русскаго господства.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ авторъ проситъ читателей великодушно исправить тѣ промахи, которые они найдутъ въ этомъ первомъ его опытѣ изслѣдованій среди этой, до сего времени малоизвѣстной области; онъ намѣтилъ здѣсь лишь главнѣйшіе пункты, которые представляютъ, по его мнѣнію, нѣкоторый общій интересъ. Ему казалось, что не только у себя дома, но и у чужихъ людей надо поискать объясненія того великаго, но пока еще таинственнаго, историческаго процесса, который не такъ давно еще перешелъ за рубежъ трехъ столѣтій...

И. Тыжновъ.

О ЕВРОПЕЙСКИХЪ КОЛОНІЯХЪ.

Изъ сочиненія Рошера: Kolonien und Kolonialpolitik.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе къ колонизаціи.

По тому, какъ относится правительство къ колонизаціи, всѣ колоніи можно раздѣлить на апойкіи и клерухіи: апойкіи есть учрежденіе чисто частныхъ средствъ, безъ всякаго участія со стороны государства; клерухіи всецѣло находятся въ посредственномъ или непосредственномъ подчиненіи государству. Еще римляне различали colonias ex secessione conditas и colonias ex consilio publico. Эти оба названія предложены Ст. Кроа. Конечно, древніе классики не вполнѣ держались этого различія. Страбонъ называетъ всѣ колоніи безъ исключенія ἀποικια; точно также и Ѳукидидъ, I, 2, 25, 26. Между тѣмъ смыслъ самыхъ словъ достаточно ясенъ, и безъ нихъ пришлось бы выражать то же понятіе болѣе распространенно.

На низшихъ ступеняхъ развитія всякаго народа господствуетъ всецѣло система апойкій, на высшихъ—клерухій. Если принять во вниманіе, какъ мало-интенсивна во всякомъ среднемъ возрастѣ дѣятельность государства, какъ свобода народа въ этомъ случаѣ заключается преимущественно въ томъ, чтобъ возможно меньше было столкновеній съ государствомъ, какъ поздно, напротивъ, расширяется и усиливается вліяніе государства на всѣ жизненныя отношенія, — то вышеуказанное положеніе будетъ найдено естественнымъ.

У грековъ, напримѣръ, древнѣйшія колоніи были, почти безъ исключенія, только въ очень слабой связи съ метрополіей. Ея отношеніе считалось какимъ-то нравственнымъ. Еще во время Гракховъ,

когда римляне разрушали всѣ малоазіатскіе города, которые принадлежали Аристонику, Оокея, по ходатайству ея старѣйшей колоніи Массиліи, была пощажена. Но собственно тѣсныя государственно-правовыя отношенія скрѣплялись не этимъ. Напротивъ, святыни колоній, въ особенности священный огонь въ Пританеумѣ, брали непосредственно изъ метрополіи; обыкновенно, въ храмъ ея направлялись постоянно праздничныя посольства, жертвы и священные подарки; ея граждане, если они присутствовали на зрѣлищахъ, праздникахъ и т. п., получали почетное мѣсто: въ болѣе важныхъ случаяхъ, при борьбѣ партій, при основаніи младшей колоніи, охотно дозволялось приходить оттуда жрецамъ, пророкамъ, третейскимъ судьямъ; на монетахъ сохранялись тѣ же самыя эмблемы и т. д. Вѣдь извѣстно, насколько религія раньше чѣмъ политика создала крѣпкую связь между людьми!—Совершенно иначе въ позднѣйшее время. Когда Аоняне, напр., по завоеваніи Митилены (въ 427 г. до Р. Х.), основали здѣсь клерухіи, вся земля побѣжденныхъ была раздѣлена на 3,000 участковъ, 300 изъ нихъ были отведены храмамъ, остальные 2,700 отошли къ аѳинскимъ гражданамъ. Конечно, земли могли оставаться въ пользованіи прежнихъ владѣльцевъ, но лишь за арендную плату въ 2 мины ежегодно, которую они платили своему клеруху *). Что касается личности клеруха, то онъ оставался безпрерывно въ полной гражданской зависимости отъ метрополіи. Когда коринояне нѣсколько лѣтъ раньше хотѣли отправить въ Епидамнъ новую колонію, они сдѣлали прежде извѣстными условія, которымъ должны были подчиняться желавшіе переселяться. И какъ было Аоинамъ не подчинить своей власти, во время своего расцвѣта вообще греческихъ колоній, не говоря уже о тѣхъ, которыя изъ нихъ же и вышли. Власть ихъ рушилась въ то самое время, когда послѣднія, остававшіяся свободными, колоніи должны были быть порабощены. Греческія колоніи, наконецъ, со времени Александра Великаго были во всѣхъ отношеніяхъ государственными предпріятіями.

У древнихъ финикіянъ, безъ сомнѣнія, господствовала система апойкій, хотя она, можетъ быть, была далеко не единственная. Важнѣйшею связью, соединявшей метрополію и колоніи, было общее почитаніе финикійскаго національнаго бога, — Мелькарта, Геркулеса, миѳическія странствованія котораго точно отвѣчаютъ финикійской

*) Ѳукид. III, 50. Первыя аѳинскія колоніи были устроены въ 506 г. до Р. Х. и затѣмъ очень быстро распространялись.

колонизаціи. Благочестіе колоніальныхъ городовъ было впрочемъ велико: когда Карѳагенъ утратилъ уже безконечно много изъ своего прежняго величія, все же еще ежегодно посылался оттуда корабль съ жертвенными дарами въ Тиръ *). Напротивъ, карѳагенскія колоніи, которыя принадлежатъ позднѣйшему періоду, большею частью основывались правительственнымъ путемъ и для извѣстной торговой цѣли. Такъ былъ отправленъ, напр., около 480 г. до Р. Х., одинъ изъ первыхъ государственныхъ мужей, Гамилькаръ, для основанія колоніи на западномъ берегу Марокко, съ 60 кораблями и 30,000 человѣкъ. Колонисты состояли изъ либифиникіянъ; оказывается, однако, что они скоро подверглись нападеніямъ дикихъ туземцевъ. Около того же времени была послана подобная же экспедиція подъ начальствомъ Гимилькона на западный берегъ Испаніи. Карѳагеняне держали свои колоніи въ такой строгой зависимости, что ни одна изъ нихъ не отдѣлилась. Чужеземцамъ было запрещено всякое посѣщеніе ихъ—частью подъ опасеніемъ смерти; всякая торговля могла производиться только черезъ Карѳагенъ и притомъ подъ наблюденіемъ и гарантіей правительства **). Относительно римскихъ колоній мы выше уже упоминали, что всѣ онѣ принадлежатъ къ системѣ клерухій, между тѣмъ какъ, напр., нѣкоторыя изъ сабельскихъ племенъ весьма скоро оказались внѣ связи съ метрополіей.

Новѣйшая исторія представляетъ совершенно аналогичныя явленія. Колоніи норманновъ въ западной и южной Европѣ, крестоносцевъ въ Палестинѣ, Константинополѣ, Пруссіи и Лифляндіи, будучи основаны не въ цѣляхъ государства, стоятъ политически совершенно независимо отъ метрополіи, только находятся въ тѣсной связи съ господствующей въ ней церковью. Эти колоніи, какъ совершенно соотвѣтствующія древнимъ колоніямъ, можно назвать послѣд-

*) Полиб. (какъ очевид.), Exc. de legatt. 114. И наоборотъ, Тиръ весьма рѣшительно отказывался помочь Камбизу своимъ флотомъ противъ Карѳагена. Герод. III, 17. Во время осады Александромъ жители Тира послали большую часть своихъ семействъ и сокровищъ въ Карѳагенъ: Діод. XVII, 41.

**) Впрочемъ эта политика требовала строгаго выполненія хотя нѣкоторое время. Мы имѣемъ древнія рукописи двухъ торговыхъ договоровъ, которые карѳагеняне въ различныя времена заключали съ Римомъ. Въ первомъ (509 г. до Р. Х.) еще былъ дозволенъ въѣздъ въ большую часть карѳагенскихъ колоній, конечно, при надзорѣ государства за торговлей; во второмъ, напротивъ, (348 г. до Р. Х.) только въ исключительныхъ случаяхъ, при крайней необходимости, но не для торговцевъ или путешественниковъ. (Полиб. III, 22).

ними волнами великаго переселенія народовъ. Что сохранилось отъ подобныхъ учрежденій,—то позднѣе большею частью соединялось съ метрополіей: такъ Исландія съ Норвегіей, Пруссія и Трансильванія съ Германіей *).

Торговыя колоніи послѣдующихъ среднихъ вѣковъ, исходя отъ городовъ, стоящихъ на высокой степени культуры, занимаютъ середину между исключительно частными и совершенно государственными предпріятіями. Такъ образовалась, напр., ганзейская факторія въ Бергенѣ изъ однихъ коммерсантовъ, такъ называемыхъ «Bergenfahrergilden» **), частныхъ обществъ отдѣльныхъ ганзейскихъ городовъ; въ качествѣ высшей власти функціонировалъ большой купеческій совѣтъ восемнадцати подъ началомъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ. Отсюда шла уже апелляція въ любекскій сенатъ и, наконецъ, въ сеймъ всей Ганзы. Однако, Ганза главнымъ образомъ возросла вслѣдствіе того, что отдѣльные, почти случайные, союзы маленькихъ группъ городовъ сплотились въ величественную организацію для лучшей защиты и управленія уже могущественно расцвѣтшихъ иностранныхъ торговыхъ факторій. Еще гораздо раньше и крѣпче устроили свои торговыя факторіи итальянскіе приморскіе города. Генуя устроила въ XIV столѣтіи вполнѣ организованныя сношенія съ своими заморскими колоніями черезъ Officium Gazari с въ Генуѣ, которое и назначало на всѣ должности, опредѣляло снаряженіе и время отправленія кораблей и т. п. Венеціанцы, въ 1570 г. и слѣд. гг., присягали въ томъ, что будутъ оказывать торговыя услуги чужеземцамъ на Востокѣ лишь съ особеннаго разрѣшенія своего начальства.

Наоборотъ, позднѣйшія колоніи, основаніе которыхъ уже падаетъ на періодъ бо́льшаго развитія государства, почти безъ исключенія, или съ самаго начала учреждаются правительствомъ, или очень скоро послѣ того, какъ сдѣлаются значительными, бываютъ имъ управляемы. Открытія Колумба, завоеванія Бальбоа, Кортеса и Пизарро, совершились всѣ во имя короля Испаніи, хотя средства для послѣднихъ и были доставлены частными лицами. Какъ быстро преходяща независимость конквистадоровъ Перу! И какъ покорно преклоняются могущественнѣйшіе герои передъ любимцами двора. Колумбъ передъ Бобадиллой, Кортесъ передъ Антоніемъ Мендозой.

---

*) Точно также въ древности іонійскія и дорійскія малоазіатскія колоніи съ Аѳинами или Спартой, финикійско-испанскія съ Карѳагеномъ и т. п.

**) Гильдій бергенскихъ мореплавателей. *Прим. перев.*

Бальбоа передъ Педраріасомъ! Важнѣйшія португальскія колоніи были монополіей правительства; колоніи голландцевъ, шведовъ и датчанъ вышли, по крайней мѣрѣ, изъ большихъ привиллегированныхъ обществъ. Хотя британская колонія въ Новой Англіи первоначально старалась удержать за собой извѣстную независимость, однако, и она скоро послѣ того должна была признать господство государства. Равнымъ образомъ, когда Ермакъ совершилъ завоеваніе Западной Сибири, онъ предложилъ верховную власть надъ ней своему царю «до тѣхъ поръ, пока Богу будетъ угодно, чтобъ міръ существовалъ». До сихъ поръ смотрятъ даже въ Сѣверной Америкѣ, классической странѣ самоуправленія, на позднѣйшую колонизацію, какъ на государственное дѣло: вся незаселенная земля принадлежитъ союзу, онъ дѣлитъ и продаетъ ее, и ему принадлежитъ управленіе новыми поселеніями, пока они не достигнутъ политическаго совершеннолѣтія. Мы, нѣмцы, до сихъ поръ все еще остались на степени апойкіи: хотя у насъ взглядъ противуположныхъ партій— высшаго дворянства, такъ-же какъ и либеральныхъ газетъ и сейма, по крайней мѣрѣ сходенъ въ томъ, что государство скоро будетъ принуждено взять въ свои руки колонизаціонный вопросъ. Главное основаніе для колонизаціи государственнымъ путемъ заключается въ томъ, что только такимъ образомъ колонія дѣйствительно можетъ сдѣлаться свѣжимъ снимкомъ своей метрополіи. Такимъ образомъ избѣгаютъ того, чтобы одни низшіе слои народа основывали колоніи въ духѣ атомизма, можетъ быть, даже варварства и затѣмъ въ томъ же самомъ духѣ оттуда дѣйствовали обратно на метрополію. Ничего не пожалѣла бы теперь Англія, если бы могла предотвратить сисходительной систематической колоніальной политикой наступленіе феніанства у ирландцевъ, выселившихся въ Америку.

Конечно, при совершенно неустранимыхъ требованіяхъ, которыя предъявляетъ природа молодой колоніи къ личности колониста, излишекъ государственной помощи еще вредѣе, чѣмъ полное отсутствіе ея. Видно это особенно у французовъ, которые изъ одной крайности, необыкновенно поздняхъ заботъ о государственной колонизаціи, затѣмъ тотчасъ-же впали въ противоположную крайность. (Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что запоздалыя реформы, если за нихъ и принимаются, легко теряютъ свое значеніе). Такъ, Леруа Болье характеризуетъ основаніе ость-индской компаніи (1664) слѣдующимъ образомъ. «Академическая рѣчь, подписка со стороны придворныхъ и должностныхъ лицъ, желавшихъ снискать или сохранить благоволеніе начальника, весь оффиціальный міръ, къ которому,

по приказанію свыше, пристали правительственные агенты, а также провинціальныя и муниципальныя власти: королевскія пособія, долженствовавшія обезопасить компаніоновъ отъ всякаго риска, —вотъ въ какой искусственной атмосферѣ выросла эта громадная ассоціація, не пустившая никакихъ корней въ странѣ и среди націи, лишенная всякихъ жизненныхъ силъ и самодѣятельности, родившаяся не изъ потребности или національныхъ стремленій, но по прихоти и изъ честолюбія министра и короля (стр. 185)». Это повторилось и при вступленіи во владѣніе Маркизскими островами: весною 1843 года отправилась туда первая экспедиція съ чиновниками, таможенными служащими (douaniers), жандармами, но—безъ колонистовъ! *).

Я замѣчу еще, что почти въ каждой колоніи обыкновенно очень скоро является различіе между тѣми колонистами, которые родились въ метрополіи, и тѣми, которые родились уже въ колоніи. Первыхъ, какъ извѣстно, въ тропической Америкѣ называютъ *Chapetons* (Gachupins), послѣднихъ—креолами: въ Новой Голландіи тѣ въ шутку были названы *Sterling*, эти—*Currency*. Пока колонія находится въ зависимости отъ метрополіи. *Chapetons*, по крайней мѣрѣ фактически, обыкновенно удерживаютъ извѣстный перевѣсъ: послѣ эмансипаціи очень легко совершается обратное. Стоитъ вспомнить только о недавнихъ движеніяхъ такъ-называемыхъ патриотовъ, или объ ужасной реакціи *Knownothings* **) въ Сѣверной Америкѣ ***).

---

*) Knownothings называлось тайное политическое общество изъ *природныхъ* американцевъ, обязанныхъ на всѣ вопросы о дѣйствіяхъ общества отвѣчать we don't know, мы не знаемъ. *Примѣч. перевод.*

**) Какъ мало выигрываетъ переселеніе отъ сильной государственной централизаціи показываетъ предложенный въ 1868 г. прусскимъ министерствомъ внутр. дѣлъ Берлинскій Ферейнъ для покровительства нѣмецкой колонизаціи, который отъ прежнихъ учрежденій отличался главнымъ образомъ слѣдующимъ. Вмѣсто обезпечившихъ залогомъ и получившихъ право агентовъ переселеній, появлялись будто бы безплатно дѣйствующіе, но безъ залога, повѣренные, для чего выбирали старостъ, учителей и т. п., и они-то за число доставленныхъ переселенцевъ получали премію. Ферейнъ не гарантировалъ отходъ въ опредѣленное время, но платилъ только обратно часть путевыхъ денегъ, если корабль былъ полонъ, и переселенецъ на собственный счетъ не желалъ ждать въ гавани. Онъ не гарантировалъ также багажъ. Задатокъ, котораго пассажиръ могъ лишиться, былъ выше, чѣмъ прежде существовавшій (Deutsche Auswand.—Zeitung, Mai 1868).

***) Въ древней Сициліи потомки первыхъ колонистовъ составляли, подъ именемъ Гаморовъ (Gamoren), долгое время родъ потомственнаго дворянства, противъ чего позднѣйшіе переселенцы, какъ народъ (demos) или плебсъ, возстали.

У всѣхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ колоній, сдѣлавшихся значительными, повторяется изложенный въ слѣдующихъ главахъ ходъ развитія, естественно, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе принимали участія двѣ главныя черты въ характерѣ колоніи: старый народъ и новая страна — поколѣніе метрополіи и поколѣніе колоніи. Такъ въ бо̀льшей степени—при земледѣльческихъ колоніяхъ, въ меньшей — при торговыхъ: въ случаѣ завоевательныхъ колоній—тѣмъ больше, чѣмъ меньше по численности покоренный народъ и чѣмъ ниже по образованію. Такимъ образомъ, множество своеобразныхъ чертъ въ такихъ колоніяхъ, гдѣ существуетъ рабство, было задержано въ своемъ развитіи. Я указываю при этомъ вообще, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ знанія, на 6-ю и 7-ю книгу Оукидида, гдѣ великій историкъ описываетъ цвѣтущее время Сиракузъ. Съ геніальною проницательностью отмѣчены здѣсь важнѣйшія, также и послѣ повторявшіяся во всякое время, особенности колоніальной жизни, и это тѣмъ удивительнѣе, что Оукидидъ могъ изучить собственно колоніи только одного народа - греческаго, въ то время какъ намъ уже гораздо легче распознать естественный законъ изъ сравненія цѣлаго ряда различныхъ исторій народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Матеріальный ростъ колоній.

Еще Адамъ Смитъ замѣтилъ, что колоніи необыкновенно быстро расцвѣтаютъ по богатству и населенію. Основаніе этого явленія довольно ясно: здѣсь соединены капиталъ и рабочая сила, вообще, соціальныя культурныя отношенія (согласіе, чувство порядка, любовь къ миру и т. д.) высокообразованныхъ народовъ съ неистощенной природой дѣвственной и находящейся въ изобиліи почвою. Три главные фактора всякой производительности находятся обыкновенно во взаимномъ отношеніи другъ къ другу; на низшихъ ступеняхъ культуры господствуетъ, конечно, изобиліе плодородныхъ земель, но не достаетъ свободныхъ капиталовъ и способныхъ работниковъ, также и наоборотъ. Колоніи составляютъ исключеніе изъ этого. Ихъ собственная двойная природа позволяетъ взаимодѣйствіе всѣхъ трехъ факторовъ въ возможно высокой степени.

Такъ было еще съ древне-греческими колоніями. Милетъ, Ефесъ, Кротонъ, Сибарисъ и Тарентъ, Сиракузы и Агригентъ въ мате-

ріальномъ отношеніи во много разъ превосходили каждый городъ метрополіи въ лучшее свое время, за исключеніемъ Аѳинъ и, пожалуй, Коринѳа. Съ какою безпримѣрною быстротою они высылали отъ себя въ свою очередь едва ли не бо́льшія колоніи: одинъ Милетъ — 75 или 80. Маленькая страна Эолида насчитывала на пространствѣ около 50 кв. м.—30, болѣе или менѣе значительныхъ, городовъ. Хіряне называются у Ѳукидида (VIII, 45) богатѣйшими изъ всѣхъ грековъ. Самосскій храмъ Геры Геродотъ считаетъ (II, 148. III, 60) величайшей постройкой грековъ. По другимъ свѣдѣніямъ, храмъ Зевса въ Агригентѣ превосходилъ величиною каждый изъ греческихъ, за исключеніемъ эфесскаго храма Артемиды: онъ былъ вдвое выше Партенона въ Аѳинахъ. Тарентъ имѣлъ въ свое лучшее время войско въ 34,000 чел.; городу Сибарису приписывается населеніе въ 100,000 или, по другимъ источникамъ, даже въ 300,000 гражданъ. Во время великой персидской войны тиранъ Сиракузъ Гелонъ предложилъ греческому національному союзу флотъ въ 200 трехбаночныхъ галеръ, притомъ 2,000 всадниковъ, 20,000 тяжеловооруженныхъ, 2,000 стрѣлковъ, 2,000 пращниковъ и 2,000 легковооруженныхъ; вслѣдствіе чего онъ, конечно, требовалъ себѣ и главнаго начальства. О богатствѣ сиракузянъ свидѣтельствуетъ поговорка, прилагаемая къ большимъ расточителямъ, что десятой части Сиракузъ недостаточно для нихъ. Цицеронъ также въ высшей степени блестяще описываетъ величіе и могущество Сиракузъ. Объ Агригентѣ мы имѣемъ предпочтительно великолѣпное описаніе Тимея; обыкновенно о его жителяхъ говорятъ, что они возводили постройки такъ, какъ будто имъ пріійдется жить въ нихъ вѣчно, а ѣли, какъ если бы думали умереть завтра. О кириняпахъ извѣстно, что тамъ самый незначительный человѣкъ носилъ перстень съ печатью въ 10 минъ стоимости (около 200 талер.). Вслѣдствіе такого матеріальнаго роста древніе назвали нижнюю Италію Великой Греціей.

Также и новая исторія не знаетъ ни одного примѣра, чтобы народъ въ своемъ внутреннемъ развитіи росъ съ такою быстротою, какъ Соединенные штаты Сѣв. Ам. Ихъ населеніе простиралось

въ	1790 г.	до	3,929,827	душъ	въ 1840 г.	до	17,063,353 душъ.
»	1800 »	»	5,305,925	»	» 1850 »	»	23,263,488 »
»	1810 »	»	7,239,814	»	» 1860 »	»	31,443,321 »
»	1820 »	»	9,654,596	»	» 1870 »	»	38,555,981 »
»	1830 »	»	12,866,020	»	» 1880 »	»	50,445,000 »

И это не смотря на то, что переселеніе изъ Европы до 1840 г. едва составляло 3 проц. прироста. Всего быстрѣе возрастало населеніе въ западныхъ штатахъ,—колоніяхъ, отдѣлившихся уже отъ колоній: отъ 1810 до 1840 г. въ 7-ми югозап. шт. около 323%, въ 6-ти сѣверо-зап. шт. и областяхъ даже до 1090%. Вся долина Миссисипи заключала въ 1762 г. не болѣе 100,000 бѣлыхъ, въ 1840 г. было уже болѣе 6⅓ милл., въ 1850 около 8½ милл. Дѣйствительное происхожденіе штатовъ идетъ тамъ само собой: древнѣйшія колоніи, Виргинія и Новая Англія, суть исходные пункты. Жители Нов. Англіи сначала основали вблизи—Мэнъ и Фермонтъ, затѣмъ—Огіо, Индіану, Иллинойсъ и Мичиганъ. Мичигану способствовалъ также Нью-іоркъ, Индіанѣ и Огіо—Пенсильванія, хотя эти штаты могли расширяться уже на своей собственной территоріи. Виргинія основала Кентукки; Сѣв. Каролина—Теннесси; Южная Каролина и Георгія—Алабаму и Миссисипи; отъ Теннесси и Кентукки произошли затѣмъ въ свою очередь Миссури и Арканзасъ. Городъ Нью-іоркъ считалъ въ 1756 г. около 13,000 жителей, въ 1820—123,706, въ 1840—312,710, въ 1850—515,507, въ 1880—1,206,000 (съ Бруклиномъ 1,941,000). Мѣсто, на которомъ въ настоящее время стоитъ Цинцинати, было сто лѣтъ тому назадъ покрыто первобытнымъ лѣсомъ; большая часть его была въ 1781 г. отдана владѣтелемъ, котораго Марріэтъ засталъ еще живымъ, подъ выгонъ (Marryat. A diary in America. III 1839). Въ 1820 г. этотъ городъ имѣлъ уже 9,642 жителя, въ 1840 болѣе 46,000, въ 1850 болѣе 115,000, въ 1880—255,000. Мѣсто Данвилль въ Фермонтѣ еще въ 1788 г. не имѣло никакихъ поселеній, въ 1794 г. оно содержало уже 2 роты милиціи и одну егерей. Такъ возвысился С. Люисъ въ 22 года отъ 4,377 человѣкъ (1830) до 94,819 (1852).

Ростъ богатства, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ идти еще быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія. Для удвоенія послѣдняго, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ (конечно, безъ переселеній), нужно, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ, между тѣмъ при 10% сбора капиталы, даже безъ помощи наросценія процентовъ на проценты, могутъ удвоиться въ 10 лѣтъ. Такъ показалъ Нью-Джерсей въ 1795 г. вчетверо большее производство, чѣмъ передъ революціей. Вывозъ хлопка изъ Соед. штатовъ, который въ 1792 г. простирался только до 62,100 килогр., возвысился въ 1834 г. уже болѣе, чѣмъ до 173 милл. Стоимость его въ 1852—53 г. достигла болѣе 109 милл. долл. Полей засѣянныхъ пшеницей увеличилось въ періодъ 1870—1879 г. съ 18,992,000 акровъ

до 32,545,000, маисовыхъ полей съ 34 до 52 милл. Вслѣдствіе этого въ періодъ между 1850 г. и 1881 г. вывозъ пшеницы возросъ съ 217,000 до 40.800,000 метрич. центн., вывозъ маиса съ 1,681,000 до 23.700,000. Въ 10-ти штатахъ увеличивалось населеніе каждое десятилѣтіе на 30,8%, цѣна земельныхъ участковъ—на 68%; въ Виргиніи первое—на 7%, вторая—на 31%. Между тѣмъ какъ во всемъ союзѣ населеніе во всѣ 10 лѣтъ увеличилось на 33,33%, ввозъ возросъ до 47%, вывозъ—до 51%, потребленіе чая увеличилось на 61%, кофе—на 81%, вина—на 46%, наконецъ—количество наличныхъ денегъ—на 82%. Среднимъ числомъ увеличеніе богатствъ относится къ увеличенію народонаселенія какъ 50 къ 31. — Въ Соединенныхъ Штатахъ это развитіе было сильнѣе всего, потому что здѣсь съ самаго начала громадныя естественныя богатства шли рука объ руку съ большимъ изобиліемъ путей сообщенія и полнѣйшей политической свободой. Но въ меньшей степени имѣетъ мѣсто то же самое въ другихъ колоніяхъ, которыя занимаютъ менѣе выгодное естественное или политическое положеніе. Такъ напр., государственные доходы Новаго Южнаго Валлиса съ 1826 г. по 1841 г. возвысились съ 72,230 до 639,675 фунт. ст. Вывозъ хлопка оттуда въ 1822 г. равнялся 172,880 ф., въ 1841 г.—8.589,368; вывозъ хлопка съ Вандименовой земли въ 1832 г. =1.333,061 ф., въ 1839 = 308,920. Въ короткій промежутокъ отъ 1851 до 1862 г. число жителей Викторіи увеличилось съ77,345 до 544,040, число жителей Мельбурна съ 23,143 до 125,000; вывозъ хлопка съ 754,618 фун. ст. стоимости до 2.025,066. Новая Зеландія увеличила въ періодъ отъ 1851 до 1867 г. свой рогатый скотъ съ 35,000 до 313,000, своихъ овецъ съ 233,000 до 8.419,000, лошадей съ 3,000 до 66,000, свои огороженныя поля съ 41,000 до 3.456,000 акровъ. Вывозъ простирался въ 1841 г. только до 11,000 ф. ст., въ 1842 г.—19,000, въ 1867=4.645,000: ввозъ 1841—44 годахъ среднимъ числомъ = 34,750, въ 1867 = 5.345,000. Канада насчитывала въ 1759 г. около 60,000 жителей, въ 1848 г.—почти полтора милліона, въ 1871 г. = 3.686,000. Населеніе Мексики въ 18-мъ столѣтіи удвоилось въ теченіи 40—45 лѣтъ. Валовой доходъ Новой Испаніи возросталъ почти непрерывно съ 1765 по 1790 г. съ 6.130,314 до 19.400,213 піастровъ. Чистый остатокъ достигалъ отъ 1766 до 1778 г. только 15.027,072, отъ 1779 до 1791, напротивъ, доходилъ до 29.581,982 піастр. Въ Каракасѣ росли доходы отъ табаководства, которые, въ 1781 г. достигая лишь 154,000, до 1802 г. почти постоянно простирались до 724,000

ніастровъ. Населеніе Бразиліи считалось въ 1776 г. въ 1.900,000 душъ, въ 1796 г. было свыше 3-хъ милл., въ 1810 — почти около 4-хъ милл., въ 1872—свыше 11 милл.

Земельная рента, въ цѣломъ, можетъ быть естественно въ подобныхъ странахъ, на первый разъ, только очень низкой. Какъ мало опредѣленна она бываетъ здѣсь часто для обыкновеннаго человѣческаго разума, видно очень ясно на островѣ Принца Эдварда, 40,000 жителей котораго, «нѣкогда лучшіе люди въ мірѣ», не могли быть принуждены къ уплатѣ ренты за свои десять-двѣнадцать земельныхъ участковъ. Они дошли, было, уже разъ почти до возстанія и предпочли бы, въ крайнемъ случаѣ, выселеніе. Это характерно тѣмъ, что на теоретической почвѣ явились сильные противники новаго ученія Мальтуса-Рикардо о рентѣ также и въ Соединенныхъ Штатахъ (Кэри, Песхитъ, Смитъ, въ послѣднее время Георгъ), хотя о такъ называемой принудительной рентѣ (Folterrenten) на практикѣ здѣсь едва ли можно думать. Однако, часто особенно удобныя мѣста несоразмѣрно высоко оплачиваются, какъ благодаря сильной торговлѣ, такъ и благодаря быстрому развитію данной мѣстности. Въ Толедо на Эри въ 1834 г. акръ земли стоилъ $1^1/_2$ долл., въ 1837 г. квадратный футъ мѣста для постройки достигъ стоимости въ 100 долл. Квадратный туазъ мѣста для постройки стоилъ въ 1834 г. въ Парижѣ, на улицѣ Лафиттъ, 1,000 — 1,200 фр., на ул. Ришельё — 1,500 — 2,000 фр., на ул. *Новой Вивьены* *)—2,500—3,500 фр. Напротивъ, въ Филадельфіи, на ул. „Market“—отъ 3 до 4 тыс. фр. Въ Нью-іоркѣ, на ул. Wall—около 4,000 фр. Такъ, англійская колонія Новый Южный Валлисъ былъ основанъ не раньше 1788 года, и также 60 лѣтъ спустя, въ главномъ городѣ Сидисѣ мѣсто для постройки цѣнилось въ 20,000 фунт. за акръ.

Размѣръ процентовъ въ молодыхъ колоніяхъ постоянно очень высокъ на томъ же самомъ основаніи, какъ и во всѣхъ странахъ, стоящихъ на низкой степени культуры: такъ какъ возможность прибыльнаго помѣщенія капитала, именно на поляхъ лучшаго качества, т. е. возможность требованія на капиталъ существуетъ очень большая, то предложеніе, напротивъ, очень малое. Премія за рискъ можетъ быть въ колоніяхъ болѣе низкой, нежели она была въ средніе вѣка, но за то спекулятивный духъ пошелъ тамъ несравненно далѣе. Въ Нью-іоркѣ въ 1717 г. за-

*) *Neuve Vivienne.*

конный размѣръ процентовъ понизился на 6%; но уже въ слѣдующемъ году должны были его повысить на 8% по просьбѣ купцовъ, которые теперь не получали никакой прибыли. Когда Франклинъ написалъ (1751) свои Observations concerning the peopling of countries etc., англійскій размѣръ процентовъ стоялъ на 3—5, сѣв.-американскій—на 6—10%. Около 1830 г. онъ достигъ въ Пенсильваніи среднимъ числомъ до 6, въ Нью-іоркѣ—7, въ большей части Южныхъ Штатовъ—8 или 9, въ Луизіанѣ даже 10. Въ южной Австраліи (1850) при полной безопасности 15—20, въ Кубѣ для правительства 10, для частныхъ лицъ 12—16%. Въ Вестъ-Индіи къ концу 18-го столѣтія сильный негръ ежегодно возвращалъ 25% своей покупной цѣны. Такой размѣръ процентовъ, естественно, необыкновенно способствовалъ сбереженіямъ капиталовъ.

Гдѣ высокій размѣръ процентовъ и низкая земельная рента соединяются съ сильнымъ производствомъ, тамъ заработная плата, конечно, должна стоять высокой. Еще Josiah Child думалъ, что работа колониста была вчетверо выгоднѣе, чѣмъ если бы онъ остался дома. Земли въ колоніяхъ такъ дешевы, свободныхъ выгодныхъ мѣстъ такъ мало занято, что всякій работникъ, если онъ захочетъ, можетъ послѣ нѣсколькихъ годовъ службы основать свой собственный очагъ. Это обстоятельство еще болѣе должно съузить конкурренцію предлагающихъ работу. Если европейскіе рабочіе пожелаютъ вынудить повышеніе заработной платы, то они часто могутъ только пригрозить, что они или умрутъ съ голоду, или произведутъ бунтъ: американецъ же угрожаетъ очень просто и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно: я отправлюсь на западъ. (Chevalier, Lettres I, p. 237 *). Какъ обыкновенно великъ бываетъ спросъ на рабочихъ въ такихъ странахъ, видно, напримѣръ, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, гдѣ въ четыре первые мѣсяца 1842 г. предлагали свои руки 4,163 свободныхъ переселенца, и изъ этого большаго числа къ 14 мая оставалось безъ занятія только 30. Плата европейскому ремесленнику доходила въ Ріо-Жанейро ежедневно отъ 1 до 2 піастровъ. Въ Демерарѣ обыкновенный плотничій подмастерье получалъ почти 18 шил. въ день. Даже новорожденный негръ стоитъ въ англійской Вестъ-Индіи около

*) Такъ нѣкоторые работники на востокѣ сѣверной Америки пріобрѣли участки земли на западѣ, чтобы можно было угрожать своимъ хозяевамъ немедленнымъ выселеніемъ (см. Brentano, цехи рабочихъ, II, стр. 131).

5 ф. ст. Вотъ главная причина столь продолжительнаго господства рабства! Въ Соед. Штатахъ почти каждый ученикъ получаетъ тотчасъ плату, смотря по его работѣ. Между тѣмъ какъ плата французскаго рабочаго достигала среднимъ числомъ до 60—80 фр. ежегодно, плата свв.-амер. рабочаго, при незначительной работѣ и лучшей пищѣ, стояла на 50—60 фр. ежемѣсячно. Подмастерья каменьщики въ Нью-іоркѣ или Филадельфіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ зарабатывали 2,800 фр. ежегодно. Корабельный инженеръ во Франціи получалъ ежегодно 1,100—1,450 фр., въ западной части Соед. Штатовъ—до 6,400. Выгодное положеніе работницъ въ Ловеллѣ сдѣлалось почти поговоркой: бо́льшая часть изъ нихъ могутъ откладывать еженедѣльно до $1^1/_2$ дол., такъ что онѣ часто послѣ четырехлѣтней работы, составивъ приданое отъ 250 до 300 дол., оставляютъ фабрику и выходятъ замужъ. Знаменитый Вашингтонъ, когда былъ 16-ти-лѣтнимъ юношей, занимался межеваніемъ полей и получалъ за это ежедневно одинъ дублонъ, иногда даже 6 пистолей. Еще въ 1849 г. онъ считалъ себя плохимъ работникомъ, если онъ не могъ откладывать половину своей заработной платы. И даже въ тяжелое время 1875 г., замѣчаетъ Студницъ, въ Филадельфіи болѣе четверти женившихся работниковъ имѣютъ собственные дома; рабочіе въ Огіо такъ же хорошо ѣдятъ, какъ средніе классы Германіи; орудія почти у всѣхъ рабочихъ собственныя. Здѣсь слѣдуетъ еще особенно принять въ разсчетъ дешевизну большей части жизненныхъ припасовъ. М. Шевалье нашелъ, что самые обыкновенные желѣзнодорожные рабочіе, по большей части выселившіеся Ирландцы, кромѣ 2—3 фр. ежедневно, кормились слѣдующимъ образомъ на счетъ нанимателей: 3 раза въ день мясо и пшеничный хлѣбъ, 2 раза кофе съ сахаромъ, одинъ разъ масло, наконецъ еще отъ 7 до 8 разъ стаканъ простаго вина *).

---

*) Туккеръ (стр. 80) совершенно справедливо замѣчаетъ: сильное переселеніе изъ Европы никого не должно удивлять, если принять во вниманіе, что у насъ работа болѣе чѣмъ вдвое лучше оплачивается, капиталъ почти вдвое выигрываетъ, и землю, какъ полную собственность, можно имѣть дешевле, чѣмъ обошлась бы въ Европѣ годовая аренда этой земли. Впрочемъ, что главная причина такой высокой заработной платы заключается не въ особенныхъ качествахъ Америки или Австраліи, но вообще въ колоніальной природѣ, явствуетъ также изъ хорошаго положенія китайскихъ колонистовъ въ Манджуріи, которые живутъ extremely comfortable (Williamson) и легко могутъ откладывать ежегодно 100 ф. ст. (Ратцель. Китайское переселеніе, 1876, стр. 80).

Съ такою высокою заработною платою соединяются три очень важныя практическія слѣдствія.

А. Необыкновенная физическая сила рабочихъ классовъ; естественно предполагается, что климатъ и занятія въ общемъ благопріятны. Извѣстны изъ Спармана, Levaillant'a и Barrow'a исполинскія фигуры бозровъ *на Кафѣ*: не менѣе гигантски растенія западной Виргиніи, Кентукки и т. д. Настоящіе жители Новой Англіи могутъ быть нѣжны и худы потому въ особенности, что ихъ страна уже очень удаляется отъ дѣйствительнаго характера колоніи: однако, въ прежнее время въ Массачусетѣ изъ 19 человѣкъ 4 достигали 70-лѣтняго возраста. Такъ называемые воійяжеры (Voyageurs) англійскаго общества Гудсонова залива проходятъ на своихъ веселыныхъ лодкахъ ежедневно отъ 50 до 60 англ. миль, причемъ часто лодку и кладь они должны тащить по сушѣ. Вѣсъ такой тяжести достигаетъ, по крайней мѣрѣ, до 180 ф. на человѣка, и рабочее время—18 часовъ ежедневно: не смотря на это, такіе люди чрезвычайно бодры за своей работой. Въ этомъ случаѣ очень важно сопоставленіе, что въ древности, напр., Кротонъ выставилъ такъ много атлетовъ: въ Олимпіи однажды получили призъ всѣ семь кротонцевъ. Мнѣ вспоминается знаменитый Милонъ Кротонскій! Страбонъ приводитъ поговорки: «здоровѣе Кротона», и затѣмъ, что «послѣдній кротонецъ первый изъ всѣхъ грековъ». (VI. стр. 232).

В. Чувство самостоятельности, любви къ свободѣ, часто даже гордость низшихъ классовъ. Это хорошо извѣстно отъ англійскихъ туристовъ. Такъ говоритъ, напр., Parkinson, что при четырехъ слугахъ въ домѣ онъ долженъ былъ самъ чистить свои сапоги, самъ съ женою и дѣтьми доить коровъ въ то время, какъ люди еще спали. Чужіе слуги, которые къ нимъ являлись за чѣмъ-нибудь, входили съ шляпой на головѣ. Всѣ слуги назывались мистеръ и мистриссъ. Если постучать въ дверь дома и спросить выѣзднаго слугу, принимаетъ ли его господинъ, то онъ отвѣчаетъ: «у меня нѣтъ господина: можетъ быть, вы говорите о моемъ мистерѣ NN?» Въ гостинницахъ урожденный бѣлый американецъ обыкновенно съ презрѣніемъ отвергаетъ деньги на чай. Также нужно особенно остерегаться говорить о *Fellow* (ровня, товарищъ); служанки называются *Helps* (помощницами), господа—*Employers* (людьми, дающими работу). Если спросить въ гостинницѣ прачку, то сплошь и рядомъ получишь такой отвѣтъ: «да, сударь, я могу позвать даму, которая вымоетъ ваше бѣлье». При своей поѣздкѣ че-

резъ западные Соединенные Штаты баронъ Гюберъ замѣтилъ, что кучера ѣдятъ за тѣмъ же самымъ столомъ, какъ и пассажиры, но раньше ихъ. Пассажиры ожидали стоя, пока тѣ не встанутъ, и затѣмъ пассажировъ же торопили, говоря имъ: «ѣшьте скорѣе; кто въ 10 минутъ не будетъ готовъ, останется». Въ Австраліи случается такъ, что губернаторъ при рожденіи перваго своего ребенка внезапно оставляется своей горничной, потому что она не имѣетъ желанія «жить въ одномъ домѣ съ цѣлой кучей дѣтей». Или бюро домашней прислуги проситъ черезъ объявленіе, чтобъ добрыя лэди были такъ добры не такъ плотно сидѣть другъ къ другу, такъ какъ въ послѣдніе дни many persons desiring to engage domestics have found it impossible to gain admittance *) (благодаря ихъ кринолинамъ!). Вслѣдствіе высокой заработной платы совѣтуютъ пріѣзжимъ носить ихъ багажъ въ бочкахъ, которыя они всегда сами могутъ катить. Дѣйствительно, безъ высокой заработной платы демократія будетъ только обманомъ. Свойственная имъ распущенность хорошо извѣстна, особенно со времени Фр. Іоіера бродяги и бездѣльники Соединенныхъ Штатовъ такъ прекрасно были описаны. Древнія, и средне-вѣковыя колоніи выказывали часто подобную наклонность къ невѣжеству. Стоитъ только сопоставить рѣчь сиракузскаго Атенагора у Ѳукидида (VI, 36) съ современными аонискими. О Керкирѣ сложилась непристойная поговорка: «свободна Керкира, всякій.... куда онъ хочетъ!» Извѣстно, что тарентинскій бродяга своимъ наглымъ оскорбленіемъ римскаго посольства способствовалъ гибели своей республики. Такимъ же образомъ позднѣйшій періодъ нашихъ среднихъ вѣковъ дастъ мало сценъ, которыя грубостью и низостью жизни могли бы быть сравнены съ ганзейской факторіей въ Бергенѣ. Здѣсь, если ученикъ желалъ достигнуть степени лодочника, то свѣшивался въ люкъ, окуривался различнаго рода вонючими горючими матеріалами, затѣмъ бросался въ воду и маскированнымъ бился плетью до крови. Это должно было быть прекрасной подготовкой для постоянныхъ дракъ съ норвежцами, у которыхъ иногда случалось, что епископъ, или королевскій намѣстникъ отъ нѣмцевъ, уничтожался, безъ дальнѣйшаго раскаянія, какъ римская отпускная. Безчисленныя публичныя женщины, которыя жили съ ганзейцами, при такихъ передрягахъ стояли твердо на ихъ сторонѣ.

*) Многія лица, желавшія пригласить прислугъ, нашли невозможнымъ найти къ нимъ доступъ!

С. Еще прежде подмѣченный, даже безъ переселенія, необыкновенно быстрый ростъ населенія. У бозровъ 6—7 дѣтей считается чрезвычайно малымъ. Уже изъ Адама Смита извѣстно, что въ Сѣв. Америкѣ работа полувзрослыхъ дѣтей часто болѣе приносила, чѣмъ во сколько обходилось воспитаніе ихъ во все время юношескаго возраста, и т. п.: поэтому часто искали для брака вдовъ съ большимъ количествомъ дѣтей. Также Шевалье упоминаетъ объ одномъ тамошнемъ правилѣ, что мужчины съ 21 года основываются и женятся. Даже въ испанской Америкѣ Денонсъ замѣтилъ, что мужчины, которые въ 20 лѣтъ еще не были женаты, считались старыми холостяками. Числовое отношеніе пола и возраста, впрочемъ, очень отклоняется отъ общаго средняго. Разница зависитъ отъ того, что въ земледѣльческихъ колоніяхъ, которыя уже вышли изъ первыхъ труднѣйшихъ условій, благодаря раннимъ бракамъ и т. п., бываетъ соотвѣтственно очень много дѣтей, и что вообще переселяется гораздо болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ, гораздо болѣе молодыхъ, чѣмъ старыхъ *).

Во всемъ Сѣверо-америк. Союзѣ приходится на 100 мужчинъ бѣлыхъ:

	Въ 1800 г.	Въ 1820 г.
Свыше 16 лѣтъ	49,9	51,1
Моложе 16 лѣтъ	50,1	48,9

между тѣмъ, какъ въ Англіи 20-ти-лѣтній возрастъ раздѣлилъ мужское населеніе на двѣ равныя половины.

Дѣти ниже десяти лѣтъ составляли

Въ 1800 г.	1810 г.	1820 г.	1830 г.	1840 г.
36,6	34,5	33,4	32,56	31,63% всего

населенія. Въ только что колонизированныхъ графствахъ Пенсильваніи было въ 1791 г. ниже 16 лѣтъ 53,44%, въ главномъ городѣ, напротивъ,—42.05. На 100 женщинъ приходилось дѣтей моложе 10 лѣтъ:

	Въ 1800 г.	1840 г.
Въ Новой Англіи	63,5	51,0
» среднихъ штатахъ	70,7	55,7
» южныхъ »	73,0	67,8
» югозападн. »	77.6	75,5
» сѣверозападн. »	84,9	73,8

*) Въ Канадѣ только 1/3 переселенцевъ женщинъ и 1/6 дѣтей.

Изъ этого видно, какъ прогрессивно съ жизнью колоніи или чистота браковъ, или средняя плодовитость супруговъ, или то и другое вмѣстѣ уменьшалось.

Что касается числа женщинъ, то отношеніе ихъ къ мужчинамъ въ Виргиніи:

Въ 1790 г. какъ 96,4 къ 100
» 1800 » » 98,3 » 100
» 1820 » » 97,0 » 100

Въ Пенсильваніи въ 1791 г. приходилось на 100 м. 94,77 ж.; больше всего въ главномъ городѣ (=106,29), меньше всего въ западныхъ графствахъ (— 89,09). Въ самомъ молодомъ графствѣ Фермонтъ приходилось 100 м. на 86 ж., въ самыхъ населенныхъ дистриктахъ, зап. Массачусетсъ, Роде-Исландіи (Rhode-Island) и Коннектикутѣ, которые переселенцевъ даютъ болѣе, чѣмъ получаютъ, число женщинъ превышало. Въ Нью-іоркѣ въ 1756 г. на 100 м. только 90 ж., въ 1786 г. на 121 м. 116 ж., такимъ образомъ уже болѣе незначительный перевѣсъ мужчинъ: въ 1790 г., послѣ наступившихъ въ послѣднее время сильныхъ переселеній, на 100 м. 94 ж. Вновь населенное графство Вашингтонъ считало 100 м. на 87 ж.: Онондага, гдѣ переселеніе въ 1791 г. существовало лишь 1½ года, 524 мужск. пола свыше 16 лѣтъ. 192 ниже и 342 женщ. Невада имѣла въ 1880 г. 42,019 мужч. на 20,247 женщинъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ старше становится колонія, тѣмъ болѣе обыкновенно уменьшается перевѣсъ мужчинъ и дѣтей надъ женщинами и взрослыми. Весь союзъ считалъ въ 1840 г. на 100 бѣлыхъ мужск. пола 95,7 женщинъ.

Въ Нов. Южн. Валлисѣ, конечно, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ,

въ 1828 г. изъ всего населенія женщины составляли 24,55%
» 1833 » » » » » 26,56%
» 1841 » » » » » 33,83%

На Вандименовой землѣ въ 1824=22,67
» » » » 1830=25,41
» » » » 1838=30,22

Изъ 10,000 жителей было взрослыхъ за 45 лѣтъ во всемъ Союзѣ (1810 г.) только 1,200, а въ молодыхъ штатахъ Миссисипи и Индіанѣ 790 и 803, въ старыхъ штатахъ Массачусетсѣ и Коннектикутѣ 1,609 и 1,692: между тѣмъ инеды считали въ 1755 году 2,108.

И это обстоятельство, очевидно, особенно способствуетъ какъ увеличенію населенія, такъ и экономической производительности.

Для покойнаго положенія старости сдѣлано, напротивъ, мало. Пожилые люди оказываются въ Америкѣ прямо отодвинутыми на задній планъ. Кажется, что они какъ бы въ тягость молодому народу. Слово «старикъ» звучитъ почти такъ, какъ если бы говорилось на половину съ состраданіемъ, на половину съ презрѣніемъ: «старая тряпка, поцляйся еще нѣкоторое время, а затѣмъ устрой такъ, чтобъ удалиться съ этого свѣта» (Фр. Леверъ). Къ сожалѣнію,—только вполнѣ понятное слѣдствіе несоразмѣрно большаго числа молодыхъ дѣятельныхъ людей и быстраго, захватывающаго дыханіе, успѣха (going ahead!) всего окружающаго. Какъ рѣдко можно встрѣтить въ колоніяхъ уваженіе къ старости, точно такъ же рѣдко встрѣчается и родительскій авторитетъ по отношенію къ дѣтямъ. Эти послѣднія дѣлаются самостоятельными не только въ экономическомъ отношеніи раньше, чѣмъ въ старыхъ странахъ (въ Соединенныхъ Штатахъ 5 — 8-ю годами раньше, чѣмъ у насъ, Ратцель) и все вполнѣ знаютъ, но также и умственно созрѣваютъ раньше, вслѣдствіе общаго вліянія всей окружающей ихъ духовной атмосферы. Такъ отмѣчаетъ Уллоа съ удивленіемъ болѣе раннее развитіе молодыхъ креоловъ, даже въ сравненіи съ Испаніей: и въ Сѣверной Америкѣ общій голосъ наблюдателей таковъ, что тамъ настоящихъ дѣтей совсѣмъ нѣтъ.

Характерный разсказъ у Леера (II. стр. 86) объ отцѣ, который представлялъ своему сыну-мальчику много основаній, что онъ долженъ учиться по-французски. Ребенокъ же отвѣчаетъ съ величайшимъ спокойствіемъ: «да, отецъ, что вы говорите, это ваше убѣжденіе, что я говорю—мое: я слѣдую, однако, охотнѣе своему». Для нашего времени (Age of the great cities. Vaughan) и всѣхъ подобныхъ временъ столь характерное значеніе большихъ городовъ имѣетъ и въ этомъ отношеніи многое, что указываетъ на особенное смѣшеніе возрастовъ въ колоніяхъ. Здѣсь вліяетъ сильный притокъ изъ маленькихъ городовъ и еще болѣе изъ селъ и деревень на большой перевѣсъ среднихъ степеней возраста, которыя, конечно, самыя продуктивныя, и такимъ образомъ объясняется несоразмѣрное увеличеніе богатствъ въ большихъ городахъ. Такъ приходилось, напримѣръ, въ Берлинѣ въ 1870 г. на одного 16-ти-лѣтняго 5,7 взрослыхъ, въ Тюрингенѣ 3,9, въ Виртембергѣ 4,2. Во всей Пруссіи считалось изъ 100 жителей городовъ съ болѣе чѣмъ въ 20,000 населенія въ возрастѣ до 15 лѣтъ—29,30, отъ

15 до 65—67,09 и свыше 65 лѣтъ -3,02; напротивъ, въ равнинахъ это отношеніе таково: 37,28—58,44—4,29.

О бросающейся въ глаза независимости, даже господствѣ женщинъ и дѣтей, существующей въ Соединенныхъ Штатахъ, К. Г. Коль разсказываетъ, что въ самыхъ приличныхъ семействахъ молодыя дѣвушки принимаютъ посѣщенія мужчинъ и этихъ послѣднихъ вводятъ за чайный семейный столъ и т. п. безъ спроса прежде родителей. А мальчики желаютъ называться young gentlemen. между тѣмъ въ старой Англіи даже мужчины часто охотно слышатъ названіе boys или lasses. Женщины своихъ мужей охотнѣе называютъ beans. что въ старой Англіи носитъ однако названіе щеголь. Изъ мѣстъ народныхъ учителей въ Массачусетсѣ 84% занято женщинами. Въ Австраліи дѣвушки смотрятъ очень зорко за чулками своихъ женховъ; и если они не совсѣмъ въ порядкѣ, то онѣ съ насмѣшкою замѣчаютъ: «онъ желаетъ имѣть жену, чтобъ заштопать свои чулки».

Можно попробовать объяснить эти отношенія демократическими основами: по извѣстному, открытому Аристотелемъ, естественному закону, при демократіи женщины, дѣти и слуги обыкновенно очень независимы. Однако, и въ испанской Америкѣ господствуютъ подобныя условія. Дѣти могли безъ согласія родителей вступать въ бракъ; они по своей просьбѣ были переводимы начальствомъ въ другой домъ и получали тамъ отъ своихъ родителей не только деньги на содержаніе, но даже на веденіе процесса. Еще въ настоящее время Лима въ поговоркѣ называется раемъ женщинъ, адомъ мужчинъ! Такъ составляются колоніальныя свойства весьма общаго вида, которыя приносятъ такой ущербъ управленію домомъ. Даже у боэровъ, которые имѣютъ уже строгіе нравы, нельзя и несовершеннолѣтней дочери воспрепятствовать въ бракѣ, если мировой судья дастъ на то свое дозволеніе. То же замѣчается въ древнеисландской колоніи, не смотря на ея существенно-аристократическій духъ,—слишкомъ раннее развитіе дѣтей и сильно отклонившуюся отъ остальнаго германскаго средняго вѣка самостоятельность женщинъ, именно въ процессахъ.

Политико-экономическая теорія самаго значительнаго новаго колоніальнаго народа, именно сѣверо-американцевъ, по словамъ ея выдающихся защитниковъ (Кэри, Несхине, Смитъ и др.) отличается отъ политико-экономической теоріи своей метрополіи главнымъ образомъ тѣмъ, что она временно ослѣплена ложнымъ ученіемъ о такой сильной и неисчерпаемой способности своей родины къ росту,—

какъ будто бы вообще природой не было дано никакихъ предѣловъ человѣческому росту,—и основываетъ многое изъ того, въ чемъ ее упрекаютъ европейскіе теоретики, просто на соціальной неумѣлости людей и т. п. Такъ, Кэри въ своемъ основномъ положеніи принимаетъ, что совершенно нѣтъ границъ поступательному движенію культурнаго успѣха въ обработкѣ почвы, что всякій культурный шагъ ведетъ будто бы къ обрабатыванію все лучшей и лучшей почвы. Поле дѣлается тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе отъ него берутъ. Первое сверленіе угольной шахты производится съ трудомъ; всякая дальнѣйшая разработка болѣе глубокой шахты бываетъ уже легче. Со всякимъ приростомъ населенія въ болѣе высокой степени растетъ продуктивность работы. О возможности избытка народонаселенія Кэри думаетъ такъ мало, что утверждаетъ въ натурфилософскомъ обобщеніи: чѣмъ болѣе находящаяся на землѣ матерія принимаетъ форму людей, тѣмъ болѣе эта сила пріобрѣтаетъ возможность управлять силами природы, и тѣмъ болѣе она въ состояніи увеличить количество питательнаго матеріала from any given surface (отъ каждой данной поверхности). Принятый имъ вообще безконечный прогрессъ не только самаго успѣха, но даже быстроты его, онъ поясняетъ примѣромъ паденія тѣлъ въ пространствѣ, которое въ первую секунду проходитъ только одинъ футъ, въ 30 с. —900 ф., въ 50 с.—2,500 ф. и т. д., «пока оно не упадетъ на милліонъ фут. по прошествіи 1,000 сек.» (I, стр. 8). Если бы Кэри подумалъ о томъ, что въ дѣйствительности на нашей землѣ высота паденія совершенно невозможна свыше 10,000 ф., то онъ избѣжалъ бы этого практическаго ad absurdum deductio своего ученія! Точно такъ же его ученикъ Peshine Smith съ наивной увѣренностью вообще утверждаетъ, что заработная плата растетъ съ увеличеніемъ плотности населенія, точно также и капиталы быстрѣе растутъ, чѣмъ количество людей. Таково-же было бы заключеніе, что деревья при правильномъ уходѣ должны расти до неба, потому что они, конечно, согласно опытамъ, очень быстро растутъ на родинѣ теоретиковъ!

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРСКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Съ дѣтства моего я много ѣздила, много видала людей, почему мнѣ не казалось страшнымъ, когда, при замужествѣ моемъ, объявили мнѣ, что я должна отправиться съ мужемъ въ Сибирь, гдѣ у него были дѣла по золотопромышленности; но, тѣмъ не менѣе, я часто думала объ этой поѣздкѣ и имѣла очень смутное понятіе о предстоящей мнѣ тамъ жизни. Черезъ годъ мы пустились въ путь, въ концѣ февраля 1849 года: зима была теплая, дорога до Томска отличная, ѣхали мы быстро, останавливаясь только въ большихъ городахъ: не смотря на это, мнѣ казалось, что разстояніе все будто увеличивается, когда на мой вопросъ: далеко ли еще намъ ѣхать? получала отвѣты: «3,000 верстъ, 2,000 верстъ и проч.». Въ самомъ дѣлѣ, разстоянія ужасныя и могутъ показаться неизмѣримыми и не въ 18 лѣтъ! Такъ какъ въ февралѣ была ярмарка въ Ирбити, и у мужа тамъ было дѣло, мы заѣхали туда на нѣсколько дней, но прежде этого провели недѣлю въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ гг. Демидовыхъ, у нашихъ родственниковъ. Въ Тагилѣ я встрѣтила такое прекрасное общество, такіе роскошные и удобные дома, такую жизнь, что положительно нельзя было думать, что находишься за нѣсколько тысячъ верстъ отъ столицы. Болѣе всего привлекъ мое вниманіе главноуправляющій хозяйственной частью завода, Д. В. Б—въ. Если не ошибаюсь, онъ происходилъ изъ заводскихъ крѣпостныхъ Демидова и, какъ многіе другіе тагильцы, получилъ хорошее образованіе, бывалъ за границей и проч.; ума онъ былъ большаго, обращеніе самое пріятное, словомъ, человѣкъ такой, что встрѣчи съ нимъ долго не забудешь. Тамъ же былъ въ это время другой управляющій-техникъ Ф. П. Ш., тоже Демидовское твореніе, получившій воспитаніе въ Парижѣ, въ совершенствѣ знавшій, какъ говорятъ, заводскую часть: но онъ, сравнительно съ Б., про-

изводилъ непріятное впечатлѣніе и, не смотря на свой обширный умъ, впослѣдствіи игралъ очень жалкую роль въ енисейской золотопромышленности, желая вести дѣло тутъ, какъ велъ въ Тагилѣ при крѣпостномъ правѣ.

Ирбитская ярмарка показалась мнѣ чрезвычайно грязной, незначительной, неинтересной въ сравненіи съ Нижегородской, которую я не разъ видѣла: лавки темныя, какія-то убогія, товары старомодные, на улицахъ грязно, толкотня. Конечно, я не входила тогда *въ значеніе* этой ярмарки для Сибири, а говорю только о ея внѣшности, самой непривлекательной. Тутъ познакомилась я съ А. Ѳ. П., игравшимъ большую роль въ Зап. Сибири; теперь толкуютъ о его винокуренныхъ заводахъ, пароходахъ и проч., но въ то время еще говорили о немъ, какъ о представителѣ свѣтскости и красоты: и точно: до сихъ поръ помню его визитъ ко мнѣ, перчатки beurre frais, элегантный туалетъ и самую свѣтскую бесѣду, приправленную сознаніемъ своихъ побѣдъ въ различныхъ гостиныхъ.

Наконецъ, добрались мы до Томска; задолго еще до этого города началъ говорить мой мужъ, что въ Томскѣ предстоитъ мнѣ видѣть многихъ изъ его старыхъ знакомыхъ, между прочимъ, хорошаго пріятеля его, очень милаго добраго человѣка, П. С. С. Въ городъ мы пріѣхали рано утромъ, а около часа дня является къ намъ джентльменъ, изящно одѣтый, въ цилиндрѣ, въ прекрасной шубѣ, на Орловскихъ рысакахъ, но до такой степени пьяный, что нужна оказалась помощь нашего лакея при входѣ гостя на лѣстницу. Каково же было мое удивленіе, когда этотъ странный посѣтитель оказался тѣмъ пріятелемъ мужа, о которомъ я всю дорогу слушала разсказы. — онъ былъ точно добродушный господинъ, до-нельзя радушный, честный человѣкъ, но страсть къ вину заглушала всѣ его хорошія качества, и для томскихъ жителей было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ видѣть П. С. едва стоящимъ на ногахъ въ часъ дня: для меня же, постоянной жительницы такихъ городовъ, гдѣ шампанское подается только при торжественныхъ случаяхъ, гдѣ ни за какія деньги не удается видѣть визитирующаго *пьянаго джентльмена*, такое зрѣлище было просто ужасно! Я уже думала, что по этому образцу живутъ *всѣ* въ Сибири, что я не буду имѣть другаго общества, какъ съ утра до ночи пьяныхъ господъ, что стоитъ мнѣ доѣхать до мѣста нашего жительства, и мужъ мой окажется такимъ же кутилой, какъ его томскіе пріятели! Плакала я горько при всѣхъ этихъ размышленіяхъ, какъ вдругъ слышу въ другой комнатѣ разговоръ старика, извѣстнаго богатаго золотопро-

мышленника, С. Г. Щ., съ моимъ мужемъ о какомъ-то дѣлѣ, въ которое замѣшанъ и мужъ; рѣчь идетъ о разбитыхъ окнахъ, о поданной жалобѣ, о заплаченныхъ за это деньгахъ, и затѣмъ успокоеніе, что дѣло уже кончено, можно безъ всякаго опасенія ѣхать въ Енисейскъ... Опять новая картина сибирскихъ нравовъ, опять слезы еще сильнѣе, и хотя 10 лѣтъ, проведенныя мной въ Енисейскѣ, не только совершенно примирили меня съ Сибирью, но оставили во мнѣ самое лучшее воспоминаніе, все же первый мой пріѣздъ въ Томскъ до такой степени былъ для меня тяжелъ, что я всегда въѣзжала въ этотъ городъ очень неохотно, и считаю, что жизнь тамъ въ то время была худшая изо всѣхъ городовъ Сибири.

Такъ какъ весна въ 1849 г. была очень ранняя, то въ Ачинскѣ намъ пришлось бросить зимній экипажъ и ѣхать въ тарантасѣ по ужасной дорогѣ; но тамъ, около станціи Казачей, верстъ за 100 до Енисейска, оказалось опять такое множество снѣга, что мы принуждены были взять крошечныя повозочки, въ которыхъ возятъ почту: точно скорлупки, онѣ маленькія, и на всякой верстѣ, разъ по пяти были мы на боку; наконецъ, не доѣзжая семи верстъ до города, насъ до того напугали лошади при спускѣ съ горы, что я не могла ѣхать дальше, принуждена была ночевать въ Верхней деревнѣ, за семь верстъ до Енисейска, и нашла тутъ такое чистое помѣщеніе, такихъ добрыхъ хозяевъ, что послѣ часто ѣздила туда на тройкахъ, ради катанья, а лѣтомъ даже ходила пѣшкомъ и всегда вспоминала, что эта семья сибиряковъ первая оказала мнѣ участіе при въѣздѣ въ тотъ городъ, съ которымъ впослѣдствіи я такъ сжилась.

Пріѣхали мы въ Енисейскъ 24-го марта, заняли на первый разъ комнаты три въ домѣ одного енисейскаго купца, такъ какъ въ то время не было тамъ ни гостиницы, ни даже постоялыхъ дворовъ, и всѣ пріѣзжіе должны были искать помѣщенія у обывателей, а болѣе извѣстныя лица пользовались *отводными* квартирами въ домахъ богатаго купечества. Наша квартира оказалась сносной, только было одно неудобство: хозяйка являлась ежеминутно и дѣлала замѣчанія, напр., по поводу перестановки мебели въ иномъ вкусѣ, нежели она привыкла ставить; впрочемъ, мы прожили у ней не болѣе недѣли, пока нашли себѣ удобную квартиру на берегу Енисея, гдѣ могли расположиться свободнѣе. Въ этомъ помѣщеніи, раньше насъ, жили золотопромышленники З., которыхъ я ужъ не застала, но слышала много разсказовъ о нихъ; напримѣръ, какъ они въ 10 часовъ утра считали долгомъ пить шампан

скимъ всякаго приходившаго къ нимъ даже по дѣлу; какъ играли въ карты, раскладывая grand patience, т. е. съ условіемъ платить по золотому всякій разъ, какъ пасьянсъ не выйдетъ, и эту оригинальную игру придумали они по тому случаю, что банкъ уже очень надоѣлъ! Вообще, въ эпоху моего пріѣзда въ Енисейскъ, *золотой* была самая мелкая монета тамъ, и всего болѣе въ ходу: за молебенъ давали золотой; повару, за вкусно приготовленное блюдо,—золотой; посылая на рынокъ, вручали экономкѣ непремѣнно нѣсколько золотыхъ. За то черезъ 10 лѣтъ, когда я оставляла Сибирь, *золотого* мы и не видывали, развѣ только сохраняли *одинъ* во весь годъ съ монетнаго двора, полученный за золото! Итакъ обращаюсь къ нашему прибытію: первый, кого я увидала въ Енисейскѣ, былъ, теперь уже давно умершій, Е. Д. М. Эта личность чрезвычайно интересная; нужно было бы не мое перо, чтобы его описать: рыцарская честность, прямота, смѣлость, энергія, въ немъ были удивительныя, но при всемъ этомъ не доставало характера воздержаться отъ вина, и онъ умеръ именно отъ этого недуга. Какъ многіе тагильцы, М. воспитывался во Франціи, въ какой-то школѣ, гдѣ особенное вниманіе обращали на почеркъ, и М. писалъ замѣчательно хорошо, да и щеголялъ же онъ своимъ почеркомъ! То напишетъ такъ мелко и четко свою фамилію, что въ микроскопъ только читать, то разрисуетъ какой-нибудь листъ однимъ почеркомъ и поразитъ своей каллиграфіей всякаго. Зимой и лѣтомъ онъ обливался холодной водой: лѣтомъ, конечно, купался, какъ всѣ, но зимой поступалъ очень оригинально: выходилъ во дворъ къ бочкѣ, и тамъ на него выливали нѣсколько ведеръ воды; потомъ, не смотря ни на какую погоду, въ холодномъ пальто и кожаной фуражкѣ, отправлялся онъ пѣшкомъ верстъ за 5—7; ходилъ такъ скоро, что другая лошадь не догонитъ; прекрасно ѣздилъ верхомъ, ходилъ на лыжахъ, до смерти любилъ тайгу и ужасно скучалъ въ Петербургѣ. Что касается до его страсти къ вину, то и въ этомъ онъ былъ оригиналенъ; напримѣръ, напьется на какомъ-нибудь *балу* до того, что ляжетъ на кровать въ комнатѣ дочери хозяина, предварительно надѣвъ на себя ея капоть, или уснетъ въ передней на сундукѣ; но, *если захочетъ*, *могъ не пить* по нѣскольку мѣсяцевъ. Всю масляницу трезвымъ его не увидишь, затѣмъ въ прощеное воскресенье вечеромъ отвозятъ его въ сторожку, въ соборъ. Онъ тамъ выспится и весь постъ капли вина не беретъ въ ротъ, а первую недѣлю говѣетъ и усердно молится. Для полной его характеристики еще разскажу одинъ эпизодъ: когда онъ бывалъ

пьянъ, дѣлался смертельно блѣденъ и дерзокъ до забвенія всѣхъ приличій; спорилъ ежеминутно, лѣзъ чуть не въ драку при всякомъ противорѣчіи. Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ случилось у моего мужа очень важное дѣло, вслѣдствіе котораго пришлось пригласить М. къ намъ обѣдать, не смотря на то, что онъ въ этотъ день былъ ужасно пьянъ... Я испугалась до такой степени подобнаго гостя, что не хотѣла къ нему выдти, но мужъ сказалъ мнѣ, что М. этимъ оскорбится и, пожалуй, повредитъ дѣлу... Вышла я еле живая, сѣла за столъ, и что же! Этотъ наводящій страхъ на весь городъ человѣкъ оказался—самымъ деликатнымъ, вѣжливымъ гостемъ. Не только перестала я его бояться съ того времени, но была всегда убѣждена, что М., какъ бы ни напился, знаетъ вполнѣ приличія, и, если ихъ не соблюдаетъ, то единственно по той же причинѣ, по какой онъ разъ на балу, провальсировавъ со мной въ перчаткахъ, тотчасъ же ихъ снялъ, громко, не стѣсняясь, сказавъ: «ну, теперь можно и безъ перчатокъ!»

Въ одно время съ нами пріѣхали въ Енисейскъ новыя власти: окружный начальникъ, А. П. Р., и городничій, Е. А. Е. Первый былъ полякъ, чрезвычайно умный, тонкій, вѣжливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловой и хорошій человѣкъ: держался онъ чисто губернаторомъ, да и жители его всѣ такъ уважали, что съ удовольствіемъ оказывали ему почетъ. Человѣкъ онъ былъ не семейный, хотя ужъ не юный, но, исключая двухъ-трехъ домовъ, нигдѣ почти не бывалъ и велъ самую скромную жизнь. Не таковъ былъ нашъ городничій, гусаръ старыхъ временъ, владимірскій помѣщикъ, широкая русская натура: бывъ на службѣ, онъ отличался храбростію: на Кавказѣ, напримѣръ, вынесъ съ своими гусарами на рукахъ гр. Муравьева Амурскаго и, по разсказамъ графа, выставлялъ ноги непріятелю, крича: «на пенсію», т. е. желая, чтобъ его ранили для полученія пенсіи, однако это желаніе не исполнилось, и нашъ почтенный Е. А. пріѣхалъ въ Сибирь городничимъ, живъ и невредимъ. Прежде онъ былъ въ Тюмени, гдѣ, вѣроятно, еще помнятъ его простую, добрую, веселую, радушную личность, съ его поваромъ Савушкой, который, изъ крѣпостныхъ людей, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ (а на службу Е. А. поступилъ 16-ти лѣтъ), кормилъ часто барина на свой счетъ въ дни безденежья, и готовъ былъ за него идти въ огонь и воду. Кутила былъ Е., какъ всѣ гусары, но для кутежа ему всегда нужна была *хорошая компанія*— съ едва знакомыми онъ и пить не станетъ: любилъ онъ выпить съ дюжину бутылокъ «холодненькаго», затѣмъ протанцовать очень

чинно кадриль, иной разъ и съ кавалеромъ *за даму*—это даже лучше. Своимъ городничествомъ онъ оставилъ самое лучшее воспоминаніе, но не потому, чтобы дѣйствія его были замѣчательны, какъ градоначальника, но всѣ и каждый любили его за необыкновенную доброту и непритязательность. Всякому вновь прибывшему въ городъ домъ его былъ открытъ; случалось даже, что Е. А., не шутя, сердился за то, что какой-нибудь пріѣзжій давно у него не обѣдалъ: для него не было бо́льшаго удовольствія, какъ оказать хлѣбосольство заѣзжему юношѣ, и пріемъ въ его домъ былъ рѣшительно для всѣхъ одинаковъ; случалось видѣть у него бѣднаго регента енисейскихъ пѣвчихъ за однимъ столомъ съ блестящимъ адъютантомъ генералъ-губернатора, и казались эти гости совершенно равными по вниманію къ нимъ радушнаго хозяина, и если бы какой-нибудь «франтъ съ королевской псарни» (любимое выраженіе Е.,-обозначающее черезчуръ много думающихъ о себѣ молокососовъ) дозволилъ какую-нибудь гримасу въ отношеніи этого бѣднаго регента, то не ушелъ бы онъ отъ хозяина цѣлымъ и невредимымъ...

Хорошъ былъ старикъ гусаръ въ полной формѣ въ соборѣ, вынимающій безпрестанно свои часы-луковицу, чтобъ убѣдиться, сколько времени еще стоять за молебномъ... А когда онъ громогласно возвѣщаетъ, что статья 2420 свода законовъ гласитъ то-то, такъ вы и чувствуете, что эту статью онъ самъ лично ни разу въ жизни не читалъ, а сообщилъ ему объ ней *только въ это утро* его секретарь. Помню я еще Е. А. кричащимъ: «мальчикъ, квасу!» въ то время, когда забудутъ хозяева приготовить любимый имъ эль около карточнаго стола... Въ карты игралъ онъ охотно, спорилъ ужасно при всякой проигранной игрѣ, но, разумѣется, все это забывалось, какъ только сядутъ за ужинъ, и начнетъ нашъ гусаръ разсказывать свои обычные анекдоты изъ жизни въ Польшѣ, на Кавказѣ, анекдоты, въ которыхъ появляются разныя громкія имена, и старикъ какъ будто вновь переживаетъ всѣ эти событія. Вспыльчивъ онъ былъ страшно; разъ чуть не убилъ камнемъ въ окно своего лакея за то, что тотъ утромъ, вмѣсто уборки комнаты, возсѣдалъ на его покойномъ креслѣ и пѣлъ громко теноромъ: «Скажи мнѣ, Господи, кончину мою»: но, передавая на другой день намъ этотъ эпизодъ, старикъ хохоталъ до слезъ. Больнымъ онъ положительно не вѣрилъ и говорилъ, что всѣ эти хворости происходятъ отъ *воображенія*; здоровье у него самого было завидное, если взять въ разсчетъ все количество вина, имъ выпитаго,

и все то, что онъ пережилъ до 60-лѣтняго возраста. Въ день причастія св. таинъ онъ считалъ долгомъ напиться въ лежку, тоже въ хорошей компаніи: словомъ, былъ вѣренъ себѣ! Проживъ въ Енисейскѣ года три, онъ былъ переведенъ полиціймейстеромъ въ Иркутскъ, но, не смотря на расположеніе къ нему генералъ-губернатора, на это повышеніе по службѣ, до такой степени тосковалъ по енисейской жизни, что просилъ, какъ милости, перевести его опять туда. Генералъ-губернаторъ предлагалъ сдѣлать его директоромъ Т. фабрики, но на это старый гусаръ отвѣтилъ: «нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не могу я тамъ быть, ибо взятки брать я неспособенъ, а не буду брать и дѣлиться съ Иркутскомъ, меня завтра же упекутъ подъ судъ: такъ ужъ дозвольте мнѣ занять опять мѣсто енисейскаго городничаго, какъ только тамъ будетъ вакансія».

Въ 1856 году его вновь назначили въ Енисейскъ, и онъ оставался въ этой должности лѣтъ 5, пока не получилъ мѣста бригаднаго командира за Байкаломъ, гдѣ умеръ около 1864 года, не оставивъ почти ничего, исключая памяти добраго, прекраснаго человѣка.

...Но я ужъ запла слишкомъ впередъ: надо обратиться къ слѣдующимъ личностямъ, встрѣтившимъ меня при въѣздѣ моемъ въ Енисейскъ. Горный исправникъ въ это время жилъ зиму тоже въ городѣ, былъ неглупый и хорошій человѣкъ, но нелюдимъ порядочный, или, какъ говорила его супруга, «молчаливый». Золотопромышленники платили ему дань, но все же онъ менѣе былъ извѣстенъ поборами, нежели его помощникъ, Г. А. Т., живущій лѣто и зиму въ тайгѣ. Этотъ господинъ, вѣчно больной, когда дома, и готовый плясать до упаду и пѣть всѣ вечера: «По небу полуночи», какъ только пріѣзжалъ въ городъ,—говорилъ сладко, все больше о счастьи имѣть образованіе и бесѣдовать съ образованной женщиной. Между тѣмъ, стоило случиться чему-нибудь на пріискахъ, какъ этотъ богоглаголивый Аввакумъ налеталъ тотчасъ же и выжималъ все, что могъ, съ владѣльца пріиска или его управляющаго: при большихъ купахъ и мосты могли проваливаться, и отвалы засыпать народъ, и кормить плохо рабочихъ дозволялось, и на поздній часъ работъ смотрѣлось сквозь пальцы, лишь бы не забывали приносить должное и помогали округлять его состояніе!

Земскимъ исправникомъ въ это время былъ А. П. З., извѣстный тѣмъ, что, по желанію губернатора П., онъ совершилъ великій подвигъ, превративъ дорогу изъ Красноярска до Енисейска въ прекрасѣйшее шоссе, такъ что 300 верстъ эти проѣзжали

ровно въ сутки... Дѣлалось это крестьянами, работа, говорятъ, была ужасно трудная, но и до сихъ поръ, кажется, всѣ канавы существуютъ, и проѣзжающіе благодарятъ З. за прекрасный путь.

Исключая этого персонала властей, въ обществѣ тогда были видны нѣсколько управляющихъ пріисками и управляющій откупами. Изъ числа первыхъ стоитъ назвать П. В. К., какъ передъ вами явится личность чугуевца—улана старыхъ временъ, до старости танцующаго безъ устали, распорядителя всѣхъ баловъ и пикниковъ, mangeur des coeurs, красящаго волосы, всегда имѣющаго видъ полковаго командира, и самаго неспокойнаго характера. Въ первый же балъ, которымъ онъ при мнѣ распоряжался, онъ неосторожно кутнулъ, и на вопросъ одного доктора, почему нѣтъ въ числѣ гостей другаго врача, его товарища, воинъ-распорядитель отвѣтилъ: «благодари, дуракъ, что и тебя пригласили!» Конечно, этотъ обидѣлся, послѣдовала драка, затѣмъ вызовъ на дуэль, принесенъ былъ ужъ и ящикъ съ пистолетами, но гусаръ-городничій уговорилъ оставить это дѣло и идти всѣмъ спать. Дня черезъ три битый чугуевецъ дѣлалъ по городу визиты и говорилъ, что его репутація уже давно составлена, почему эта случившаяся исторія не можетъ его чернить. Изучилъ онъ нравы енисейцевъ отлично: зналъ, что въ дамской уборной слѣдуетъ, вмѣсто одеколона, налить водки, ибо енисейскія «маменьки» считаютъ за позоръ вынить рюмку вина въ обществѣ, но въ уборной, когда никто не видитъ, съ большимъ удовольствіемъ хлебнутъ этого *одеколона*. Пріѣзжая съ визитомъ въ домъ енисейца, нашъ полковникъ никогда не оставлялъ карточки, если никого изъ хозяевъ не было дома, на томъ основаніи, что *домъ никуда не ушелъ*, и всѣ бы сочли обидой, если бы онъ и безъ хозяевъ не вошелъ и не посидѣлъ нѣсколько минутъ. Когда мы пріѣхали, понятія о многомъ у енисейцевъ были странныя; напримѣръ, считали величайшимъ неприличіемъ носить не шелковыя или не шерстяныя платья, выходя на улицу: когда я появлялась на прогулку въ кисейномъ или, чего Боже сохрани, ситцевомъ платьѣ, то на меня смотрѣли съ такимъ же удивленіемъ, какъ если бы я шла совсѣмъ неодѣтая. Приглашая меня на свадьбу, мать невѣсты покорнѣйше просила *надѣть всѣ мои брилліанты* и вообще *одѣться понарядне*, заявляя, что желаютъ свадьбу сдѣлать *парадную*. Былъ тогда обычай, что, какъ только дѣвушка объявлена невѣстой, всѣ ея знакомые дѣлаютъ ей подарки, и не бездѣлицы только на память, а чуть-чуть не цѣлое приданое собирается, и это безразлично для бога-

тыхъ и для бѣдныхъ дѣвушекъ. Распорядителемъ на свадьбѣ приглашали всегда почетнаго господина, называя его *тысяцкимъ*: на его счетъ освѣщалась церковь, платили пѣвчимъ, и онъ же обязанъ былъ платить за вѣнчаніе. Въ Россіи этого обычая не было.

Управляющимъ откупа тоже не мѣшаетъ заняться. Это былъ человѣкъ очень смѣлый въ манерахъ и разсужденіяхъ, очень занятый политикой.—венгерская кампанія тогда была,—и безъ всякихъ комментаріевъ произносящій: «Англія не позволитъ!» при какой-нибудь политической бесѣдѣ. Разсказывалъ онъ иногда, что королева Викторія сказала рѣчь и удалилась въ свои «*апартаменты*»: но это не мѣшало ему важничать своимъ всезнаніемъ. Жена его—далеко неглупая женщина, изъ простыхъ казачекъ, чрезвычайно симпатичной наружности, желающая образовать себя, на сколько возможно... Она была подъ ферулой улана-чугуевца, почему въ обществѣ держала себя очень несмѣло; но впослѣдствіи взялъ на себя задачу ея развитія одинъ прекрасно образованный человѣкъ, и изъ нея вышла хорошая женщина. Былъ еще главноуправляющій золотыми дѣлами Г., старый нѣмецъ III.; онъ получалъ въ годъ 15 тысячъ; семья его въ Москвѣ, кромѣ того, жила на всемъ готовомъ отъ Г.: дѣти воспитывались на счетъ Г., а между тѣмъ этотъ нѣмецъ изъ жидовъ представлялъ изъ себя такой образецъ скупости, какіе встрѣчаются весьма рѣдко. Квартиры особой онъ себѣ не нанималъ, а жилъ при конторѣ; стола дома не имѣлъ, но ходилъ обѣдать по очереди ко всѣмъ знакомымъ, а по окончаніи обѣда собиралъ всѣ оставшіеся куски бѣлаго хлѣба, и, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ: «душечка, я буду это брать себѣ къ чаю?» Если же по нездоровью не могъ выйти изъ дому, то посылалъ за супомъ къ женѣ одного изъ служащихъ или довольствовался однимъ яйцомъ въ смятку... и это при 15 тысячахъ въ годъ, чуть ли не 70 лѣтъ старецъ! Въ дѣлахъ компаніи онъ положительно ничего не дѣлалъ, всѣмъ орудовалъ другой его товарищъ, Т., жившій зимой постоянно въ Красноярскѣ и имѣвшій среди золотопромышленниковъ репутацію таежнаго Наполеона. «Т. сказалъ» — была фраза, не дозволявшая никакихъ возраженій.

Въ городѣ, въ это же время, жилъ до-нельзя замѣчательный старикъ-милліонеръ П. Е. К.; ему было, вѣроятно, подъ 70, но черные, какъ угли, его глаза могли спорить въ блескѣ съ молодыми; волоса, совершенно бѣлые, высокій ростъ, добродушный старческій смѣхъ, остались у меня въ памяти. Сначала я боялась его посѣщеній: мнѣ говорили о К., какъ о сердитомъ старикѣ,

который слишкомъ рѣзко заявляетъ свои мнѣнія, на всѣхъ женщинъ смотритъ недружелюбно и проч., но потомъ я имѣла случай не разъ убѣдиться, что въ немъ было много теплаго участія и тонкаго пониманія людей. Жизнь онъ велъ какую-то мудреную: занималъ большой домъ, имѣющій видъ аббатства, но сидѣлъ всегда въ одной комнатѣ, куда не дозволялось входить прислугѣ, и убирать, что бы тутъ ни было, запрещалось. Посѣтители могли видѣть и огарокъ свѣчки, и половину калача на окнѣ, и банку варенья (старикъ любилъ сладкое), и пепелъ отъ сигары... Денегъ у него было такое множество, что, уѣзжая черезъ годъ послѣ нашего прибытія изъ Енисейска на родину—въ Кунгуръ, П. Е. выбросилъ не одну сотню тысячъ *старыхъ*, никуда негодныхъ ассигнацій: груды соболей тоже оказались съѣденными молью; а между тѣмъ старикъ терпѣть не могъ, когда обращались къ нему съ просьбою о деньгахъ, и всегда отвѣчалъ: «Ну, какія у меня деньги!» При этомъ отвѣтѣ не нужно было пасовать, а рѣшительно объявить, что «безъ денегъ не уѣду отъ васъ»; тогда старикъ расхохочется и дастъ хоть 30—50 тысячъ, безъ процентовъ, безъ всякихъ формальностей. Случалось ему заключать условія, обязывающія кредитора три дня сряду играть съ нимъ на билліардѣ—его любимая игра. Незадолго до венгерской кампаніи, слѣдовательно имѣя уже около 60 лѣтъ, П. С. самоучкой выучился по-французски и въ 1849 году выписывалъ Journal des Débats, приглашая въ переводчики къ себѣ знающихъ языкъ лучше его, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій.

Вотъ приблизительно весь составъ тогдашняго общества, если не считать домовъ собственно енисейскаго купечества, изъ которыхъ былъ на виду только одинъ, К., очень умнаго солиднаго купца, старавшагося жить болѣе цивилизованной жизнью и не смотрѣвшаго, подобно прочимъ енисейцамъ, враждебно на пріѣзжихъ изъ Россіи. Домъ у него былъ прекрасный, пріемъ всегда радушный, и, по случаю его торговли въ Кяхтѣ, можно было видѣть у него все китайское, начиная отъ прелестныхъ инкрустацій и кончая превкусной пастилой. Первое впечатлѣніе Енисейскъ производилъ лучше многихъ городовъ, т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, до пожара: тогда тамъ было много каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, 10 приходскихъ церквей, 2 монастыря, и нѣкоторые дома очень старинные; только нужно замѣтить, что всѣ эти каменные, хорошіе дома принадлежали коренному енисейскому купечеству и были большею частію построены еще во времена «воеводъ». Го-

родъ вытянулся по берегу Енисея на большое пространство, а въ ширину, исключая набережной, имѣлъ двѣ улицы, и еще на горѣ, около мужскаго монастыря, находилось нѣсколько улицъ; словомъ, городъ представлялъ довольно правильный видъ. Я уже сказала, что купечество отличалось большими каменными домами, но въ 1849 году всѣ почти владѣтели этихъ палатъ или умерли, или обѣдиѣли, почему сами они или ихъ вдовы помѣщались въ нижнихъ этажахъ; бельэтажи отдавали въ наемъ, большею частію управляющимъ золотопромышленныхъ компаній. Нѣкоторые золотопромышленники имѣли, впрочемъ, собственные дома, но они всѣ поражали своей невзрачностью и заставляли удивляться, какъ эти богачи, проживая тысячъ по 30-ти въ годъ (по малой мѣрѣ), выпивая въ одно лѣто по 1,200 бутылокъ шампанскаго (фактъ), такъ мало заботились о своихъ жилищахъ и комфортѣ. Напримѣръ, богачи С—вы, извѣстные своей щедростью, жили въ Енисейскѣ съ 1840 по 1849 годъ въ маленькомъ деревянномъ домишкѣ въ 2 этажа, какимъ бываютъ въ деревняхъ постоялые дворы,—крыльцо было съ боку пристроенное, съ крутой лѣстницей, крытой опять такъ по-деревенски: комнаты крошечныя, изъ всякой дверь въ сѣни; мебель какая-то самодѣльщина, состоящая изъ высочайшихъ табуретовъ безъ спинокъ: всюду неуютно, неприглядно: и это жили люди, очень хорошо понимающіе комфортъ, люди, совсѣмъ не скупые, но въ Енисейскѣ имъ казалось совсѣмъ ненужнымъ строить дома, обзаводиться мебелью и проч., въ силу того, что они себя тутъ не прочили и, наживая милліоны, всегда помнили, что они пріѣхали только *на время*. Такимъ образомъ, проходили десятки лѣтъ, пріиски работались, золото было богатѣйшее, а если взглянешь на домъ владѣльца, подумаешь, что пришелъ къ бѣдному мужику... И странно было видѣть въ этихъ плохихъ домахъ море вина, страсбургскіе пироги, самородки въ видѣ пресъ-папье, а всего страннѣе было видѣть хозяина, краснаго молодца, вполнѣ понимающаго и свѣтскую жизнь, и жизненныя удобства! Первая причина, почему они не заботились о городскихъ своихъ жилищахъ, состояла, мнѣ кажется, въ томъ, что время съ половины марта по 14-е сентября они всѣ проводили въ тайгѣ, а по первому зимнему пути большею частію ѣздили въ Петербургъ: слѣдовательно, енисейскій домъ нуженъ былъ имъ для конторы и для собственнаго пребыванія не болѣе какъ на два мѣсяца въ году. Впрочемъ, въ золотопромышленномъ мірѣ было какъ-то въ обычаѣ жить только настоящимъ: потому ли, что добычу золота нельзя

заранѣе предвидѣть,—одинъ годъ шло фунтовое содержаніе, на другой годъ приходилось въ половинѣ лѣта сводить рабочихъ за неимѣніемъ золота; потому ли еще, что сами *хозяева* пріисковъ жили тутъ мало, а управляющіе не были увѣрены сохранить свои мѣста на нѣсколько лѣтъ, но тамъ безпрестанно слышалась фраза: «не стоитъ заводить!» По этой причинѣ съ 1840 года до сихъ поръ нѣтъ порядочной дороги на пріиски, не было хорошихъ домовъ въ городѣ, не было ни у кого сносной мебели до 1850 года, экипажей даже не разводили *старжи* единственно оттого, что 4сть ее можно года черезъ два или три, а «*кто знаетъ*, пробудемъ ли здѣсь такъ долго?»

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда одна енисейская купчиха, старушка лѣтъ 60, когда-то принимавшая въ своемъ домѣ Сперанскаго и бывшая въ свое время самой образованной дамой города, спросила меня, не желаю ли я купить у ней фортепіано, такъ какъ мой рояль еще не привезенъ и до нея дошли слухи, что я скучаю безъ музыки. Разумѣется, я очень обрадовалась, въ ту же минуту побѣжала къ ней, вхожу и спрашиваю, гдѣ же фортепіано? Старушка подводитъ меня къ маленькому, узенькому *столику* и, открывая дощечку, торжественно объявляетъ, что это фортепіано сдѣлано ей въ *Тобольскѣ*, гдѣ она родилась: выдавая ее замужъ въ такой отдаленный край, какъ Енисейскъ, *родитель боялся, что она скучать будетъ, и приказалъ сдѣлать фортепіано*, не болѣе какъ въ 4 октавы самаго ужаснаго тона, а теперь она уже давно не играетъ и вздумала меня утѣшить, тоже на чужой сторонѣ. Въ уваженіе такой милой внимательности ко мнѣ, я конечно не расхохоталась надъ этимъ тобольскимъ Эрардомъ, но, выразивъ старушкѣ мою благодарность, сказала, что ея фортепіано мнѣ не подходитъ. Воображаю ея удивленіе, когда черезъ полгода мнѣ пришлось квартировать въ ея домѣ и оглашать ея залу громкими звуками концертнаго рояля Вирта, да и прогрессъ такъ пошелъ въ гору по части музыки, что въ 1861 году было въ Енисейскѣ около 10 хорошихъ роялей, между тѣмъ какъ въ 1849 я застала только *единственное тобольское произведеніе*.

Въ то время не было въ Енисейскѣ рѣшительно никакой возможности дать какое-нибудь образованіе дѣтямъ; въ уѣздномъ училищѣ были очень плохіе учителя, большею частію пьяные или совсѣмъ древніе, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ уроки какого-нибудь предмета и совсѣмъ прекращались за неимѣніемъ учителя. Кромѣ уѣзднаго училища было еще духовное, для мальчиковъ, которыхъ, послѣ трехлѣт-

няго курса, переводили въ красноярскую семинарію: это духовное училище помѣщалось въ мужскомъ монастырѣ, очень обширномъ по постройкамъ, но имѣющемъ только трехъ или четырехъ монаховъ, отличавшихся всякими скандалами до прибытія архимандрита, котораго ждали въ Енисейскъ съ 1849 года по 1856: вѣроятно, трудно было найти желающаго ѣхать въ такой пустой и бѣдный монастырь. За то въ 56 году новый архимандритъ очень скоро измѣнилъ все,— монаховъ прибавилось, явились хорошіе пѣвчіе, церковь всегда полна народа, а самъ архимандритъ по столичному заботился о красивой обстановкѣ своего служенія, что̀ на енисейцевъ дѣлало очень хорошее впечатлѣніе. При женскомъ монастырѣ учились нѣсколько дѣвочекъ, но сами монахини были такія малограмотныя, что можно было только жалѣть ихъ учениць: вся ихъ премудрость ограничивалась чтеніемъ церковныхъ книгъ и вышиваньемъ *синелью* самыхъ невозможныхъ цвѣтовъ: но и такому ученью жители были рады, потому что до 1860 года никакой женской школы въ Енисейскѣ не существовало. Въ послѣдніе годы, т. е. около 1857—58 г., было нѣсколько образованныхъ дамъ, которыя брали къ себѣ дочерей енисейскихъ купцовъ для ученья, потомъ нѣкоторые золотопромышленники имѣли гувернантокъ въ своихъ домахъ: но когда я пріѣхала въ 49 году, всѣ купеческія дочки оставались безо всякаго образованія, и только *одна* была отвезена въ Иркутскій институтъ, откуда явилась въ 50 году очень миленькой дѣвушкой, но, выйдя вскорѣ замужъ за пьянаго енисейскаго купца, черезъ годъ умерла чахоткой. Магазиновъ было нѣсколько, былъ и гостиный дворъ, но туда положительно никто не заглядывалъ, и все общество довольствовалось товарами *двухъ* магазиновъ, сильно конкурировавшихъ между собой; въ этихъ магазинахъ можно было имѣть рѣшительно *все*, начиная отъ кунгурскихъ сапоговъ до петербургской шляпки и отъ китайскаго леденца до лучшихъ французскихъ консервовъ: были тутъ и золотыя вещи, и серебро, и книги, и вино, и чай, и посуда, и вата, и табакъ, словомъ, чего хочешь, того и проси! Всѣ товары доставлялись съ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ, легкія же вещи, матеріи, разныя моды, присылались комиссіонерами по почтѣ изъ Петербурга. Съѣстные припасы тамъ были такіе, какихъ въ губернскихъ городахъ Россіи положительно не найдешь, потому что за цѣной никто не гнался и платили бѣшеныя деньги, только бы съѣсть что-нибудь вкусное. Матеріи привозились тоже очень хорошія, но весьма малое количество, такъ что иныя щеголихи разомъ закупали *всѣ*, чтобъ ни у кого другаго *хорошихъ*

платьевъ не было. Когда привезутъ товары, купцы разсылали въ подарокъ свѣжіе яблоки и лимоны, смотря по чину и значенію, кому пятокъ, кому только *три*, а при полученіи съ почты какихъ нибудь рѣдкостей, считали долгомъ присылать на домъ покупателямъ, которыхъ отличали, всѣ лучшія матеріи и привезенные наряды, съ предложеніемъ купить, иначе рисковали, что барыни обидятся, если вдругъ на комъ-нибудь не comme il faut увидятъ петербургское платье.

Въ первый годъ моего пребыванія тамъ не было ровно никакихъ общественныхъ удовольствій; всѣ сбирались другъ у друга, мущины играли въ карты; но ужъ я не застала *банковой* игры, какая существовала во времена начала золотопромышленности, когда, говорятъ, куши въ нѣсколько десятковъ тысячъ переходили изъ рукъ въ руки. Дамъ въ городѣ было мало, дѣвицъ еще меньше, почему первую зиму ничего общаго не устроивалось. Лѣтомъ же всѣ немного оживились; ѣздили за городъ, катались по Енисею, который, впрочемъ, представлялъ тогда мало удобствъ: пароходовъ еще не было, а лодки часто перевертывались, такъ какъ Енисей около города версты въ двѣ ширины и на немъ нерѣдко поднимаются бури. Въ началѣ мая явился къ намъ нашъ гусаръ, городничій, съ ужасомъ возвѣстившій, что черезъ недѣлю приплывутъ изъ Троицкаго завода 100 или 150 человѣкъ *каторжныхъ*, которые будутъ строить тутъ мостъ на маленькой рѣчкѣ, протекающей внутри города. Постройку эту долженъ былъ производить молодой инженерный поручикъ изъ Красноярска, Бурнашевъ. Всѣ мы донельзя были рады его пребыванію у насъ на все лѣто, но 150 человѣкъ каторжныхъ, живущихъ *на баркахъ*, у самаго города, при очень слабомъ карауле, при 3—4 человѣкахъ дряхлыхъ солдатъ пожарной команды вмѣсто всякой охраны, невольно пугали даже нашего храбраго воина—городничаго! «Помилуйте, кричалъ онъ у насъ, развѣ возможно прислать сюда 100 человѣкъ такого народа, который можетъ взбунтоваться, зажечь городъ, перерѣзать васъ: что же я съ ними сдѣлаю, съ моими инвалидными солдатами?!» На меня, помню, напалъ ужасный страхъ, спать я долго не могла: такъ мнѣ все представлялись эти ужасныя лица, расхаживающія по домамъ съ ножами и зажигающія весь городъ, такъ pour leur bon plaisir... Наконецъ пріѣхалъ инженеръ, началась постройка, и почти до ноября мѣсяца они тутъ жили такъ тихо, смирно, что даже и думать мы забыли, что это каторжники. Бурнашева они ужасно любили, очень его слушали, и во все лѣто случилось только *одно*

происшествіе, *убійство* жены одного изъ каторжныхъ, но тутъ причиной была ревность и уже не относилась къ ихъ прошлому. Лѣто между тѣмъ прошло гораздо веселѣе, по случаю этой постройки, потому что изъ Красноярска наѣзжали разные строители, то для осмотра моста, то просто повеселиться и поплясать въ Енисейскѣ: устроивались у насъ музыкальные вечера, пѣли мы дуэты чуть не всякій день, обрѣли какого-то служащаго въ К° Зот., очень порядочнаго артиста на скрипкѣ, и такимъ образомъ зажили жизнью, далеко непохожей на прежнюю енисейскую, гдѣ вино и карты были на первомъ планѣ. Въ сентябрѣ, ко времени выѣзда горныхъ властей и золотопромышленниковъ изъ тайги, явился въ городъ циркъ; наѣздники и наѣздницы были, сколько помню, неважные: пантомимы представляли они весьма плохія: циркъ построенъ былъ наскоро, всюду дуло, но публика, не смотря на это неудобство, посѣщала его усердно и очень была довольна представленіями, особенно ученой лошадью «Магометъ», которую потомъ старался представить самолично старикъ Жмаевъ, знаменитый открыватель богатыхъ пріисковъ Зот., бывшій киргизъ, потому имѣвшій слабость къ лошадямъ, и самъ отличный ѣздокъ, не смотря на свои лѣта. Этотъ Ж. былъ чрезвычайно интересной личностью: умный, хитрый киргизъ, съ глазами, насквозь проникающими, онъ былъ такъ преданъ Зот. и ихъ интересамъ, такъ любилъ тайгу, что и въ 90 лѣтъ не оставлялъ этой жизни. Открывъ богатства Севастьяна, онъ самъ ровно ничего не имѣлъ, и Зот., за всю его преданность, за всѣ его труды и лишенія въ продолженіе слишкомъ 30-лѣтней его дѣятельности, ничѣмъ не обезпечили его и даже чуть ли не запутали его въ дѣлахъ своего конкурса. Удивленія достойно то обстоятельство, что *всѣ золотопромышленники* того времени, владѣя страшно богатыми пріисками, не только не сдѣлались богачами, но положительно *всѣ* кончили свое поприще при конкурсахъ и администраціяхъ, исключая развѣ Астаф. и Базил. Положимъ, жили они въ 40-хъ годахъ безумно, пили много, бросали деньги, но все же невозможно *прожить* такое богатство какъ, напримѣръ, Мясниковыхъ, Монаровыхъ, Зотовыхъ, добывавшихъ на нѣкоторыхъ пріискахъ по пуду въ день въ продолженіе всего лѣта. На Гаврил. пріискахъ К° Монаровъ и Рязановъ заведено даже было изъ пушки палить, когда намоютъ пудъ въ день, а между тѣмъ и они кончили съ конкурсомъ. О Гор. уже и говорить нечего: въ мое время ихъ управленіе въ Енисейскѣ представляло самую жалкую картину: во главѣ резиденціи былъ совсѣмъ непредставительный господинъ, но

славившійся искусствомъ занимать деньги даже у монахинь, пріѣзжавшихъ въ городъ за сборомъ; ухитрялся онъ занимать по 300—500 рублей, и, вѣроятно, еще и до сихъ поръ числятся эти деньги у монастыря за конкурсомъ Гор.: самъ же великолѣпный въ то время золотопромышленникъ Г. проводилъ, по возвращеніи съ пріисковъ, въ Енисейскѣ съ недѣлю, посѣщалъ всѣ обѣды, въ честь горныхъ властей устраиваемые, и балы *осенняго сезона*, самаго веселаго въ Енисейскѣ, являясь всюду въ какомъ-то замысловатомъ перстнѣ, въ которомъ были миніатюрные часы, и этими часиками былъ такъ занятъ премудрый философъ, что не обращалъ никакого вниманія на свои пріиски.

Устраивать обѣды и балы осенью въ честь горныхъ властей было въ то время принято: власти пріисковыя состояли изъ горнаго ревизора, его помощника, жандармскаго полковника, и при нихъ всегда пріѣзжало множество молодежи: въ числѣ ихъ были люди нужные, какъ наприм., отводчикъ площадей, правитель канцеляріи горнаго ревизора, но постоянно присоединялись къ этому обществу нѣсколько человѣкъ совершенно непричастныхъ дѣлу, -бывали адъютанты иркутскихъ губернаторовъ, которымъ не было надобности объѣзжать енисейскіе пріиски, а дѣлали это такъ, изъ любопытства; бывали горные офицеры съ Урала, желавшіе видѣть работы сѣверной системы, какъ лучшія во всей Сибири: даже случалось намъ принимать вмѣстѣ съ ревизоромъ нѣсколько, разныхъ авантюристовъ, артистовъ, желавшихъ снять пріисковые виды, и пр. Всѣ эти господа ѣхали въ тайгу на *лошадяхъ, принадлежавшихъ* золотопромышленнымъ компаніямъ, съ половины іюня до 10-го сентября *жили на пріискахъ*, получая помѣщеніе и всякое угощеніе отъ тѣхъ же владѣтелей пріисковъ; наконецъ, въ городѣ, въ продолженіе двухъ недѣль слишкомъ, приглашали ихъ всѣ по очереди на обѣды и вечера, и все это дѣлалось по какой-то традиціи, хотя всякій изъ нихъ хорошо зналъ, что его пріѣздъ ровно никакой пользы не приноситъ ни дѣлу, ни личности золотопромышленника.

Ревизоръ, во всѣ 10 лѣтъ моего пребыванія въ Сибири, былъ у насъ добрѣйшій изъ добрыхъ В. В. Кл.: не только стѣсненія, придирки какой-нибудь съ его стороны не было, но всегда и всѣхъ онъ встрѣчалъ самымъ деликатнымъ, лучшимъ образомъ, только нельзя было ждать отъ него ни помощи, ни поддержки—ужъ очень добръ былъ! Вслѣдствіе же этой доброты любилъ онъ возить съ собой различныхъ адъютантовъ и артистовъ, совершенно забывая, что, доставляя имъ удовольствіе проѣхаться въ тайгу, онъ этимъ ставитъ зо-

лотопромышленниковъ въ обязанность развозить и принимать людей совершенно ни на что для нихъ непригодныхъ. Ѣдетъ В. В. прощаться передъ отъѣздомъ въ тайгу и преспокойно говоритъ: «вы желаете взглянуть на пріиски, такъ поѣдемте со мною, весело проведемъ лѣто, въ Енисейскѣ такъ радушны всѣ, поѣдемте!» И вотъ такимъ образомъ являлся къ намъ какой-то блестящій адъютантъ полякъ, котораго нашъ городничій иначе не называлъ, какъ панъ Удовлинскій, и только все поражалъ насъ разсказами, въ которыхъ большую роль играла: «моя генеральша»...

Помощникъ горнаго ревизора первые года былъ горный подполковникъ, очень дѣльный и гораздо умнѣе самого ревизора, но важный и порядочно придирчивый баринъ. Послѣ него, Богъ знаетъ какими путями, сдѣлался помощникомъ *горнаго* ревизора— инженеръ *путей сообщенія*, тотъ самый, что началъ неудачно постройку красноярскаго собора. Этотъ инженеръ путеецъ не только въ горномъ дѣлѣ ничего не смыслилъ, но и вообще не отличался умомъ; ѣздилъ же всякій годъ подписывать «свидѣтельства на сдачу золота» и оставлялъ Енисейскъ вполнѣ довольный радушіемъ всѣхъ компаній. Жандармскій штабъ-офицеръ имѣетъ обязанность слѣдить за содержаніемъ рабочихъ, за ихъ помѣщеніемъ, за сроками работъ, но и тутъ на дѣлѣ выходило мало толка, ибо всякій золотопромышленникъ заранѣе зналъ, въ какой день пошлютъ его начальство: разумѣется, въ этотъ день не кормили рабочихъ испорченнымъ мясомъ, что зачастую случалось въ другіе дни, кончали работы рано, давали отдыхать, т. е. соблюдали свято всѣ правила; что же касается до помѣщенія, то при мнѣ былъ случай, когда ловкій управляющій дѣлами Зот. показалъ намъ новыя казармы, гдѣ жили рабочіе нашего пріиска, сосѣдняго съ Зот., жандармскому полковнику, увѣривъ его, что это вновь построенныя на площади Зот., и полковникъ не догадался, что это же самое зданіе уже онъ видѣлъ для четыре раньше, когда инспектировалъ нашъ пріискъ.

Съ однимъ изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ разъѣзжали по всѣмъ пріискамъ его молодая жена и свояченица, обѣ верхомъ въ мужскомъ костюмѣ; такія были амазонки, что не боялись самой ужасной таежной дороги и неутомимы были въ ѣздѣ, такъ что удивляли привычныхъ пріисковыхъ ѣздоковъ. Верстъ по 70 онѣ дѣлали безъ отдыха. Понятно, что цѣлая семья властей была еще меньше страшна, тутъ ужъ ни о какой инспекціи и рѣчи не было,— ѣздили въ тайгу просто жуировать, устраивали танцы, пикники,

обѣды: а въ городѣ ждали опять праздники и непремѣнно концерты, театры, разные фокусники. Все это началось въ Енисейскѣ съ пятидесятыхъ годовъ, и обо всѣхъ такихъ увеселеніяхъ нужно было бы разсказать поподробнѣе. 10 лѣтъ много измѣнили строй енисейской жизни, въ нее вошелъ болѣе семейный элементъ,—«женщина» начала играть бо́льшую роль въ обществѣ, ради ея многое исчезло съ лица земли, по весьма понятной причинѣ: до 1849 года не было никогда во всемъ этомъ кругу, что называется, образованной женщины, или енисейцы сороковыми бочками, позволяли себѣ всякіе скандалы, не думая, что черезъ это страдаетъ семья, а когда вошли въ общество семейные люди—все, конечно, приняло другой видъ, почему пятидесятые годы сильно разнятся отъ сороковыхъ въ енисейскихъ воспоминаніяхъ. Можно сказать, что въ Енисейскѣ въ это время началась эмансипація семействъ, какъ при Петрѣ Великомъ въ Россіи.

А. Б—а.

Природа и жизнь на южныхъ берегахъ озера Балхаша.

Южные берега озера Балхаша до сихъ поръ, кажется, еще описаны не были. Изъ путешественниковъ только Шренкъ посѣщалъ эту пустынную мѣстность, но такъ какъ путешествіе его до сихъ поръ еще не появлялось въ печати, то сумма знаній о природѣ этой части Семирѣчья до настоящаго времени оставалась столь же малой, какъ и во времена умиротворенія края. Не только у насъ, въ Европейской Россіи, но даже тамъ, на мѣстѣ, объ южной части Балхаша имѣются лишь смутныя и неопредѣленныя свѣдѣнія—и только одни киргизы, которые, кочуя въ низовьяхъ Или, имѣли случай бывать и южнѣе, знаютъ, что такое заливъ Ала-Куль, урочище Камау и горы Атъ-Іескенъ. Но полагаться на ихъ разсказы можетъ развѣ тотъ, кто никогда не имѣлъ дѣла съ киргизами...

Дождливая весна 1886 года и цѣлый рядъ другихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствъ дали возможность мнѣ заглянуть поглубже въ этотъ уголокъ степи, считающійся и безлюднымъ, и безводнымъ, и нѣсколько разоблачить тотъ ореолъ таинственности и сказочности, которымъ, благодаря разсказамъ туземцевъ, была окружена эта мѣстность.

И хотя, какъ и слѣдовало ожидать, кромѣ камышей съ міріадами комаровъ, сыпучихъ барханныхъ песковъ и мертвенныхъ грудъ разваливающихся горъ, ничего не представлялось глазамъ во время переѣздовъ, однако, эта безотрадная пустыня, въ научномъ отношеніи, оказалась дѣйствительно богатымъ кладеземъ для наблюденій и открытій.

Тѣми изъ нихъ, которыя, какъ мнѣ кажется, представляютъ интересъ болѣе или менѣе общій, я и рѣшаюсь подѣлиться въ этой статьѣ съ читателемъ.

Всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно, что пустынныя и степныя пространства нашихъ туркестанскихъ владѣній, начиная отъ побережій Аральскаго моря и до персидской границы—отъ Красноводска и до предгорій Тянь-Шаня и Алая, представляютъ изъ себя по условіямъ природы и жизни особое царство—особый міръ животныхъ и растеній, имѣющій весьма мало общаго не только съ тѣмъ, что мы привыкли видѣть въ Россіи и Сибири, но и съ тѣмъ, что окружаетъ страны эти съ востока и юга.

Безбрежныя равнины, разстилающіяся передъ глазами путешественника, живо напоминаютъ безграничную морскую гладь. Сравненіе это является тѣмъ болѣе справедливымъ, что дѣйствительно въ весьма мало отдаленную отъ насъ геологическую эпоху здѣсь волновались воды, слѣды которыхъ и доселѣ видны на каждомъ шагу, то въ видѣ раковинъ морскихъ моллюсковъ, тамъ и здѣсь разбросанныхъ среди пыльныхъ степей, то въ видѣ безбрежныхъ зеленыхъ солонцовъ, цѣлыми верстами тянущихся вдоль почтоваго тракта. Каспій, Аралъ, Балхашъ, Ала-Куль и другія озера суть какъ бы лужи, оставшіяся отъ этого великаго океана, тянувшагося отъ Малороссіи и Карпатъ до подножія Тянь-Шаня, и волны котораго единовременно омывали скалы Урала и кручи утесовъ приамурскихъ странъ. Горныя цѣпи и цѣпи холмовъ, тянущіяся теперь среди туркестанскихъ степей, были островками, утесами, рифами и отмелями этого моря, и только постепенное его усыханіе въ связи съ поднятіемъ, продолжающимся, какъ показало послѣднее землетрясеніе въ Вѣрномъ, и донынѣ, создали изъ нихъ то, что представляется теперь глазу путешественника. Изъ страны морей и болотъ, подъ вліяніемъ вѣками дующаго сѣверо-восточнаго вѣтра, создались сухія, безводныя степи и песчаныя пустыни: вся природа стала носить характеръ природы странъ безводныхъ, томимыхъ жаждою.

Организмы пустынь населили мѣстность. Явились растенія, истерпѣвшія влаги, лишенныя листьевъ, подобно саксаулу: явились животныя въ родѣ верблюдовъ, недѣлями переносящія жажду...

Какъ произошла эта метаморфоза, это превращеніе? Откуда взялась эта новая, чуждая сосѣднимъ съ морями странамъ природа? Эти вопросы невольно рождаются въ головѣ всякаго, кто, зная прошлую исторію страны, будетъ наблюдать ея современную природу. И разрѣшеніе вопроса невольно явится, если сопоставить между собою различные уголки этого царства—виднѣть въ особенности

ихъ жизни. Южные берега Балхана и представляютъ именно одинъ изъ такихъ интересныхъ пунктовъ.

Горы Андракай и Хашъ-Тау, повидимому, были нѣкогда островами или мысомъ, раздѣлявшимъ между собою обширные водные бассейны рѣкъ Чу и Или. Нѣкогда воды балхашскаго бассейна плескались о ихъ массивы, и до сихъ поръ еще на сторонѣ горъ, обращенной къ Балхашу, видны выбоины, оставленныя морскимъ прибоемъ. Но воды, окружавшія со всѣхъ сторонъ эти скалы, удалились. Сухая безплодная степь стала на ихъ мѣсто, и дожди, нѣкогда обильно извергавшіеся на ихъ невысокіе пики, теперь почти перестали навѣщать безплодныя скалы. Тучи проносятся дальше по направленію къ воздымающемуся до небесъ Тянь-Шаню, чтобы осѣсть на его снѣговыхъ вершинахъ. Облака проносятся мимо, не проливая ни капли на раскаленные камни. Ручьи и рѣки, когда-то текшіе между утесами, изсякли. Только ранней весною лѣниво струится по ихъ песчаному дну ручеекъ, но и онъ скоро скрывается подъ толщами песку, покрывающаго дно.

Палящіе лучи солнца и леденящіе зимніе вѣтры, непрерывно воздѣйствуя на обнаженныя скалы, отрываютъ отъ нихъ одинъ за другимъ куски вывѣтрившейся породы. Явленіе это, бывающее во всякой горной странѣ, далеко не вездѣ, однако, замѣтно. Быстрые потоки подхватываютъ отлетѣвшіе осколки и уносятъ ихъ далеко внизъ по своему теченію, усѣивая свое русло гальками и валунами. Здѣсь же некому снести эти массы щебня и осколковъ, на которые крошится порода. И горы годъ отъ году болѣе и болѣе скрываютъ отъ взора лицо свое подъ грудами осколковъ, скользящихъ подъ ногами. Мѣстами уже и не видно твердаго остова. Онъ погребенъ подъ слоемъ кусковъ камней, на которые разсыпалась порода. Слоистые сланцы и твердая яшма побережій Балхаша, которою, подобно красными, желтыми и черными лентамъ, исполосованы горы Ать-Іескенъ, ничто не можетъ устоять противъ разрушающаго дѣйствія погоды, и мѣстами уже не скалы древнихъ острововъ, а груды нагроможденныхъ другъ на друга осколковъ рисуются взору, тщетно ищущему, въ дрожащей атмосферѣ раскаленнаго воздуха, кустика или деревца, гдѣ могъ бы отдохнуть глазъ, утомленный однообразіемъ щебневыхъ осыпей или грудъ мертвенныхъ, раскаленныхъ камней, возвышающихся надъ гладкою, дрожащею отъ миража степью.

Напрасно будетъ онъ искать здѣсь деревьевъ. Ихъ нѣтъ. Среди ровныхъ и луговыхъ пространствъ степной или лѣсной полосы Россіи

измѣненіе климата или условій почвенной жизни вызываетъ энергичную борьбу между растеніями, одѣвающими почву. Одни виды, болѣе приспособленные, вытѣсняютъ другіе. Такъ, съ увеличеніемъ тепла и влажности на западѣ, во многихъ мѣстностяхъ сосна была вытѣснена дубомъ, а этотъ послѣдній букомъ. Въ Астраханской губерніи полынная степь вытѣсняетъ черноземную и солончаковую. а растительность, требующая песчанаго грунта, постепенно смѣняетъ собою флору полынной степи.

Иное дѣло здѣсь. Среди изолированныхъ степями каменныхъ щебневыхъ грудъ и высохшихъ песчаныхъ русль, гдѣ на значительныя пространства земля скрыта подъ массами сухаго, безплоднаго, раскаленнаго камня, нѣтъ мѣста для конкуренціи. Пришлецъ, занесенный вѣтромъ, врядъ ли найдетъ себѣ здѣсь удобное мѣсто, гдѣ бы самъ могъ водвориться. Остатки когда-то пышной растительности острововъ здѣсь предоставлены самимъ себѣ. Просторной пустопорожней земли много—конкурентовъ нѣтъ; но условія жизни такъ тяжелы, что имъ не остается ничего иначе, какъ медленно угасать и погребаться подъ грудами щебня и осколковъ. И эта длящаяся вѣками агонія, эта борьба растительной жизни съ наступающею смертью материка, представляетъ много поучительнаго.

Лишь нѣсколько холодныхъ весенних недѣль пользуются растенія прибалханскихъ горъ влагою отъ ничтожнаго количества тающихъ снѣговъ, наметенныхъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ рѣки, или водою, текущею по умирающему руслу рѣчки. Только эти нѣсколько недѣль—періодъ иногда болѣе короткій, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ,— и могутъ прозябать представители здѣшней растительности. Затѣмъ безжалостное солнце высушитъ землю и накалитъ ее до температуры, которая исключаетъ возможность прозябанія.

Понятно поэтому, что, изъ представителей прежней луговой флоры, лишь весьма немногіе могли ужиться при подобныхъ условіяхъ. Рѣдко гдѣ, между скалъ, блеснетъ зеленый кустикъ приземистой таволги, пріобрѣвшей здѣсь видовыя отличія; еще рѣже степная вишня покажетъ свои бѣдныя, искрюченныя, одѣтыя узкою листвою вѣтви. Остальное все, кромѣ рѣдкихъ ярко-красныхъ весенних тюльпановъ, какъ огоньки вспыхивающихъ между скалъ, скрыто отъ бѣглаго взора. Надобно ближе всматриваться въ эти груды и ущелья, чтобы между ними разсмотрѣть распростертыя астрагалы, кое-гдѣ борющійся за свое существованіе типчакъ или выродившійся ковыль, неохотно распускающій по вѣтру свои перья. Но обыкновенно только глазъ ботаника отличаетъ среди камней.

близь высохшихъ руслъ рѣкъ, ту самую флору, которая, не будучи замѣтна для глаза проѣзжающаго, числомъ своихъ видовъ на столько обогащаетъ общую сумму растительныхъ организмовъ края, что ставитъ его, не смотря на всю его мертвенность и пустынность, далеко выше сосѣднихъ съ нимъ песчаныхъ, солончаковыхъ и полынныхъ степей пустыни. На взглядъ всадника,—говорю я,—это ничтожные моховники, зеленоватые налеты подъ сѣнью скалъ, производящіе такое впечатлѣніе, какъ будто бы раннею весною здѣсь стала всходить изъ мелкихъ сѣмянъ какая-нибудь однолѣтняя травка. Каково же было мое изумленіе, когда, пригнувшись къ землѣ, вмѣсто воображаемыхъ всходовъ, я увидалъ цѣлыя миніатюрныя лужайки,—лужайки, составленныя изъ тѣхъ же видовъ, что даютъ дѣйствительные покосы въ предгоріяхъ Тянь-Шаня, или другихъ новыхъ и рѣдкихъ, исключительно присущихъ мѣстности, видовъ, которые всѣ были такъ малы, что въ высоту имѣли не больше двухъ, пяти, рѣдко десяти сантиметровъ. Это была оригинальнѣйшая ассоціація формъ лилипутовъ, которая могла бы привести въ восторгъ любителя всего миніатюрнаго.

Здѣсь возвышаются молочайники въ нѣсколько линій съ тоненькими, какъ ниточки, листочками, но уже со зрѣлыми плодами; подъ ними, похожій на нашъ лютикъ, развертываетъ величиною съ просяное зерно цвѣточекъ остророгъ [1]). Синенькая вероника, похожая на ту, что синѣетъ во всѣхъ паркахъ Петербургской губерніи, развертываетъ свои цвѣточки съ булавочную головку на стебелькѣ, не превышающемъ ростъ молочайника. Микроскопическая наступья сумка на тоненькихъ, какъ волоски, ножкахъ составляетъ цѣлые газоны, среди которыхъ, какъ у насъ одуванчики, разцвѣтаютъ такой же формы сложноцвѣтныя растенія въ $^1/_2$ сантиметра высотою. Вмѣсто клевера нашихъ луговъ, подъ сѣнью этихъ лилипутовъ стелется приносящій длинные стручья астрагалъ тонколистный... Но всего эффектнѣе здѣсь миніатюрные злаки, образующіе газонъ въ $^1/_2$ сантиметра вышиною, подобно нашей мятлицѣ, выметающей колоски или метелочки въ $^1/_2$ дюйма длиною. И надо всѣмъ этимъ, подобно исполинскому лопуху, вполнѣ подражая послѣднему и формою цвѣточныхъ головокъ, и габитусомъ листьевъ, и развѣтвленіемъ, возвышаются въ $^1/_2$ фута кузиніи на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи.

Я уже говорилъ, что весьма многіе представители этихъ мо-

[1]) Cerato cephalus.

ховникообразныхъ луговъ суть регрессировавшія растенія предгорій, болѣе или менѣе обширнаго распространенія. Но ихъ трудно здѣсь признать. Такъ, напримѣръ, африканская малькольмія—растеніе, по внѣшности весьма близкое къ нашимъ левкоямъ (простымъ), но съ мелкими цвѣточками, превращается въ рядъ стручьевъ, торчащихъ изъ земли.

Все лишнее въ растеніи уничтожено. Всѣ претензіи на красоту и пышность сокращены. Остается одна, двѣ пары листьевъ и одинъ стручекъ. Сдѣлайте подобное сокращеніе съ левкоемъ, представьте себѣ, что его листья мельче, стручья тоньше, цвѣты миніатюрнѣе, и вы получите представленіе объ этомъ растеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая левкой, нельзя не сознаться, что его вѣтви, цвѣты, кисти, суть лишь многократное повтореніе того, что представляютъ наши растенія лилипуты. Далеко не многія семейства способны сокращать такимъ образомъ число своихъ частей. Это только крестоцвѣтныя, мотыльковыя и спюшныя, устроенныя по столь простому типу, могутъ такъ приспособляться. Не удивительно поэтому, что они-то и составляютъ главный контингентъ травокъ лилипутовъ, жизнь которыхъ отъ всхода и до созрѣванія сѣмени длится двѣ, три недѣли. Интересно бы было отыскать фауну этихъ крошечныхъ насажденій. Присутствіе подъ скалами скорпіоновъ, хищные жуки изъ рода Carabus, жуки Blaps показываютъ, что здѣсь должны жить и травоядныя существа, идущія имъ въ пищу. Но существа эти, соотвѣтственно нѣжной структурѣ травокъ, должны быть нѣжны и миніатюрны. Неумолимые вѣтры, дующіе цѣлый день, и страшная жара мѣшаютъ имъ появляться днемъ, когда путешественникъ имѣетъ возможность собирать растенія, и, вѣроятно, только поздномъ вечеромъ—время, когда въ степяхъ просыпается жизнь,—должны оживать животныя луговъ.

Въ знойный же дѣнь лишь одни клещи, похожіе на нашихъ клещей, населяютъ эти заросли, и стоитъ только долгое время остаться, созерцая эти удивительныя растенія, чтобы замѣтить, какъ опрометью, со всѣхъ своихъ 8-ми ногъ, побѣгутъ съ разныхъ сторонъ эти насѣкомыя, обрадовавшіяся случаю перемѣнить тревожную кочевую жизнь на спокойную жизнь паразита. И нельзя позавидовать животнымъ, которыя вздумаютъ расположиться здѣсь на ночлегъ.

Странная вещь: наблюдая особенности растеній этой флоры лилипутовъ, и въ нихъ замѣчаешь ту же наклонность, которая такъ

рѣзко выражена въ клещахъ. Сѣмена изящной коельнинiи [1]) подобны 5. какъ клещи, скрюченнымъ, колючимъ зубцамъ: зерна липучекъ [2]) съ цвѣтами, похожими на цвѣты незабудки, усажены множествомъ мелкихъ крючечковъ: головки крошечнаго мака, ростъ котораго не превышаетъ 4 сантиметровъ, а цвѣты величиною съ цвѣты лютиковъ,—усажены шипами; даже стручья бобовыхъ кончаются здѣсь крючками. Словомъ, все подобно клещамъ стремится прицѣпиться къ первому проходящему существу, и мнится, что всѣ эти существа одарены инстинктивнымъ стремленiемъ тѣмъ или инымъ способомъ покинуть этотъ негостепрiимный край. Само собою разумѣется, что всѣ эти приспособленiя растенiй-путешественниковъ являются слѣдствiемъ воздѣйствiя климата—явленiе, которое я подробно разбираю въ моей спецiальной работѣ о флорѣ края,— но общее впечатлѣнiе, выносимое изъ разсмотрѣнiя этой флоры, именно таково, какъ то, которое высказано выше.

Груды камней лишены этой флоры лилипутовъ: она ютится на песчаныхъ ложбинахъ умершихъ рѣкъ и ручьевъ. Жизнь на скалахъ идетъ на другой образецъ, хотя флора осыпей и щебневыхъ нагроможденiй находится, въ смыслѣ орошенiя, въ условiяхъ отнюдь не лучшихъ, если еще не худшихъ, чѣмъ одѣтыя лилипутами рѣчныя ложбины. Какъ тамъ, такъ и тутъ какой-нибудь мѣсяцъ можетъ пользоваться растительность влагою, но вмѣсто того, чтобы воспитывать лилипутовъ, скалы создаютъ флору оригинальныхъ многолѣтниковъ. Вмѣсто того, чтобы тратить свои силы на цвѣты и сѣмена, растенiя скалъ всѣ соки и питательныя вещества, которыя вырабатываетъ слабенькiй листочекъ, выпедшiй изъ сѣмени и сожигаемый въ нѣсколько недѣль солнцемъ, — отправляютъ внизъ. Тутъ мало-по-малу, въ теченiе иногда десятка лѣтъ, скопляется такая масса питательнаго вещества, которая въ благопрiятное лѣто способна создать нѣчто гораздо болѣе грандiозное, чѣмъ тѣ лилипуты, которые одѣваютъ подножiе скалъ. Уже въ тюльпанной луковицѣ видны задатки подобнаго рода жизни. Потому-то тюльпаны и вообще лилейныя предгорiй Тянь-Шаня наиболѣе устойчиво борются противъ суровой засухи, и въ серединѣ апрѣля въ этотъ весеннiй праздникъ балхашскихъ побережiй—горы и предгорiя убираются, правда, лишь на недѣлю, восхитительнымъ ковромъ малиновыхъ, желтыхъ и пестрыхъ тюльпановъ, лиловыхъ азiатскихъ амариллисовъ и др. лилейныхъ. Но не одни лилейныя, цѣлый рядъ дру-

---

[1]) Coelpinia linearis. [2]) Echinospermum.

тихъ растеній неклубненосныхъ теперь получаютъ здѣсь клубни. и большая часть растеній щебневыхъ осыпей имѣетъ подземныя хранилища питательныхъ веществъ. Одни изъ нихъ мучнисты и годны въ пищу человѣку, другія богаты млечными каучуко-подобными смолами, наконецъ третьи содержатъ драгоцѣнныя смолы востока гельбанумъ и ассу-фетиду—здѣсь еще повидимому неизвѣстныя туземцамъ, зовущимъ это дорогое растеніе просто сасекыкъ-сассыръ—вонючая дудка.

Вотъ эта то масса питательнаго вещества, кропотливо накапливаемая въ теченіе многихъ лѣтъ растеніемъ, въ состояніи здѣсь производить такія чудеса, о которыхъ жители странъ съ умѣреннымъ и влажнымъ климатомъ имѣютъ лишь смутное понятіе. Когда смоченная отъ стаявшаго снѣга и политая весеннимъ дождемъ земля нагрѣется палящими лучами солнца, когда камни раскалятся, какъ плита, и лишенные влаги лишаи начнутъ уже сохнуть и разноситься вѣтрами, пробуждается жизненная сила въ этихъ подземныхъ пищехранилищахъ. И вотъ въ это время каменистая почва вдругъ оживляется. скалы скрываются подъ зеленью распростертыхъ, попарно расположенныхъ. громадныхъ листьевъ, то цѣльнокрайнихъ, какъ листья лопуха, то напротивъ раздѣленныхъ на бархатистыя лопасти, какъ у эремостахимовъ и асса-фетиды. Въ какую-нибудь недѣлю изъ громадныхъ, подобныхъ капустнымъ, кочановъ, расположенныхъ между листьями, развертываются палево-желтыя соцвѣтія, то раскидывающіяся многочисленными зонтиками. то напротивъ скученныя въ головки (ревень). Подобіе цѣлой рощицы кустарниковъ раскидывается на каменистомъ грунтѣ, и вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ проявляется и животная жизнь степей.

Степная черепаха, которой цѣлые мѣсяцы не встрѣтишь ни одного экземпляра, появляется цѣлыми массами. Всюду видишь эти движущіеся щиты, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ величины небольшой тарелки. Часовъ въ 5 или 6 вечера они особенно оживлены,—одинъ ѣдятъ листья растеній, которые, благодаря своей сочности, замѣняютъ имъ и питье: другія гоняются за самками, причемъ самцы злобно шипятъ другъ на друга, нерѣдко вступая въ драку, причемъ сильнѣйшій старается повалить слабѣйшаго на спину и воспользоваться тѣмъ временемъ. пока тотъ безсильно барахтается на спинѣ. Громадные черные жуки изъ отряда дровосѣковъ жадно поѣдаютъ зонтики и незрѣлыя сѣмена гельбаума: наконецъ, теперь въ эти мѣста заходитъ и дикая лошадь, забѣ-

гаетъ куланъ. Сѣро-бурый, подъ цвѣтъ каменистой степи, всегда избираетъ онъ ровныя открытыя низины, откуда далеко видѣнъ непріятель, о появленіи котораго даетъ знать жеребецъ вожакъ и пастухъ стада. Эти животныя, своимъ строеніемъ напоминающія лошадь, а длинными ушами и темной полосою на спинѣ—осла, постоянно кочуя по степи, умѣютъ здѣсь выбрать лучшіе уголки.

Ни одинъ степной разбойникъ-киргизъ барантачъ не знаетъ съ такой подробностью тѣ незначительные ключики или озерки прѣсной воды, которые раскиданы среди безводной степи, гдѣ бы могло утолить свою жажду утомленное переходами стадо, какъ эти вожаки куланы. Какъ сейчасъ помню ту ночь, когда на сѣверо-востокѣ отъ Хань-Тау въ голодной степи, предводительствуемый старымъ киргизскимъ разбойникомъ, отрядъ мой остановился въ небольшой ложбинкѣ около едва пробивавшагося изъ камней и сейчасъ же изсякавшаго ключика. Вода въ ключѣ этомъ не всегда, по словамъ провожатаго, и бываетъ. Лишь весною, въ дождливую пору, можно надѣяться найти здѣсь воду, и пунктомъ этимъ пользовался въ своей молодости этотъ старикъ, рыская за добычей по степи. Но не успѣлъ отрядъ мой заснуть, какъ послышался топотъ и какой-то совершенно особенный звукъ, издаваемый многочисленнымъ стадомъ кулановъ, шедшимъ на водопой. И имъ очевидно небезъизвѣстно было это мѣсто—единственное на перепутьи отъ водоемовъ голодной степи Бекпакъ-дла къ прѣсноводнымъ частямъ Балхаша. Преждевременные выстрѣлы казаковъ разогнали стадо, и, когда я выскочилъ изъ палатки, только отдаленный грохотъ тысячи копытъ, отбивавшихъ землю, раздавался въ степи.

Но томимое жаждою стадо, ободренное и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованное видомъ моихъ пасущихся лошадей, подъ утро вновь появилось на горизонтѣ, причемъ многіе смѣльчаки приближались на столько, что легко можно было разсмотрѣть ихъ формы, по правдѣ сказать, по изяществу и граціи много уступающія нашей лошади.

Киргизы говорятъ, что куланы похищаютъ изъ табуновъ лошадей, и эти послѣднія, дичая, бродятъ вмѣстѣ съ ними. Въ разсказахъ этихъ есть много вѣроятнаго. Разглядывая многочисленные отпечатки копытъ, оставленные пробѣжавшимъ вчера стадомъ, нельзя было не замѣтить между множествомъ узкихъ и маленькихъ слѣдовъ куланьяго копыта нѣсколько болѣе круглыхъ и широкихъ слѣдовъ, весьма похожихъ на слѣды нашихъ лошадей. Но гораздо чаще киргизы ловятъ кулановъ. Обыкновенно отбиваютъ малень-

каго жеребенка отъ матери и, загнавши его до изнеможенія, подхватываютъ на руки и воспитываютъ въ юртѣ. Потомъ животное скрещивается съ лошадьми, и этимъ путемъ получаются помѣси, дающія лучшихъ скакуновъ—столь цѣнимыхъ киргизами. Въ послѣднее время киргизы стали возить продавать этихъ животныхъ въ Вѣрный, гдѣ сравнительно за безцѣнокъ весеннею порою можно пріобрѣсти жеребенка. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ русскіе, не умѣя воспитать этихъ дикарей, которыхъ едва удается приручить и киргизу, гораздо чаще доводятъ ихъ до смерти, чѣмъ достигаютъ хорошихъ результатовъ. У меня былъ въ степи такой жеребенокъ. Сколько трудовъ стоило приручить это хорошенькое существо съ твердыми, какъ камень, крошечными черными копытцами на тоненькихъ, какъ у антилопы, стройныхъ ножкахъ, съ черными, выразительными глазами и длинными ушами. Какъ трудно было добиться того, чтобы онъ пересталъ неистово лягать своими маленькими ножками своего хозяина, бралъ бы изъ рукъ молоко, дозволялъ бы дотрогиваться и гладить по спинѣ. Съ какими затрудненіями довели мы его до Вѣрнаго. И что же? Не прошло и недѣли послѣ моего отъѣзда, какъ онъ околѣлъ отъ неумѣлаго обращенія. Таковая же участь постигаетъ и другихъ жеребятъ, привозимыхъ въ Вѣрный.

Кромѣ кулановъ, мѣста водопоя здѣсь прекрасно знаютъ бультруки, или, какъ ихъ называютъ русскіе, степные рябки, и уже по одному присутствію этой птицы можно знать, что по близости находится вода.

Породы, изъ которыхъ составлены скалы побережій Балхаша весьма разнообразны. Тутъ можно встрѣтить и граниты, и яшмы, и кварциты, и сланцы. Но чаще всего выступаютъ тутъ на поверхность земли песчаники. Каждая изъ этихъ породъ, подвергаясь дѣйствію атмосферы и колебаній температуры, вывѣтривается различно. Сланцы и кварциты колются на щебень: песчаники подвергаются дальнѣйшему вывѣтриванію,—они распадаются на мелкій песокъ, который ихъ нѣкогда составлялъ, и песокъ этотъ, подверженный дѣйствію вѣтра, скопляется въ цѣлыя дюноподобныя гряды глубокаго сыпучаго песка. Но здѣсь песокъ этотъ еще не превратился въ ту страшную песчаную пустыню, какую мы привыкли представлять себѣ въ воображеніи, при словѣ: сыпучіе пески Средней Азіи: нѣтъ, здѣсь они расположены грядами, которыя сплошь закрѣплены тѣми оригинальными кустарниками Средней Азіи, которые составляютъ ея главную отличительную особенность, и кото-

рые достигаютъ своего наибольшаго роскошнаго развитія въ пескахъ Кизилъ и Кара-Кумахъ. Но каждая изъ этихъ песчаныхъ пустынь Азіи, видѣнныхъ мною, во время моего путешествія, лично, носитъ свои особенныя отличительныя черты,—черты, правда, мелкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ дающія тонъ пейзажу.

Тау-Кумы, простирающіяся къ юго-западу отъ Балхаша, повидимому нѣкогда составляли архипелагъ дельты Или.

Воды, раздѣлявшія островки изъ песчаника, теперь изсякли или находятся на всѣхъ степеняхъ изсыханія. На нихъ мѣстѣ являются площадки овальной, продолговатой формы, или заросшія камышемъ, или совершенно сухія— съ почвою твердою, какъ камень, звучащею подъ копытомъ лошади. Это такъ называемый такиръ, бичотный солоноватый илъ, который спекся здѣсь въ твердую массу, гладкую, какъ паркетъ, лишенную всякой растительности. И только по краямъ такихъ такировъ, точно ивы, посаженныя вокругъ искусственно вырытыхъ прудовъ, саксаулъ и тамариск образуютъ густыя заросли. Чудный видъ имѣютъ эти заросли во время цвѣтенія. Нѣжныя, гибкія, какъ кипарисина, сизо-зеленыя вѣтви усыпаны тогда гроздьями розовыхъ цвѣтовъ, и эти розовые кустарники составляютъ рѣзкій контрастъ съ темною, точно сосновою зеленью кустовъ саксаула, этого удивительнаго дерева, тонущаго въ водѣ, неимѣющаго листвы, но съ гроздьями червеобразныхъ или птевидныхъ побѣговъ, напоминающаго своими причудливыми формами каррикатуры на наши лѣсныя деревья.

Взойдемъ на песчаныя груды, образующія берега такировъ,—и дивная картина откроется передъ глазами. Точно волны взбудораженнаго моря, всюду видѣются песчаные бугры. Темными пятнами на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, точно посаженные рукою человѣка, возвышаются на нихъ причудливые кустарники. То джузганъ растопыритъ свои безлистыя вѣтви, на которыхъ вѣтеръ болтаетъ зелеными нитями, увѣшанными красивыми кружевными шарами: то вдругъ выдвинется кустъ съ фіолетовыми цвѣтами, всѣ листья котораго, неподвижные, точно металлическіе, отливаютъ чистымъ серебромъ.

Въ срединѣ мая, когда каменистыя розсыпи горъ уже сжигаются солнцемъ, когда къ концу мѣсяца отъ зонтиковъ и листьевъ, одѣвавшихъ почву, остаются лишь скрученныя засушенки, разносимыя вѣтромъ,—здѣсь, въ этихъ пескахъ, наступаетъ самый разгаръ жизни. Невыносимо сильно печетъ солнце. Горячій вѣтеръ уныло завываетъ въ вѣтвяхъ саксаула. Ни шелеста, ни тѣни, ни звука.

Только на раскаленномъ пескѣ, среди котораго то тамъ, то здѣсь блеснетъ темный тюльпанъ, голубой цвѣтокъ песчанаго приса или стрѣлка бѣлыхъ цвѣтовъ эремуруса, неслышно бѣгаютъ громадныя песчанаго цвѣта ящерицы, точно исчадія ада. Этотъ фантастическій міръ имѣетъ глубокій научный интересъ. Флора этихъ песковъ, помимо своихъ приспособленій къ условіямъ жизни, помимо своихъ причудливыхъ формъ—любопытна еще въ томъ отношеніи, что она находится въ тѣснѣйшей связи съ флорою сопредѣльныхъ съ песками скалъ.

На щебневыхъ конгломератахъ, на неуспѣвшихъ еще разлетѣться въ песокъ песчашкахъ, среди приземистыхъ, вымирающихъ кустарниковъ древней островной флоры—мы видимъ все тѣ же роды, а иногда и виды этой причудливой пустынной флоры песковъ, но въ совершенно неузнаваемомъ видѣ. Тамъ эти растенія являлись приземистыми, распростертыми по землѣ. Ихъ крошечные листья или замѣняющія ихъ чешуйки прекрасно гармонировали съ ихъ крошечными стебельками, искривленными, пригнутыми къ землѣ вѣтвями. Но вотъ песчашки разсыпаются въ груды песку. Песокъ этотъ, покоясь на твердой подпочвѣ, является хранителемъ влаги лучшимъ, чѣмъ груды камней,—и корни растеній, получая болѣе и болѣе влаги, начинаютъ вновь развивать тѣ стволы и вѣтви, которые они, вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни, принуждены были сократить до крайней степени. Но, сообразуясь съ новыми условіями, кусты эти выгоняютъ уже выработанныя тяжелою борьбою съ климатомъ безшипыя сухія вѣтви—и страна, преобразившись въ песчаную пустыню, одѣвается флорою, столь причудливою и своеобразною, что никакое перо не въ состояніи описать ту оригинальную картину, которая открывается глазу путешественника.

Такова природа степей южной оконечности Балхаша. Намъ остается взглянуть еще на самое озеро.

Съ высоты горъ Атъ-Лескешъ, куда хватаетъ глазъ, разстилается водная поверхность.

Гранитныя высокія скалы и утесы врѣзываются въ его воды, которыя, набѣгая на нихъ, разбиваются въ пѣну и брызги среди камней, не питающихъ ни одного растенія, если не считать тщедушной и тривіальной glaux maritima. Эта водная скатерть не сіяетъ голубизною водъ Иссыкъ-Куля... Это не синезеленыя воды Каспійскаго моря: нѣтъ, это нѣжный аквамариновый цвѣтъ сѣвер-

ныхъ солоноватыхъ озеръ отливаетъ въ водахъ Балхаша, гармонируя съ туманною атмосферою неба.

Какова вода этого озера? Это любопытный спорный вопросъ, изъ-за котораго часто спорятъ между собою туземцы, причемъ обѣ стороны бываютъ, сами того не зная, правы.

Кто пивалъ воду балхашскихъ заливовъ, тотъ не отзовется о ней съ похвалою.

Берега Ала-Куля, который мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, усѣяны солью. Въ весеннее время, когда соляпки не успѣли ихъ покрыть своею зеленью, это ослѣпительно бѣлыя поля соли, на которыя невозможно смотрѣть простыми глазами; на нихъ плещется соленая, какъ тузлукъ, вода. Но это только въ заливахъ. Въ самомъ же Балхашѣ вода прѣсная и чистая, такъ что даже въ чаѣ не чувствуется соли. Заливы его дѣйствуютъ подобно громадпымъ выпарительнымъ чашкамъ.

Соединенные лишь узкими проливами съ главнымъ бассейномъ, мелководные, они представляютъ громадную площадь для испаренія водъ, весьма мало подновляемыхъ тихими теченіями, идущими сквозь камышемъ заросшіе проливы, которые у Ала-Куля такъ мелки, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ киргизы переходятъ озеро вбродъ. Явленіе это, совершающееся въ грандіозныхъ размѣрахъ въ Кара-Бугазѣ, повторяется въ каждомъ изъ заливчиковъ Балхаша.

Если сѣверозападный берегъ Балхаша каменистъ и голъ, то, напротивъ, восточный, занятый дельтой Или, представляетъ море камышей. Пески переходятъ въ камыши, а камыши, сливаясь съ водою, совершенно маскируютъ то мѣсто, гдѣ кончается суша и начинается вода. Сухіе и желтые, постоянно дымящіеся весною отъ пожаровъ, камыши эти представляютъ лѣтомъ громадный непроходимый джунгель, гдѣ, среди увитыхъ вьюнкомъ многосаженныхъ камышевыхъ стеблей, кишатъ миріады желтыхъ комаровъ,—больно жалящихъ мучителей, которые дѣлаютъ совершенно невозможною человѣческую жизнь въ этихъ трущобахъ. Кабанъ и тигръ тогда царствуютъ въ этомъ лѣсу.

Страшилище камышей, жолъ-барсъ, похищаетъ ежегодно у киргизовъ нѣсколько лошадей, но, вообще говоря, разсказы о его злодѣйствахъ преувеличены. Тигровъ здѣсь вовсе уже не такъ много и, надо думать, что по мѣрѣ оскудѣнія водою мѣстности, вырожденія природы, постепенно вымираетъ здѣсь и родъ царя азіатскихъ звѣрей—королевскаго тигра.

Но и эти послѣдніе изъ могикапъ, вѣроятно, кончатъ свою жизнь

весьма плачевно. Здѣсь нѣтъ тѣхъ отважныхъ охотниковъ, приключенія которыхъ составляютъ цѣлыя повѣсти, разсказы о которыхъ ходятъ въ народѣ и возбуждаютъ на новыя болѣе и болѣе отважныя предпріятія. Нѣтъ, русскіе сюда почти не заглядывали, а киргизы слишкомъ трусливы, чтобы когда-либо отважиться идти на «жолъ-барыса», и если тигровая шкура попадаетъ въ руки киргиза, то это навѣрное жертва отравы, положенной на тропинку, посѣщаемую звѣремъ.

Южные берега Балхаша не имѣютъ жителей. Это пустыня, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Многія обстоятельства обусловливаютъ это явленіе. Безводная степь и скалы неудобны для ауловъ, потому ближе горъ Ханъ-Тау киргизы и не откочевываютъ. Пастбища здѣсь скудны или, вѣрнѣе, ихъ нѣтъ вовсе. Лошадямъ и людямъ тяжело переносить лѣтнія жары. Но главная причина безлюдія—это то, что здѣсь какъ разъ пролегаетъ граница между Семирѣченскою и Семипалатинскою областями—обстоятельство, крайне удобное для того, чтобы, ограбивъ и убивъ кого-нибудь въ одной изъ областей, безнаказанно скрыться въ другую. Вотъ это-то и причиною, что здѣсь только разбойникъ-барантачъ, да проѣзжій рыбопромышленникъ изрѣдка оживятъ пустыню.

Появленіе на горизонтѣ человѣческаго силуэта здѣсь не предвѣщаетъ ничего добраго. Оно всегда производитъ безпокойство въ отрядѣ, люди хватаются за берданки, осматриваютъ цѣлость патроновъ.

Только въ урочищѣ Камау, въ низовьяхъ Или, можно встрѣтить нѣсколько юртъ киргизовъ-земледѣльцевъ, которые, затерянные въ камышахъ, влачатъ здѣсь жалкое существованіе.

И барантачъ, и земледѣлецъ, и рыболовъ Камау представляютъ оригинальные, только этой части степи свойственные типы киргизовъ-казаковъ, заслуживающіе ближайшаго описанія. Нигдѣ нельзя наблюдать такъ легко и такъ удобно воздѣйствіе внѣшнихъ условій природы и жизни на жизнь и обычаи человѣка, какъ здѣсь, въ Средней Азіи. Киргизы дикокаменные и киргизы-казаки, таранчи-земледѣльцы и вырождающіеся жители Лобъ-Ноора, все это народы одного и того же племени, говорящіе близкими языками. А между тѣмъ какая разница въ психическомъ развитіи, въ складѣ ума и въ характерѣ. И, сравнивая ихъ между собою, невольно отдаешь полное предпочтеніе киргизу-казаку.

Однообразіе и монотонность азіатской природы, безконечныя степи, солонцы, печальные кусты, горы, обнаженныя и непривѣт-

ливыя, наконецъ. кропотливая арычная работа съ желтоземомъ, подъ гнетомъ деспотическихъ правителей, все это не могло не повліять на натуру тюрковъ Средней Азіи. Эта монотонность отразилась и на ихъ характерѣ, пассивномъ и жестокомъ, и на литературѣ, бѣдной яркими цвѣтами фантазіи, и на характерѣ, въ которомъ многіе путешественники видятъ лишь тупоуміе и вѣроломство.

Всѣ эти черты, дѣйствительно являются, какъ бы отраженіемъ монотонной и однообразной природы Средней Азіи. Но именно отъ этой монотонности и однообразія и изъятъ семирѣченскій киргизъ-казакъ, благодаря своему образу жизни, благодаря распредѣленію перекочевокъ. Весною, когда, пользуясь немногими недѣлями влажности, земля спѣшитъ убраться пестрымъ ковромъ тюльпановъ, а оригинальныя зонтичныя и ревени превращаютъ голую пустыню въ подобіе цвѣтущей кустарной степи, народъ этотъ держится въ низовьяхъ Или и подходитъ довольно близко къ окраинамъ описанной нами мѣстности. Его табуны лошадей, тощихъ послѣ зимовокъ, какъ скелеты, теперь пользуются скудными весенними пастбищами, чтобы поправить свои силы. Въ это время можно кое-гдѣ и около Балхаша встрѣтить войлочныя, издали похожія на низкіе стога сѣна, юрты. Рѣдкіе и дорогіе кочаны ассафетиды валяются вокругъ, растоптанные ногами стадъ барановъ; среди нихъ заботливыя женщины съ утра до вечера погружены въ скучную работу доенія многочисленныхъ стадъ коровъ, барановъ и верблюдовъ, молоко которыхъ онѣ, смѣшивая вмѣстѣ, заставляя киснуть и разбавляя водою, превращаютъ въ напитокъ, извѣстный подъ именемъ айрана и составляющій главную пищу и питье кочевниковъ Азіи. Но едва только очнутся отъ весенняхъ холодовъ тарантулы, фаланги и скорпіоны, едва начнетъ блекнуть и вянуть весенняя флора каменистыхъ степей, какъ киргизъ спѣшитъ удалиться въ горы—на Джайлау. Перекочевка это—чистое празднество для аула. День перекочевки ожидается задолго и съ нетерпѣніемъ. За день или съ ранняго утра отправляются стада на назначенное мѣсто. Потомъ, разобравши деревянныя рѣшетки юрть, завьючивши ихъ войлочныя обшивки на верблюдовъ, которыхъ досель держали въ особыхъ войлочныхъ одеждахъ, такъ какъ животныя эти чувствительны къ холоду, ѣдетъ аулъ на мѣсто новой стоянки. Женщины въ праздничныхъ одеждахъ ведутъ подъ уздцы завьюченныхъ верблюдовъ: дѣвушки гарцуютъ на лучшихъ коняхъ, хвастаясь другъ передъ другомъ удалью и ловкостью. Хозяинъ впереди, на нѣкоторомъ отдаленіи пользуется случаемъ осмотрѣть новыя трощники или поохотиться. На

Джайлау новая совершенно обстановка ожидаетъ кочевника. Лѣсная зона и субъальпійскіе луга еще довольно богаты деревьями. Темныя ели свѣшиваются надъ пѣнящимися потоками. Снѣжные пики горъ въ дымчатой голубой атмосферѣ смѣняются изумрудными лугами тучныхъ альпійскихъ пастбищъ.

Попадая въ концѣ весны на лѣтовку, киргизъ напоминаетъ петербуржца, переѣхавшаго на дачу. Сыро, холодно, хлещетъ дождь, иногда со снѣгомъ: бараны жмутся другъ къ другу: верблюды, нелюбящіе горъ, стонутъ, отказываясь взбираться по крутымъ тропинкамъ. Особенно тяжело приходится женщинамъ. Надо собрать и высушить сырыя дрова, поспѣшить разставить юрту, развьючить и разобрать домашній скарбъ, приготовить пищу. Но зато разъ кончатся хлопоты по переѣзду, наступаетъ самое оживленное, веселое время. Наступаетъ пора кумыса. Аулы окружены жеребятами: опьяняющій напитокъ, столь здоровый и питательный въ этомъ горномъ воздухѣ, готовится въ изобиліи, и кочевникъ, полуопьяненный избыткомъ выпитыхъ чашекъ, можетъ предаваться или dolce far niente, созерцая грандіозную горную природу, которая, на сѣверныхъ склонахъ Алатау, сохраняетъ еще всю прелесть и живописность горныхъ странъ Европы и Сибири, или визитировать другъ друга, посѣщая постоянно въ это время устраиваемыя скачки или свадебныя игры съ джигитовками.

Смѣняя степное лѣто на вторую горную весну, семирѣченскій киргизъ пользуется этою весною также лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ свою прелесть и свѣжесть. Поднимаясь съ наступленіемъ лѣта въ горы все выше и выше, онъ къ началу августа достигаетъ неприступныхъ альпійскихъ луговъ, непосредственно прилегающихъ къ участкамъ вѣчнаго снѣга, и здѣсь пасетъ свои отъѣвшіеся табуны лошадей и стада овецъ.

Едва только осенніе вѣтры станутъ засыпать его юрту снѣгомъ, онъ опять спускается въ заросшія полынями степи предгорій, гдѣ уже поспѣли хлѣба, посѣянные весною, и гдѣ горькія степныя травы даютъ новую пищу его стадамъ. Верблюдъ опять накидывается на свои любимыя колючки, и его хозяинъ, смѣняя молочный столъ на мясной и мучной, готовится къ зимовкѣ гдѣ-нибудь подъ защитою скалы и каменнаго забора, въ заросшемъ, увѣшанномъ ягодами барбариса и шиповника, кустарникѣ.

Такимъ образомъ, весна и осень, эти лучшія времена года въ Средней Азіи, занимаютъ большую часть года у киргиза, и въ странѣ 40-градусной жары онъ гораздо чаще терпитъ отъ холода,

чѣмъ отъ высокой температуры.... Уйгуры и гунны, загадочные голубоглазые уссуни и китайцы, персіяне и сарты, калмыки и китайцы, наконецъ, за послѣднее время казанскіе татары и славяне, благодаря историческимъ событіямъ и до извѣстной степени легкимъ нравамъ, оставили слѣды свои въ этомъ племени, говорящемъ на одномъ изъ самыхъ чистыхъ нарѣчій тюркскаго племени, и съ каждымъ годомъ, оставляя древніе полуязыческіе обряды, превращающемся подъ вліяніемъ татарскихъ просвѣтителей въ болѣе и болѣе усердныхъ, даже нѣсколько фанатичныхъ мусульманъ. И, хотя эти киргизы и сохраняютъ въ характерѣ своемъ большинство особенностей тюркскаго племени, однако, —вслѣдствіе той жизни, которую они ведутъ, жизни, полной разнообразія и сильныхъ ощущеній, во время кочевокъ среди луговъ, синѣющихъ генціанами, или бѣлыхъ, какъ снѣгъ, эдельвейса, столь высокоцѣнимаго на альпахъ,—эти полустепняки—полугорцы сохранили или пріобрѣли много черть, болѣе симпатичныхъ, чѣмъ ихъ сосѣди. Живой и любознательный, плутоватый и вспыльчивый, киргизъ обладаетъ и способностями, и памятью, и наблюдательностью, несравненно высшими. Его общительный и мягкій характеръ, чуждый жестокости, ставитъ его безгранично выше звѣрскаго тюркмена, кочующаго исключительно среди пустыни Турана, а любознательность и живость заставляетъ предпочесть его собрату, кочующему среди пустынныхъ сартовъ Тянь-Шаня, кара-киргизу, въ которомъ уже видны слѣды той апатіи и тупоумія, которыми, по словамъ путешественниковъ, такъ щедро надѣлены жители пустынь восточно-азіатскаго плоскогорія. И вопреки явленію, замѣчаемому у калмыковъ, гимназіи выпускаютъ теперь ежегодно извѣстный процентъ мальчиковъ-киргизовъ, шедшихъ ничуть не хуже русскихъ и способныхъ продолжать свое образованіе.

Вотъ этотъ-то народъ, эти семирѣченскіе киргизы и поставляютъ тѣхъ рѣдкихъ выходцевъ, которыхъ можно встрѣтить въ прибалхашскихъ степяхъ—баранчачей-разбойниковъ. Баранту, или, какъ ее здѣсь чаще зовутъ, *джау*, не надо понимать такъ, какъ понимается грабежъ и разбой въ нашихъ краяхъ. При даровыхъ пастбищахъ и изобиліи скота у нашихъ киргизовъ, особенно до прихода европейцевъ, когда стада могли увеличиваться безгранично и отъ Бога, а не отъ заботъ хозяина: при радушіи и гостепріимствѣ дикаря, никогда не нуждавшагося ни въ пищѣ, ни въ кровѣ, ни въ одѣяніи,—киргизы смотрѣли на стада свои, какъ на внѣшнее выраженіе богатства. Баранта являлась опасною, но въ высшей степени заманчивою, игрою, игрою азартною, требовавшею полнаго напряженія умственныхъ спо-

собностей барантача, глубокой наблюдательности, знанія края и характера непріятеля. Обиженный лишается только почестей и славы. благо—имущество, кровь—все это, остается и рѣдко въ глухой степи встрѣтите вы посягательства подобнаго рода на чужую собственность. Обидчика старались не оставить безъ наказанія. Родъ, друзья и знакомые старались не преминуть украсть вновь съ избыткомъ украденное, и родъ возставалъ на родъ, аулъ на аулъ, степь представляла арену кровопролитныхъ стычекъ, пока, наконецъ, не пришли русскіе и не положили конецъ неурядицѣ. Теперь русскій съ безопасностью можетъ ѣхать вдоль и поперекъ илійской пустыни. Близъ горъ Хант-Тау я самъ подвергался нападенію 15 барантачей, будучи безоружевъ; но, убѣдившись, что они имѣютъ дѣло съ русскимъ тюре, они не только не тронули меня, но даже извинились, солгавши, по киргизскому обычаю, что будто *они* насъ приняли за разбойниковъ. За одну украденную у русскаго лошадь волость укравшаго платитъ теперь девять. Это сильно сократило конокрадство у русскихъ. Но горе киргизу попасться врасплохъ въ прибалхашскихъ пустыняхъ. Его и оберутъ, и, связавши, бросятъ на произволъ судьбы среди степи, угнавъ лошадей и забравъ имущество до послѣдняго халата. Тутъ еще свободна арена дѣйствій барантачу, и это они наводятъ такой страхъ, что широкая пограничная полоса между двумя областями остается совершенно пустынною. Въ этихъ барантачахъ концентрируются всѣ особенности киргиза-кочевника—на него сильнѣе, чѣмъ на другаго, кладетъ свой отпечатокъ природа. Точка на горизонтѣ—для него уже или лошадь, или всадникъ. Тамъ, гдѣ всякій умеръ бы съ голода, онъ найдетъ и резервуаръ съ водою и путь. Куланій слѣдъ или крикъ пролетѣвшей птицы говоритъ ему лучше всякаго путеводителя. Въ обширномъ камышевомъ царствѣ Балхаша,—гдѣ бродитъ кабанъ и нѣжная серна кара-куйрюкъ, съ быстротою молніи, выскакиваетъ изъ зарослей чингиля, гдѣ лисицы и зайцы доставляютъ обильную добычу охотнику, а стан пешкановъ, всевозможныхъ утокъ и гусей оживляютъ струи Или, даже въ устьѣ столь быстрыя, что почти не позволяютъ подниматься вверхъ по теченію,- такой барантачъ одинъ у себя дома. Здѣсь, не имѣя крова, рыщетъ онъ на своемъ вѣрномъ конѣ, располагаясь на ночлегъ гдѣ приведетъ Богъ, въ юртѣ, подъ скалой или въ чьемъ-либо логовищѣ. Сколько никому невѣдомыхъ диковинъ знаютъ эти авантюристы. Курганы съ дорогими вещами, зарытыми народомъ, знавшимъ лучшія времена края, впервые изучались этими разбойниками, и много драгоцѣнныхъ

памятниковъ древности, ему извѣстныхъ, канетъ въ вѣчность прежде, чѣмъ какой-либо ученый путешественникъ посѣтитъ эти курганы Балхаша, бывшіе убѣжищемъ барантачей. Какія интересныя изображенія, сцены изъ охоты доисторическаго человѣка низины, показывали мнѣ эти барантачи въ горахъ, куда и фантазія не пріѣдетъ забрести мирному кочевнику или земледѣльцу... Сопоставленіе этихъ сценъ, встрѣчающихся среди утесовъ въ различныхъ мѣстахъ Андракая, Хапъ-Тау и Тюлькуль, въ рукахъ искуснаго археолога дало бы возможность возстановить полную картину жизни древняго человѣка балхашской котловины, громадные скелеты котораго находятъ по р. Или въ пещерахъ, по словамъ туземцевъ.

Не бойтесь этого барантача, добродушно бесѣдующаго съ вами около очага вашей юрты; не удивляйтесь и не ужасайтесь, если онъ разскажетъ вамъ, что онъ на своемъ вѣку убилъ человѣкъ 20 и ограбилъ еще того больше. Хвастать и врать—есть одна изъ главнѣйшихъ слабостей киргиза, и берегитесь довѣрять его слишкомъ краснорѣчивымъ разсказамъ, а числа дѣлите обязательно на пять. Но что за важность, если онъ и убилъ на своемъ вѣку на барантѣ человѣка или двухъ. Тамъ, гдѣ жизнь дешева, гдѣ на баранту и на грабежъ смотрятъ, какъ на рыцарскій подвигъ, тамъ воръ и убійца можетъ оставаться благороднымъ гражданиномъ. И всякій практикъ-путешественникъ скажетъ вамъ, что барантачъ есть надежнѣйшій, интеллигентнѣйшій и лучшій проводникъ, что при умѣломъ обхожденіи съ нимъ труднѣйшіе переходы, лучшія находки будутъ сдѣланы съ его помощью, благодаря его наблюдательности и вѣрной, честной службѣ. И тотъ же киргизъ, наводившій грозу на своихъ соотечественниковъ, будетъ трусить вашей угрозы и сознаваться чистосердечно при первой уликѣ на поползновеніе ко лжи. Таковъ типъ балхашскаго барантача, наивнаго дитяти природы, каковы и всѣ кочевники, герои и не герои, невкусившіе плодовъ цивилизаціи. Иной совершенно типъ представляютъ полуосѣдлые земледѣльцы урочища Камау.

Занявъ русскими и чужеземными (дунганскими и тарапчинскими) колоніями плодородныя предгорія заплійскаго Алатау, русская администрація оттѣснила киргизовъ въ низину. Многіе принуждены были отказаться отъ кочевокъ на Алатау и проводятъ теперь лѣто на безплодныхъ степныхъ вершинахъ Алатау. Другіе занялись земледѣліемъ въ дельтѣ—въ царствѣ камышей, тигровъ и комаровъ. Въ то время, какъ болѣе зажиточные имѣютъ возможность откочевывать на горы, бѣдняки сидятъ здѣсь все лѣто въ наполненныхъ,

во избѣжаніе комаровъ, дымомъ юртахъ, испытывая минуты, совмѣщающія въ себѣ прелести комариnаго царства тундры съ высокою температурою Сахары, наблюдая за цѣлостью полей проса и пшеницы и изрѣдка охотясь въ лѣсахъ Тала и Джидды на кара-куйроковъ или на болотныхъ птицъ. Единственнымъ напоминаніемъ объ утраченной природѣ алатавскихъ Джайлау является для нихъ весенній цвѣточекъ примулы, приносимый въ видѣ сѣмени съ высотъ Тянь-Шаня льдами Или и цвѣтущій на болотистой почвѣ Камау.

Здѣсь, вдали отъ остальнаго міра, эти люди кажутся какими-то очумѣлыми. Проѣзжій возбуждаетъ въ нихъ не любопытство, а страхъ. При извѣстіи о приближеніи каравана, лошади и верблюды угоняются въ пески, а сами жители на всякій вопросъ съ недоумѣніемъ качаютъ головой и отвѣчаютъ *джокъ*! За все мое путешествіе я не видалъ дикарей болѣе запуганныхъ и тупыхъ. И нельзя сказать, чтобы рѣдкіе наѣзды русскихъ, изъ коихъ многіе совершаются съ цѣлью «проучить киргизишекъ», способствовали развитію населенія. Все Семирѣчье знаетъ о томъ, какъ казацкій герой Илійской станицы ѣздилъ съ листкомъ «Областныхъ Вѣдомостей» собирать у нихъ подать въ пользу собственнаго кармана. Экспедиція эта, къ счастію, была захвачена на обратномъ пути и виновникъ примѣрно наказанъ. Но сколько можно подозрѣвать подобныхъ же экспедицій неразоблаченныхъ! Неудивительно, что одичавшее и отупѣвшее населеніе не особенно охотно встрѣчаетъ здѣсь проѣзжаго уруса, и въ общемъ производитъ впечатлѣніе, весьма сходное съ тѣмъ, какое произвело на ген. Пржевальскаго вырождающееся населеніе озера Лобъ-Нора.

Такимъ образомъ южные, берега Балхаша въ настоящее время представляютъ лишь арену дѣйствія для барантачей киргизскаго и русскаго происхожденія. Мирное же и культурное населеніе представляетъ тамъ картину довольно жалкую. А между тѣмъ развалины укрѣпленій, рисунки на скалахъ и многочисленные курганы по берегамъ Балхаша свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда не только во времена доисторическія, какъ то было видно по флорѣ, но и во времена историческія, эти мѣста имѣли лучшее прошлое.

Увидитъ ли оно лучшее будущее—о томъ судить пока мудрено.

А. Красновъ.

Передвиженія и судьбы тюркскаго народа.

(Глава VI изъ послѣдняго сочиненія Вамбери: Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Lezoiehungen. Leipzig. 1885).

Послѣ того, какъ мы попытались обрисовать родственныя отношенія между тюрками и уграми, а въ особенности освѣтить должнымъ образомъ ошибочность и неумѣстность употребленія имени «Угры», мы обратимся къ изслѣдованію путей, по которымъ шла миграція тюркскаго народа. При этомъ мы не должны будемъ ограничиться одними только указаніями, которыя намъ дадутъ названія мѣстностей, какъ это сдѣлали Эйхвальдъ и Риттихъ [1]) касательно первыхъ миграцій финно-угровъ, ибо мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи въ данномъ случаѣ указаніе большой доказательности, указаніе, подобное которому не легко было бы найти даже въ этнологіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ.

Принимая во вниманіе нынѣшнее географическое распространеніе тюркскаго народа, мы находимъ, что языки, на которыхъ они нынѣ говорятъ, по своимъ діалектическимъ особенностямъ въ сущности распадаются на три главныя группы: *а)* тюркскіе діалекты Южной Сибири, распространенные до Тобольска и Туринска въ различныхъ оттѣнкахъ, но съ несомнѣннымъ общимъ характеромъ.

---

[1]) Въ этюдѣ, набросанномъ Риттихомъ, опирающемся въ данномъ случаѣ на Эйхвальда, о первой миграціи финновъ изъ Алтая въ ихъ теперешнюю родину, ливы являются авангардомъ, тогда какъ въ аріергардѣ оказываются: весь, меря, мурома, и т. д. Касательно маршрута Эйхвальдъ и Риттихъ признаютъ, что всѣ тѣ мѣстности, которыя, встрѣчаясь въ обозначенномъ направленіи, начинаются словомъ чудь (по-русски финнъ, чужеземецъ, варваръ), какъ-то Чудово, Чудиново, Чудовка и проч., были мѣстами остановокъ финновъ, двигавшихся къ сѣверо-западу. Конечно, это смѣлая гипотеза, если принять во вниманіе, что чудь на русскомъ языкѣ обозначаетъ не только финна, но и чуждое, странное и т. п.

b) Такъ называемое восточно-тюркское нарѣчіе, начинающееся уйгурскимъ, какимъ мы его видимъ въ 900-лѣтнемъ текстѣ Кудакту-Билика, и тянущееся долгою цѣпью, отдѣльныя звенья которой составляютъ киргизскія, узбегскія, туркоманскія, куманскія и османскія нарѣчія, отъ Тянь-Шаня до Адріатическаго моря. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, благодаря разнороднымъ вліяніямъ времени и культуры, проявились многоразличныя и весьма существенныя отклоненія въ грамматическихъ формахъ и въ запасѣ словъ,—однако, трудно не признать духа общаго происхожденія и ближайшей сродственности этихъ языковъ; мы приходимъ такимъ образомъ къ тому убѣжденію, что народы, которымъ эти нарѣчія свойственны, съиздавна стояли въ ближайшемъ сродствѣ между собою. *c)* Происходящія изъ *a)* и *b)* смѣшанные діалекты, какъ-то башкирскій, казанскій, ногайскій и крымско-татарскій, въ которыхъ уже трудно съ точностью опредѣлить количественнымъ анализомъ амальгаму, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, въ нихъ уже въ силу географической соприкосновенности, преобладаютъ слѣды сѣверно-тюркскаго, хотя съ другой стороны они носятъ и существенные слѣды вліянія восточно-тюркскаго.

То, что сказано о трехъ категоріяхъ діалектовъ, несомнѣнно можетъ быть примѣнено и къ тѣмъ тюркскимъ народамъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Изъ этого взаимнаго отношенія діалектовъ можно заключить и даже, съ относительной вѣроятностью, рѣшить, что часть тюркскаго народа проникла изъ своего предполагаемаго мѣста исхода въ степной области, по верхнимъ теченіямъ Енисея, Оби, Иртыша въ сѣверо-западномъ направленіи, за Тоболъ, быть можетъ, и оттиснувъ при этомъ коренныхъ жителей, описываемыхъ китайцами, какъ голубоглазая и рыжеволосая раса. Къ западу эти народы распространились на столько, насколько это допустило постепенное отступленіе отдѣльныхъ группъ финно-угровъ. Время, въ которое началось это миграціонное передвиженіе, не могъ бы опредѣлить и самый смѣлый спекулятивный умъ: тѣмъ вѣроятнѣе, однако, предположеніе, что тюрки, преслѣдованіе въ сѣверо-западномъ направленіи, распространились въ большихъ массахъ только до Волги, иначе говоря до западной границы древняго болгара, такъ какъ въ древнюю эпоху [1]), къ западу отъ средняго те-

[1]) Риттихъ («Матеріалы» I, 15) того мнѣнія, что потокъ финскихъ народовъ къ концу V или въ началѣ VI столѣтія до Р. Х. двинулся съ далекаго востока чрезъ нынѣшнюю Казанскую губернію. Какъ причину передвиженія народовъ, онъ принимаетъ чрезвычайное расширеніе могущества Пер-

ченія Волги, уды, меря, черемисы, мордва и славяне явились ихъ соперниками въ обладаніи этихъ земель.

Вторая и болѣе типичная часть тюркскаго народа двинулась въ древнюю эпоху, лежащую внѣ всякихъ историческихъ воспоминаній, въ южномъ или точнѣе въ юго-восточномъ и юго-западномъ направленіи. Подъ тюрками, прослѣдовавшими на юго-востокъ, прежде всего слѣдуетъ разумѣть *уйгуровъ*, о которыхъ китайскія хроники уже за 400 лѣтъ до Р. Х. упоминаютъ, какъ о народѣ, живущемъ къ западу отъ Лобъ-нора: уже въ весьма раннее время они должны были распространиться отъ верхняго Иртыша черезъ Тянь-Шань и нынѣшнее Урумчи по направленію къ пустынѣ Лобъ-нора. Южной окраины этой пустыни они однако же никогда не занимали, ибо здѣсь находились Хоты, бывшіе уже въ древнѣйшее время арійской колоніей, какъ это устроумно доказано Абелемъ Ремюза [1]). По направленію къ востоку граница тюркской народности также никогда не переходила за нынѣшній Комулъ или Хами; тѣмъ неудержимѣе за-то должны были быть миграціонныя движенія къ юго-западу уже въ древнее время, ибо, несмотря на свою близость къ уйгурамъ въ этническомъ и политическомъ отношеніяхъ, народы, ураганомъ пронесшіе надъ древней Согдой, разрушившіе основанную Александромъ Великимъ монархію и кочевавшіе затѣмъ во времена Сассанидовъ у восточной границы Ирана, должны были быть тюрками. Точно также народы, описываемые въ геройскихъ сагахъ Ирана, какъ нагіе и чудовищеподобные враги, и жившіе къ сѣверу отъ этой страны, могли быть только тюрками. Что касается до болѣе точнаго обозначенія пути ихъ къ юго-западу, то мы во всякомъ случаѣ не ошибемся, если предположимъ, что самое ядро тюрковъ уже издревле, въ весьма раннюю эпоху, должно было прослѣдовать изъ великихъ среднеазіатскихъ степей къ сѣвернымъ берегамъ Аральскаго и Каспійскаго, равно какъ и Чернаго морей:

сіи тогдашняго времени, что повело къ тому, что часть массагетовъ направилась къ сѣверу, къ мѣстожительствамъ нынѣшнихъ башкировъ, а слѣдовательно—оттиснула финновъ къ сѣверо-западу. Конечно, это гипотеза, и притомъ одна смѣлыхъ. Все же можно принять за достовѣрное, что финно-угрскій элементъ преобладалъ до конца прошлаго тысячелѣтія по среднему теченію Волги.

[1]) На картѣ Тибета, составленной по указаніямъ *Hodgson*'а (сравн. Markham «Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet», London 1879) находится на плоскогоріи къ югу отъ Алтынъ-Дага названіе Хоръ-Па, обозначающее номадовъ тюркской національности; ошибочность этого воззрѣнія достаточно выяснена Пржевальскимъ.